

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РСФСР
ПО ДЕЛАМ НАУКИ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

ЖУРНАЛИСТИКА КОНЦА 80-х: СМЕНА ПРИОРИТЕТОВ

Сборник научных трудов

ЕКАТЕРИНБУРГ • 1991

С 556.57
Ч. 693

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. М. Горького

Журналистика конца 80-х: Смена приоритетов: Сб. науч. тр.
Екатеринбург: УрГУ, 1991.

В сборник включены статьи, рассматривающие радикальные изменения в структуре советской прессы, в организации работы редакций газет, в их взаимоотношениях с издателями, в направленности, содержании и методах журналистского творчества. Авторы анализируют динамичные процессы, протекающие в газетной и журнальной периодике, в телевизионной журналистике.

Редколлегия: профессора А. М. Майданова, В. Н. Фоминых, В. А. Шандра (Уральский университет), Г. В. Колосов (Воронежский университет), доценты М. М. Ковалева, Л. А. Кропотов, Б. Н. Лозовский (Уральский университет), М. Т. Мезенцев (Ростовский университет), В. Г. Сесюнии (Уральский университет) — отв. редактор.

-

ISBN 5-230-06672-5

© Уральский государственный
университет, 1991

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В последние годы в научной и массовой литературе много и справедливо говорилось о том, каким тяжелым бременем на общество в целом и на журналистику в частности легла командно-административная система, как извратила она демократические идеи свободы и социальной справедливости, к каким удручающим последствиям привела. Но значительно реже указывалось на то, что журналистика была не только потерпевшей, но и виновной стороной, потому, что сама была частью этой системы, созданной, организованной и функционирующей по ее образу и подобию. Как писал еще совсем недавно В. Наедин: «... Газеты являются довольно редким по нынешним временам реликтом сталинизма.

Суровая иерархия всех газет... Келейные методы подбора журналистов... Нелепые принципы гонорарной политики... Отчужденность газетчиков как от роста, так и от падения тиражей... Абсолютная тайна при назначении новых главных редакторов... Дробная структура отраслевых отделов, слепо копирующая уже и не сегодняшнюю, а вчерашнюю схему партийных комитетов...»¹

Получили мы все это в наследство от политики всеобщей «официализации» советской журналистики, названной так Ю. Буртиным по аналогии с коллективизацией сельского хозяйства², начало которой было положено Декретом о печати (1917). И как бы многообещающе ни звучали тогда ссылки на временный характер принятых репрессивных мер, на то, что «стеснение» печати будет производиться «только в пределах абсолютно необходимых» и «как только новый порядок упрочится — всякие административные воздействия на печать будут прекращены»³, сегодня ясно, что именно этим политическим актом были введены монополия правящей партии на печать и административное подавление тех органов прессы, которые, с точки зрения властей, «вносят смуту в сознание масс»⁴, покончено с принципом свободы печати, понимаемой как право свободно оглашать через газеты «все мнения всех граждан»⁵. На печать одели узду, приравняли к любому передаточному аппарату массового характера, «при помощи которого партия ежедневно и ежечасно говорит с рабочим классом на своем, нужном ей языке»⁶, и превратили тем самым в мощное орудие партийно-государственной диктатуры в духовной сфере.

¹ Наедин В. Конвертируемый гражданин // Известия. 1989. 6 окт.

² Буртин Ю. Если без самообмана // Лит. газета. 1989. 20 дек.

³ О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: Сб. док. и материалов. М., 1972. С. 58.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Леся В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 211.

⁶ Двенадцатый съезд РКП(б): Из организационного отчета ЦК РКП(б) // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. С. 91.

Огосударствленная, лишенная возможности функционировать и развиваться по собственным законам журналистика переняла у командно-административной системы основы своей организации, цели деятельности и способы влияния на общественную жизнь. Советская печать стала представлять собой не систему самостоятельных журналов и газет, как во всем остальном мире, а сумму «органов» различных, вышестоящих по отношению к ним организаций (партийных, советских, хозяйственных), рупором которых они и являлись. Сами газеты были выстроены по ранжиру, в виде иерархически организованной пирамиды, где властвовала своя субординация: одни издания были «начальством» для других. Никакие особые цели деятельности, кроме претворения в жизнь решений партии и правительства, за прессой не признавались. В лучшем случае она рассматривалась как промежуточное звено второго порядка, функция — средство, способствующее достижению все тех же пропагандистских, агитационных и организаторских целей. Наряду с идеологическими и морально-психологическими методами воздействия на аудиторию, журналисты опирались и на принудительные способы, апеллируя к органам власти и управления, требуя вмешательства репрессивного аппарата партии и государства.

Представление, что именно они являются основными гарантами познавательной силы и практического влияния печатного слова на общественную жизнь, оказалось сформированным настолько прочно, что многие журналисты, особенно «низового» звена печати, до самого последнего времени стремились укрепить свое положение в командно-административной системе и занять в ее иерархии место повыше. Характерна в этом отношении дискуссия, проведенная «Советской Россией», о причинах застойных явлений в районной печати. Ее участники, сотрудники районных газет, неоднократно высказывали мысль, что действенность прессы главным образом зависит от поддержки ее выступлений вышестоящими партийными органами, наиболее радикальным средством повышения ее роли в обществе называли передачу районной печати в ведение областных комитетов партии и даже утверждали, что «назрела пора централизовать всю нашу печать»⁷. Парадоксальная в общем-то ситуация. Журналисты, подготовившие во многом общество к мысли о необходимости демонтажа командно-административной системы, ратовали за укрепление ее принципов в средствах массовой информации для более эффективной борьбы с самой этой системой, не замечая, что решение проблемы следует искать совсем в другом направлении и что это направление подсказывает сама жизнь и журналистская практика. Оно в опоре журналистики на общественное мнение.

Возрождение гражданского общества и правового государства, разделение исполнительной и законодательной власти, создание

⁷ Шевякин А. «Быть или не быть публикации» // Сов. Россия. 1987. 23 авг. См. также: Топчиев И. Безгласие глубинки // Сов. Россия. 1987. 9 авг.; Федоров В. Кто тогда рассеет тьму? // Сов. Россия. 1987. 11 окт.

демократических механизмов формирования институтов власти, переход от представительной демократии к непосредственной — прямому влиянию широких народных масс на политику государства — привели к кардинальной смене приоритетов в отношении гарантов действительности средств массовой информации. Далеко не сразу и не для всех становилось ясно, что возможность прессы оказывать воздействие на органы социального управления определяется уже не местом, которое занимает в иерархии власти стоящая за печатным изданием организация, а способностью журналистов выразить интересы главных общественных сил, интегрировать мнения различных социальных групп, возбудить общественное настроение и в итоге добиться активной поддержки своих требований широкими массами, вплоть до общественных акций гражданского неповиновения. Только в самом конце 80-х годов было осознано, что пресса в состоянии стать не вторичным, а самостоятельным фактором в жизни общества, лишь достигнув необходимого уровня автономии от номенклатуры и укрепив свои связи с общественным мнением. Только отказавшись от функций органов власти и управления, она может исполнять функции критики командно-административной системы, контроля за тем, чтобы демократический пресс на «правительство» работал непрерывно, играть роль судьи, выступающего от имени демократии. Не стоять на позиции официальной власти, а постоянно контролировать действия властей — первая и, пожалуй, наиболее существенная перемена в журналистике на рубеже 80-х и 90-х годов.

Переориентация прессы с властных структур общества на общественные силы, представляющие интересы различных социальных групп, уменьшение ее инструментальной роли в руках власти имущих и возвышение ее значения как средства осуществления непосредственной демократии привели к радикальной перестройке системы журналистики в стране: к разделению единого организма партийно-советской печати на самостоятельные партийные и государственные издания, к появлению газет самых различных партий (от анархических до монархических), разнообразных массовых политических движений и объединений (от экологических до националистических), к возникновению прессы, независимой от каких-либо социальных институтов — газет, журналистских коллективов и отдельных граждан. Новая структура средств массовой информации создавалась и создается параллельно старой, внутри ее, в борьбе с ней. Процесс этот не завершен. Но приоритеты уже изменились в пользу неформальной, свободной, независимой прессы.

И последнее. Изменения социального статуса, направленности, типологии и внутренней структуры прессы привели к совершенно необычной для советской журналистики ситуации, когда читатель перестает воспринимать газету как правительственный источник официальной информации, а любую статью в газете как директиву всемогущей организации или органа власти, а потому обязательную

для исполнения. В массовом сознании все отчетливее формируется представление о том, что газеты отражают мнения конкретных групп людей или даже личные позиции отдельных журналистов, а потому их оценки действительности далеко не бесспорны. Эта перемена заставляет по-новому подходить к оценке качества журналистского труда и профессионализма. Вот когда умение хорошо писать сделалось необходимым журналисту как воздух. Исчезли все, или почти все, привходящие обстоятельства, стимулирующие раньше подписку и чтение газет, авторитет печатного слова и доверие к периодической печати, стремление откликнуться на выступление прессы или готовность использовать полученную информацию. Наиболее существенным, если не единственным фактором стало условие: материал должен быть хорошо написан. И составители сборника надеются хотя бы в малой мере помочь журналистам, стремящимся совершенствовать свое мастерство, в поиске наиболее точных, ярких и убедительных слов, побудить их вдумчиво относиться к самому процессу творчества.

ПРЕССА И УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ

Логика и практика перестройки выдвинули проблемы журналистики в центр дискуссий о политической системе нашего общества, об управлении им. В этом отношении особенно показательны дебаты вокруг Закона о печати, развернувшиеся в Верховном Совете СССР и средствах массовой информации. Причину обостренного интереса к законопроекту точно определил народный депутат СССР Б. Н. Никольский: «Вопрос о владении информацией — это по сути дела вопрос о власти»¹. Для советских и зарубежных исследователей журналистики такая постановка вопроса не нова. На историческом и современном материале многократно рассматривалась роль печати как проводника интересов, воли, политики тех или иных социальных сил, как средства обеспечения деятельности институтов власти. Не менее важна и активная роль самой прессы, ее инициатива и лидерство в регулировании социальных процессов.

К такому повороту проблемы побуждает расширение общественного самоуправления, которое является одной из ведущих тенденций социального прогресса на этапе перестройки. Сегодня деятельность прессы нельзя рассматривать без учета научных представлений о том, каким образом в обществе происходит самоуправление и саморегулирование. В первую очередь это касается механизма принятия и выполнения решений по социально значимым вопросам — центрального пункта всякой управленческой деятельности. Теоретикам печати предстоит заново осмыслить некоторые суждения, получившие распространение в предыдущие годы, например, такое: «Утверждение норм (прежде всего морально-этических и нравственных), формирование ценностей... распространение знаний — главные направления социальной регуляции, осуществляемые при помощи СМИ»². В приведенной формулировке отсутствует указание на участие печати в подготовке и принятии решений и вся работа редакций замкнута в сфере сознания, изолирована от непосредственной управленческой деятельности.

К числу причин односторонней оценки возможностей прессы относится узкое понимание существа управленческого решения. Обычно такое толкование дают специалисты в области права, рассматривающие решение как «социальный акт, подготовленный на основе вариатного анализа и оценки, принятый в установленном порядке, имеющий директивное... значение, содержащий постанов-

¹ Каким быть закону о печати // *АиФ*. 1989. № 48.

² Проблемы информации в печати: Очерки теории и практики. М., 1971. С. 281–282.

ку целей и обоснование средств их достижения, организующий практическую деятельность субъектов и объектов управления»³. Естественно, что далеко не всегда газетные выступления несут в себе столь тщательно проработанные рекомендации. А главное — они не имеют директивного значения.

Но возможен и другой угол зрения. Поскольку журналистская практика принадлежит в основном миру социально-политических отношений, для нее особую ценность представляют выводы социологической науки. В социологии же понятие «решение» определяется гораздо шире — как тем или иным способом зафиксированный проект какого-либо изменения в организации⁴. Тогда поведенческая реакция на газетное выступление — это реализация того проекта действий, который был разработан в печати. Таким образом, говорить надо не о том, что редакция не принимает решение, а лишь о том, что она не наделена правом требовать безусловного выполнения своих предложений.

Впрочем, и здесь однозначный ответ является неточным. Исследователи проблем самоуправления выделяют три степени участия общественности в выработке решений: консультативное, «сорешающее» (вместе с другими субъектами политического процесса) и решающее (полное самоуправление)⁵. Данной градации соответствуют три формы подготовки решений в прессе: **рекомендации, моделирование развития объекта и референдум**. В теории печати не принято строго разделять эти формы. Между тем в редакционной практике они заметно отличаются друг от друга. В современных условиях каждая из них приобретает новое содержание, обусловленное повышением роли печати в развитии общественного самоуправления. Мы охарактеризуем эти формы и остановимся на вопросе их действенности.

Чаще всего в печати встречается выработка рекомендаций. Это обязательный компонент всякого проблемного и особенно критического выступления. Без конструктивных предложений анализ бывает неполным, незавершенным, а критика, даже самая резкая по тону, превращается в пассивную констатацию недочетов. Рекомендации бывают более или менее развернутыми, они касаются общего уровня деятельности критикуемого объекта или отдельных ее сторон, формулируются в виде категорических требований или советов и пожеланий. Но они всегда рассчитаны на реакцию определенного адресата, которую ожидают и редакция, и аудитория. Оперативный ответ на публикацию такого рода принято считать показателем действенности журналистского выступления. Однако опыт печати, накопленный за годы перестройки, убеждает в том,

³ Тихомиров Ю. А. Управление делами общества. М., 1984. С. 44.

⁴ Пригожин А. И. Социологические аспекты управления. М., 1979. С. 46.

⁵ См.: Гуляев В. Е. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Сов. государство и право, 1986. № 3; Ильинский И. П. Социалистическое самоуправление народа. М., 1987.

что и в содержании действительности, и в способах её учета происходят изменения, которые еще недостаточно глубоко исследованы и поняты.

С одной стороны, действительность средств массовой информации сегодня приобретает еще большую значимость, чем раньше. Это объективная необходимость, связанная с усилением демократических начал в управлении обществом, с утверждением гласности. С другой стороны, резкий рост количества критических материалов сопровождается уменьшением числа ответов редакциям. К тому же среди ответов преобладают отбечаемые, ни к чему не обязывающие сообщения, нередко факты неискренности отвечающих⁶. Однако неправильно было бы считать такое отношение к прессе порождением последних лет. Перестройка лишь обнажила тот порок, корни которого уходят в предыдущие годы. По наблюдениям социологов, тенденция к росту числа ответов, составленных из неопределенных обещаний и общих слов, наметилась в конце 70-х—начале 80-х годов⁷. Подлинная проблема, заслуживающая внимания со стороны науки, заключается в том, чтобы объективно рассмотреть различные виды реакции на печать и степень их общественной ценности.

Журналисты-практики уже идут по этому пути. Преодолевая гипноз большого количества ответов, редакции все пристальнее всматриваются в их содержание. «Правда», например, ввела такую классификацию ответов с точки зрения их достоверности и значимости: «По существу», «Молчат...», «От» и «до», «Есть вопрос»⁸. О каком-либо влиянии печати на решение социальных проблем можно говорить только в связи с ответами «по существу», т. е. несущими информацию о практических действиях по следам газетных акций. Контент-анализ рубрик действительности районной печати Архангельской области, проведенный нами в 1987 году, показал, что таких сообщений насчитывается не более 40% от общего массива ответов⁹. Однако и сами действия отнюдь не всегда подтверждают, что редакция помогла выработать верное управленческое решение. Среди них преобладают различного рода обещания исправить положение вещей (15—25% всех ответов), устранить частные недостатки (13—23%), наказать виновных (6—13%), тогда как внедрение полезного опыта отражено в мизерном количестве сообщений. Тот же характер реакции наблюдается в центральной прессе. Так, по сигналам «Комсомольской правды», за месяц 13 человек были восстановлены на работе, опротестовано 21 решение пра-

⁶ См.: Синенко В. Ответ в редакцию // Правда. 1989. 8 сент.

⁷ См. Косяков В. М. Исследование проблемы развития общественной критики: (Социол. подход): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1985. С. 12—13.

⁸ Как газете отвечают // Правда. 1989. 20 нояб.

⁹ Подробнее см.: Корконосенко С. Г. Действительность районной печати: по форме и по существу // Городская и районная печать на новом этапе перестройки и борьбы за ускорение социально-экономического развития общества. Кишинев, 1988.

воохранительных органов, снято с работы или понижено в должности 28 человек, объявлено 94 взыскания¹⁰.

Карательный уклон сообщений только на поверхностный взгляд убеждает в силе газетного слова. Опытный журналист Д. Новоплянский расценивает информацию о традиционном выговоре нерадивому работнику как шедевр бюрократической техники образца 70-х годов¹¹. На местах санкции нередко применяются для того, чтобы продемонстрировать показную взыскательность и уйти от конкретного решения вопросов. Как показали специальные исследования, примерно 75% выговоров сами должностные лица считают страховочными¹².

Столь же мало конструктивны и обещания принять меры. Даже оповещение читателей о планах и программах преобразований, скрепленное официальной подписью, по существу не может удовлетворить общественность. «Советская Россия» вскоре после публикации о дефиците меховых изделий напечатала ответы из Министерства легкой промышленности СССР и Центросоюза. В них говорилось об исчерпывающих мерах, намеченных на улучшение дела. За четыре года, прошедшие с тех пор, было издано немало циркуляров, но потребности населения в меховых изделиях лучше удовлетворяться не стали¹³.

О том, что рекомендации печати учтены в управленческой и организаторской практике, можно говорить тогда, когда несомненными становятся улучшения в деятельности адресатов выступления. Редакция вступает в эффективное взаимодействие с заинтересованными лицами и учреждениями. Примером служит сдвиг, происшедший в организации хранения продовольственных товаров, получаемых «Продинторгом». В ответе на выступления «Советской России» говорится следующее: «... Благодаря принимаемым мерам, а также активной позиции, занятой прессой, в том числе и газетой «Советская Россия», удалось достигнуть конкретных сдвигов по модернизации весового хозяйства и наведению должного порядка в советских портах. Уже установлены вагонные весы с автоматической регистрацией веса... В целом по итогам первого квартала... со стороны советских заказчиков не было претензий по качеству сахара-сырца, растительных масел, мяса и мясoproдуктов»¹⁴.

В связи с требованием доводить до конца начатое дело возникает вопрос о сроках ответа редакциям. Как известно, они ограничены месяцем со дня публикации. Не всегда за столь короткое время удается принять эффективные меры по сложному вопросу. Скороспелый ответ на публикацию, по справедливому заключению

¹⁰ Моржина Н. Вы писали в сентябре // Комс. правда. 1986. 5 окт.

¹¹ Новоплянский Д. Простой лесничий // Правда. 1986. 4 дек.

¹² Овчаренко Г., Черняк А. Закон есть закон // Правда. 1987. 25 марта.

¹³ Несшитые дубленки; Крыша с овчинку // Сов. Россия. 1987. 21 янв.: 20 марта.

¹⁴ Атракцион терминов // Сов. Россия. 1989. 23 июня.

А. Г. Менделеева, не может служить достаточным основанием для положительной оценки эффективности журналистского выступления¹⁵. Так ли уж правы редакции, когда стремятся во что бы то ни стало получить отклик в течение месяца и, опубликовав его, закрыть дело? Ведь углубление анализа положения дел неизбежно влечет за собой увеличение сроков внедрения газетных рекомендаций. Нынешнее приравнивание выступлений печати, радио, телевидения к другим формам заявлений и жалоб трудящихся, закрепленное в правовых актах, изжило себя. С учетом разного уровня проблемности следовало бы ввести разные сроки обязательного ответа на критику в печати. Как справедливо замечено, «время, предлагаемое газетой для устранения недостатков, должно быть реальным»¹⁶. Добавим, что совершенно необходимым элементом контроля за выполнением планов и обещаний, цоявившихся по горячим следам публикаций, является информирование читателей о том, как в действительности идет работа, к каким результатам она привела. Двуступенчатый контроль со стороны редакций помогает обеспечить единство слова и дела в практике журналистских коллективов и в поведении адресатов критики.

Увеличение периода журналистского анализа и масштабов наблюдаемых явлений приводит к тому, что в поле зрения прессы попадают уже не отдельные характеристики объекта, а комплекс его существенных сторон и перспективы его развития. Это дает печати возможность перейти к методу моделирования. Пресса выстраивает оптимальную модель функционирования и развития предприятия, отрасли народного хозяйства, общественной организации. Высказывается даже мысль о том, что журналистика отражает структуру общества в целом — «как модель поведения всех перестроечных сил»¹⁷. В моделировании полнее всего выражается способность печати к социальному прогнозированию. Как верно, хотя и не без преувеличения, отмечает один из первых исследователей этой темы М. Т. Мезенцев, «редко какой аналитический материал, а тем более имеющий обобщающий или итоговый характер, обходится без использования метода публицистического прогноза как инструментального воздействия не только на общественное мнение, но и на конкретные мероприятия правительства, партий, государственных деятелей»¹⁸.

Особенность моделирования проявляется как в системном подходе к объекту анализа, так и в своеобразных отношениях, которые складываются у печати с системой управления. Редакции готовят

¹⁵ См.: *Партийное руководство средствами массовой информации и пропаганды* / Редкол.: В. М. Горохов и др. М., 1987. С. 131.

¹⁶ Кулев В. С. Контроль за действительностью газетных публикаций // *Методы журналистского творчества*. М., 1982. С. 128.

¹⁷ Шкондин М. В. Журналистика и реформа политической системы // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика*. 1988. № 5. С. 7.

¹⁸ Мезенцев М. Т. Суждения о будущем в публицистическом тексте. Ростов н/Д. 1983. С. 29.

целый пакет предложений, который может лечь в основу развернутого решения государственных, партийных и других полномочных органов. Нередко газета действует по прямому заказу своего издателя, заинтересованного в такой подготовке ответственных документов. В этом смысле моделирование надо рассматривать как проявление «сорешающей» демократии, в отличие от консультативных рекомендаций.

Интересен, например, опыт «Советской России», которая в течение нескольких месяцев накапливала материал для модели самоуправляемой и самофинансируемой территории, помещая выступления отдельных авторов, отчеты о дискуссиях специалистов, обобщающие статьи, обзоры своих публикаций¹⁹. Широкое распространение в газетах получил опыт организации «клубов деловых людей», «проблемных лабораторий», «круглых столов». Данные виды бесед эффективны в тех случаях, когда хотят не просто поднять ту или иную проблему, но и указать на пути ее разрешения²⁰.

Характерно, что почти каждый из «модельных» материалов содержит заключение, где излагается проект оптимального решения исходной задачи. Так, «Советская Россия» напечатала текст под названием «Модель перестройки на территории сельского Совета». Этот итоговый для редакции документ охватывает производственные и социальные вопросы, в том числе такие конкретные, как функционирование колхозов и совхозов, банка, поликлиники, школы, положение пенсионеров и других групп населения²¹. Метод моделирования, избранный редакцией, помог ей добиться внедрения системы самофинансирования территорий. Газета получила письмо от председателя исполкома одного из сельских Советов, где говорилось следующее: «Статья «Хозрасчет для исполкома»... подтолкнула нас к решительным действиям. Совместно с толковыми экономистами исполком разработал экономическое обоснование перевода сельского Совета на полный хозрасчет и самофинансирование»²².

Модель, вырабатываемая в прессе, будет верной и реалистичной, если она базируется, с одной стороны, на заключении квалифицированных экспертов и, с другой, на практической проверке идей и положений. В прогностических материалах центральных газет обычно содержится минимум отвлеченных рассуждений, авторы исходят «из абсолютно установленного». К примеру, пересмотр структуры АПК подготовили эксперименты в Новомосковском рай-

¹⁹ См.: Травкин Н. К хозрасчету района: Николаев Ю. Плюс свой бюджет; Максимовский Э. Хозрасчет для исполкома // Сов. Россия. 1987. 29 марта; 2 авг.; 28 окт.

²⁰ См.: Труд журналиста. Методика и техника организации журналистского общения (интервью, беседа за «круглым столом») / Сост. В. П. Таловов. Л., 1983. С. 27.

²¹ См.: Максимовский Э. Хозрасчет для исполкома // Сов. Россия. 1987. 28 окт.

²² Куликов Д. Расцветет ли черешня? // Сов. Россия. 1988. 8 нояб.

оне Тульской области, проходившие при шефском участии «Правды». «Советская Россия» сделала ставку на массовую экспертизу читателей, предложив им анкету, ответы на которую нашли отражение в итоговой модели территориального самофинансирования. Для внедрения модели и продолжения анализа проблем был подготовлен эксперимент в Наро-Фоминском районе Московской области. Проведение такой работы вовсе не является прерогативой центральных изданий. Дело не в абсолютной величине объекта, а в его значимости для данного региона и в умении редакции нацелить свою деятельность на комплексный подход к его изучению. Организовать, например, полноценную читательскую экспертизу под силу и районной газете. В арсенале средств организационно-массовой работы редакции есть все, что для этого необходимо.

Деятельность такого рода и по содержанию, и по внешним параметрам приближается к эмпирическому социальному исследованию, а то и становится им в полной мере. Социологи признают, что хотя эмпирические исследования проигрывают конкретно-социологическим в теоретической глубине и надежности данных, они тем не менее создают базу для построения управленческих прогнозов и контроля за ходом реализации решений²³. В литературе по вопросам социального управления иной раз управляющая роль прессы сводится к информированию государственных и хозяйственных органов о материальных и духовных запросах населения²⁴. Опыт редакций убеждает в том, что журналистика не только надежно информирует органы, но и берет на себя значительную долю забот по подготовке решений.

Практическое использование рекомендаций и моделей, предлагаемых прессой, зависит не только от журналистов. Не менее важна готовность органов управления к сотрудничеству с печатью. Объективная потребность в этом существует. У руководителей разного ранга от 30 до 65% объема интеллектуального труда занимает логическая обработка информации²⁵. Включаясь в подготовку решения, печать значительно облегчает задачу управленцев. Однако в действительности только третья часть руководителей трудовых коллективов рассматривает предложения трудящихся в качестве исходного материала для принятия решений²⁶.

Опрос руководителей трудовых коллективов, проведенный нами в ходе исследования печати Архангельской области, показал, что приблизительно так же складываются их отношения с местной печатью. С одной стороны, руководители постоянно используют га-

²³ См.: Васильев Г. Г. Роль конкретных социологических исследований в научном управлении социальными процессами. М., 1981. С. 114, 119.

²⁴ См.: Омаров А. М. Социальное управление. Некоторые вопросы теории и практики. М., 1980. С. 242.

²⁵ См.: Еляков А. Д., Маклаков Ю. Г. В. И. Ленин о роли информации в управлении // Науч. коммунизм. 1986. № 5. С. 32.

²⁶ См.: Самоуправление: От теории к практике / Под ред. Ю. А. Тихомирова, Г. Х. Шахназарова. М., 1988. С. 145.

зетные материалы в своей деятельности, в том числе принимают меры по следам выступлений прессы (свыше 41% опрошенных). Почти все они заявляют, что ощущают помощь газеты в работе. С другой стороны, эта помощь выражается главным образом в указании на нерешенные вопросы, тогда как крайне редко отмечается использование публикаций при составлении планов, в поиске путей исправления недостатков и внедрения передового опыта²⁷.

Зависимость результатов журналистской работы от настроений и квалификации управленцев может быть преодолена только при условии, что подготовленные прессой решения будут иметь силу обязательных. Казалось бы, об этом не стоит и говорить в нынешней обстановке, когда усиливается самостоятельность предприятий и организаций. Однако одновременно развивается и общественное самоуправление, к которому принадлежит журналистская деятельность. Все дело в том, какого рода решения имеются в виду. Управление успешно осуществляется тогда, когда «извне предписывается только стратегия поведения, а тактика предоставлена инициативе самих исполнителей»²⁸. Регулирование при этом не перерастает в детальную регламентацию, сковывающую самостоятельность должностных лиц и коллективов. Одной из форм решающего участия масс в социальном управлении является референдум. Сегодня есть основания считать, что печать способна играть при его проведении самую активную роль.

Конституция СССР предусматривает вынесение наиболее важных вопросов государственной жизни на общенародное обсуждение и голосование (референдум). Широкий обмен мнениями о проектах законов и других политических документов стал уже привычной нормой общественной жизни. Сложилась методика участия прессы в таких всенародных дискуссиях, она описана в научной литературе²⁹. Все чаще и местные органы власти выносят проекты своих решений в областную, городскую, районную печать. Юристы ставят вопрос о том, чтобы эта распространенная практика получила нормативно-правовое закрепление³⁰. Строго говоря, редакции не сами готовят решения, а создают для них информационную базу. Даже название «референдум», успевшее прижиться в теоретико-журналистской литературе, носит скорее метафорический, чем терминологический характер. Однако благодаря опыту всенародных обсуждений печать вплотную приблизилась к проведению референдумов в точном смысле слова.

В научной полемике высказывается такое суждение: «Было бы

²⁷ См.: Корконосенко С. Г. Газета и человеческий фактор социального управления // Вестн. Ленингр. ун-та. 1988. Сер. 2, вып. 3. С. 87.

²⁸ Лебедев П. Н. Социальное управление. Л., 1982. С. 226.

²⁹ См.: Карасев П. С. Газета—трибуна социалистической демократии // Социалистический образ жизни и журналистика. Л., 1980; Смирнов В. П. Референдум в печати. М., 1978.

³⁰ См.: Безуплов А. А., Кряжков В. А. Гласность работы Советов. М., 1988. С. 102—103; Федотов М. А. Советы и пресса. М., 1987. С. 130—137.

ошибочным именовать консультативным референдумом обсуждение законопроекта, который затем подлежит утверждению верховным представительным органом. Референдум... имеет место исключительно там и постольку, где и поскольку совершается акт всенародного голосования, утверждающий или отклоняющий законопроект»³¹. Здесь за основу взят формально-нормативный критерий. Если же обратиться к существу отношений, возникающих у печати с органами власти, то можно отметить: пресса способна с такой силой и достоверностью выражать волю и интересы народа, что решение официальных инстанций по дискуссионному вопросу будет predetermined.

Характерным примером служит обсуждение в Ленинграде предложения проводить выборы депутатов по производственным округам. Местная пресса стала главным средством выявления отношения горожан к этой идее. Особенно активно вела себя молодежная газета «Смена», которая не только регулярно публиковала читательские материалы, но и призвала ленинградцев направить в исполком городского Совета телеграммы в поддержку территориальной системы выборов³². Исполком получил данные о том, что 100 тыс. жителей выступают против производственных округов и лишь 3 870 — за них. Подавляющим большинством голосов сессия Ленсовета отклонила предложение о проведении эксперимента³³.

Такие акции по своему содержанию смыкаются с углубленным изучением общественного мнения. К ним же следует отнести социологические исследования редакционной почты, анкетный опрос аудитории, «микрореферендумы» на телевидении, когда журналисты с помощью ЭВМ выясняют позицию зрителей в ходе проблемных передач. Опыт редакций находит признание у правоведов, которые считают, например, полезным использование телевидения «для проведения разного рода опросов населения, местных и общегосударственных референдумов»³⁴.

Очевидно, что этот перспективный метод участия редакций в выработке и принятии решений нуждается в надежном техническом обеспечении. Он не сможет найти широкого применения без внедрения в журналистское производство совершенной компьютерной техники, средств оперативной связи с аудиторией и обработки данных. Пока что можно говорить лишь о наличии предпосылок для развития методики проведения референдумов в прессе.

Предложенная нами классификация (рекомендации, моделиро-

³¹ Лучин В. О. Референдум в механизме социалистического самоуправления народа // Социалистическое самоуправление: опыт и тенденции развития. М., 1986. С. 82.

³² Коптяев А. Штаб «Выборы-90» слушает вас; Он же. Акция «Телеграмма» // Смена. 1989. 11; 12 нояб.

³³ Нилова Т. Депутаты сказали «нет» // Ленингр. рабочий. 1989. 1 дек.

³⁴ Кузьмин Э. А. Демократия: Некоторые вопросы теории, методологии и практики. М., 1986. С. 212.

вание, референдум) не предполагает деления на лучшие и худшие методы работы, а тем более их иерархической подчиненности друг другу. Формы участия печати в выработке управленческих решений могут и должны быть разнообразными, они в равной степени ценны и необходимы. Их разумное сочетание делает прессу влиятельным органом общественного самоуправления.

В. Ф. ОЛЕШКО
Уральский университет

ОТ РУКОВОДСТВА К СОТРУДНИЧЕСТВУ

(Молодежная газета и учредитель: стиль взаимоотношений)

После апреля 1985 года становилось все более очевидным, что традиционные формы руководства молодежной печатью не только не отвечают духу времени, но и ведут к возникновению острейших противоречий между издателями, учредителями — обкомами ВАКСМ и редакциями газет. Так практически каждая из молодежных газет Уральского региона во второй половине 80-х годов (мы рассматриваем именно этот период) неоднократно подвергалась самым серьезным санкциям за публикацию материалов, по мнению бюро, противоречащих декларируемой линии обкома комсомола.

Наиболее серьезный конфликт возник в 1986 году между пермским обкомом ВАКСМ и газетой «Молодая гвардия». Начавшись с отстаивания конкретного права редактора и редакционной коллегии на принятие решения о судьбе подготовленных к печати материалов, отражающих плюрализм мнений в обществе, он затем разросся до обсуждения весьма принципиального вопроса: а всегда ли компетентны комсомольские работники, зачастую считающие свое мнение истиной в последней инстанции, решать возникающие проблемы в условиях расширения гласности и демократии?¹

Можно сказать (судя по соответствующему постановлению бюро), что по мировоззренческим вопросам произошло расхождение мнений между свердловским обкомом ВАКСМ и газетой «На смену!», которая на своих страницах в 1987 году активно вела дискуссию о роли и месте философских наук в жизни современного общества, о путях избавления от старых догм в процессе вузовского обучения молодежи. Еще один пример. Редакционной коллегии и лично редактору еженедельника «Комсомолец Удмуртии» на заседании бюро обкома ВАКСМ, а затем и в постановлении бюро от

¹ Подробнее об этом см.: Санатин В. Перья летят... // Комс. правда. 1986. 17 дек.; Разлетелись перья... // Там же. 1988. 30 янв.

13 февраля 1989 года в весьма строгой форме было указано на предвзятость, односторонний, поверхностный подход к описываемым в публикациях газеты событиям, обращено внимание на необходимость «повышения персональной ответственности журналистов и авторов газеты за материалы, публикуемые на страницах органа обкома ВАКСМ». Почти дословно повторяют своих коллег в постановлении от 20 марта этого же года члены бюро Башкирского обкома комсомола: «Газетой «Ленинсы-Ленинец» опубликован ряд материалов, допускающих, вопреки позиции бюро обкома ВАКСМ, односторонний (выделено мной. — В. О.) подход в освещении вопросов общественной жизни».

И подобных примеров можно привести немало. В 1986—1990 годы и по этим, и по трем другим молодежным газетам Урала: курганской — «Молодой ленинец», оренбургской — «Комсомольское племя», челябинской — «Комсомолец», не по одному разу принимались соответствующие постановления бюро обкомов ВАКСМ. Проведя их анализ, мы установили тот факт, что более половины из них (примерно 65%) касались конкретных газетных публикаций, примечательно, что лишь треть этих постановлений поддерживали выступления своих органов печати. Более 20% были посвящены анализу деятельности молодежных газет по выполнению постановлений вышестоящих комсомольских или партийных органов. И лишь около 11% постановлений рассматривали работу газетчиков по таким направлениям, как, например, повышение действенности выступлений, работа с письмами и т. д.

Закономерно возникает вопрос об эффективности как данных постановлений, так и других форм так называемого руководства комсомольской печатью. К сожалению, именно этот аспект взаимоотношений издателя, учредителя со своей газетой чаще всего выпадал из поля зрения исследователей (хотя нужно учитывать и тот факт, что 57% журналистов, участвовавших в нашем исследовании, отождествляли обком ВАКСМ как выборный орган и работников аппарата обкома). Видимо, связано это было в первую очередь с практической трудностью определения каких-либо конкретных показателей. Традиционный путь — проведение контент-анализа, — на наш взгляд, в данном случае было трудно осуществить с высокой долей эффективности. Ведь, с одной стороны, следовало провести анализ содержания семи газет за пять лет. А с другой — всякий раз вычленять публикации, которые появились на страницах той или иной молодежной газеты «во исполнение» постановления своего обкома, согласитесь, практически невозможно. Определенную поправку пришлось бы делать и на динамику развития нашего общества, поскольку мировоззрение, а следовательно, и стиль работы, взаимоотношений между людьми в течение пятилетия изменились значительно.

Так пришлось решение провести опрос журналистов всех семи молодежных газет Уральского региона, а также комсомольских и

партийных работников². Наиболее любопытный аспект представляет, на наш взгляд, сопоставление ответов на одни и те же вопросы анкеты руководителей редакций молодежных газет, журналистов, а также представителей курировавших их тогда отделов обкомов ВАКСМ и КПСС. Подобные результаты по Уральскому региону были получены впервые.

Первый блок вопросов касался непосредственно деловых взаимоотношений редакций газет с областными комитетами комсомола, а также секторами печати обкомов партии. Уже в ответах на вопрос о том, каких сторон работы редакции, по мнению анкетированного, чаще всего касаются указания и рекомендации обкома ВАКСМ, наметилось расхождение мнений представителей различных групп опрашиваемых. Так, ровно половина ответивших комсомольских работников и две трети партийных работников считали, что эти указания и рекомендации касаются прежде всего «общих направлений деятельности редакции, общих задач». В то же время руководители газет и журналисты в подавляющем большинстве указали — «проведение каких-то оперативных или сезонных кампаний» (74% ответивших). Примечательно, что на втором месте по числу ответов, указанных журналистами, был ответ — «рассмотрение отдельных удачных или неудачных (намного чаще указывалось второе. — В. О.), с точки зрения обкома комсомола, публикаций, номеров газеты», и лишь на третьем (всего около 10% ответов) — тот, что превалировал в группе партийных и комсомольских работников.

С чем это связано? На наш взгляд, верно оценил сложившуюся в тот период ситуацию исследователь молодежной печати Б. Н. Лозовский: «Одно из самых распространенных и одновременно искренних заблуждений заключается в том, что читатель комсомольского издания считается объектом воздействия. Стало быть, газета — средство, инструмент воспитания. В разных аранжировках эту идею разделяют еще значительная часть журналистов и практически все издатели (комитеты комсомола)»³. Относительно зна-

² На одну и ту же специально составленную анкету ответили практически все творческие работники молодежных газет «Комсомолец» (Челябинск), «Комсомолец Удмуртии» (Ижевск), «Комсомольское племя» (Оренбург), «Ленинцы-Ленинец» (Уфа), «Молодая гвардия» (Пермь), «Молодой ленинец» (Курган), «На смену!» (Свердловск), а также работники идеологических отделов и секретари Челябинского, Удмуртского, Оренбургского, Башкирского, Пермского, Курганского, Свердловского обкомов ВАКСМ и заведующие секторами печати или работники идеологических отделов, курировавшие в то время печать, обкомов КПСС Уральского региона. Всего ответили на анкету 152 человека. Они были нами разделены на четыре группы. Здесь и далее мы называем ответивших на вопросы анкеты по принадлежности к той или иной из них: партийные работники — всего приняло участие в нашем анкетировании 9 человек; комсомольские работники — 30 человек; руководители молодежных газет (редактор, заместитель редактора, ответственный секретарь) — 18 человек; журналисты — ответили 95 человек. Анкетирование было анонимным. Проведено оно было автором данной статьи в период с 12 июня по 12 сентября 1989 года.

³ Лозовский Б. Не орудие, а трибуна // Журналист. 1989. № 9. С. 25.

чительной части журналистов можно с коллегой поспорить, потому что, согласно полученным результатам, как раз подавляющее большинство ответивших на анкету журналистов считали основными отнюдь не воспитательные или, например, просветительские функции газеты. Более 80% из них были убеждены, что главная задача — **совместное** обсуждение с читателями важных проблем, представляющих общественный интерес. А вот то, что идея печати как приводного ремня во взаимоотношении с массами еще достаточно прочно была утверждена в сознании многих функционеров и во второй половине 80-х годов, нашло подтверждение в нашем исследовании. Можно предположить, что, отвечая на вопрос об «указаниях и рекомендациях обкома», многие из этой группы респондентов, даже не задумавшись, отметили, что касаются они «общих направлений... общих задач». Так должно было быть по их логике. Но журналисты-практики свидетельствуют об обратном: уходе от обсуждения стратегических вопросов деятельности редакции к более частным — «кампанейщине», «обсуждению отдельных непонравившихся материалов», «поддакиванию вышестоящим организациям» и т. д.

Любопытными, на наш взгляд, являются и ответы на вопросы: «В какой форме осуществляет руководство молодежной газетой сектор печати обкома КПСС?» и «Есть ли у Вас предложения?». Заметим только, что намеренно прямолинейное употребление нами формулы «осуществлять руководство» по отношению к газетам, являвшимся органами обкомов ВАКСМ, удивило лишь единицы ответивших. Оставим этот красноречивый факт без комментариев.

Две трети принявших участие в опросе партийных работников считали, что основной формой их взаимоотношений с молодежной газетой являлось следующее: «Анализ содержания газеты и обсуждение с руководством, выдача общих установок и конкретных рекомендаций». Большинство (75%) комсомольских работников в открытой части указали в той или иной формулировке: «Взаимоотношения на уровне «воспитания» редактора газеты и отдельных «провинившихся сотрудников». Более половины руководителей ответили — «руководство в форме «накачек» за идеологически невыдержанные, на взгляд сектора печати, публикации»; «в форме примитивных, часто ничем не обоснованных указаний»; «в форме телефонного права и бесконечного запрашивания справок» и т. д. Даже если не брать в расчет определенную эмоциональность данных ответов, нетрудно заметить в целом негативную оценку существовавших форм взаимоотношений. Правда, в еще большей степени касалось это ответов журналистов: 88% из них считали, что основная форма взаимоотношений сектора печати обкома КПСС с молодежной газетой — это «мгновенная реакция на публикации, которые не понравились заведующему сектором или его непосредственным руководителям» или, как не без остроумия заметил один из ответивших: «общее руководство по частным недостаткам». Правда,

следует сказать, что около 10% ответивших в двух последних группах указали и такие формы — «проведение информационных пресс-конференций для журналистов», «субботний университет работников печати», «собеседование по отдельным темам» и др. Но общий настрой недовольства административными методами руководства все же был налицо.

И в этой связи любопытно проанализировать ответы на вопрос: «Что же предлагалось в тот период как альтернатива?» — переход на политические методы руководства — убеждение, аргументация позиции, мнения и оценок»; «предлагаю ликвидировать сектор печати, дав большие права областной организации Союза журналистов и конкретно ее правлению»; «влияние должно быть только опосредованное — через коммунистов, работающих в редакции»; «наши газеты должны быть выведены из подчинения областных организаций, стать органами ЦК ВАКСМ или РКСМ»; «законом должно быть оговорено недопущение прямого или скрытого вмешательства кого бы то ни было в творческий процесс выпуска газеты. Судить только по итогу работы. Строго наказывать в случае нарушения конституционных норм — пропаганды войны, насилия, порнографии и т. д.»...

Партийными работниками предлагалось: ввести «стажировки молодых журналистов в аппарате обкома КПСС»; «чаще рассматривать работу обкома ВАКСМ по руководству газетой»; выступить «по принципиальным вопросам на страницах молодежной газеты» и т. д.

Порой можно услышать мнение, что в середине 80-х годов особо заметно стало преобладание информирующей функции печати над аналитической, концептуальной. Отсюда, мол, и феномен читательского успеха изданий, взявших за образец манеру и способы подачи материалов «Аргументов и фактов». Не останавливаясь специально на этом вопросе, лишь заметим — не связано ли это с тем, что долгое время журналисты были не столько исследователями жизни, сколько добросовестными исполнителями указаний сверху. Ведь, если разобраться, то и в тот период, вплоть до 1991 года во многом сохранялись сложившиеся и оформившиеся еще в годы культа личности административные (а не творческие) отношения редакции молодежной газеты с учредителем, издателем и обкомом партии, в свою очередь — журналиста с редактором и т. д. Показателен, к примеру, такой факт. На вопрос анкеты: «В какой помощи со стороны партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов нуждается, на Ваш взгляд, редакция газеты?» — ответ работников молодежной печати был на удивление дружным — «Журналист должен быть социально защищен» (81% ответивших). И имелись в виду не только, а точнее сказать, не столько условия труда, быт, материальное обеспечение (хотя и об этом пойдет речь далее). Суть многих ответов сводилась к тому, что «журналист часто не защищен от нападок административно-

бюрократического аппарата после критических выступлений» (51% опрошенных).

Действительно, как свидетельствовала центральная печать, журнал «Журналист», да и сами участники нашего опроса, никогда еще в адрес прессы не раздавалось столько критики, сколько после апреля 1985 года. Она звучала на всех уровнях — от районного до всесоюзного, и с трибуны пленума райкома комсомола, и на XIX Всесоюзной партийной конференции, и на съездах народных депутатов СССР. Чем объяснить сей феномен? Ведь и в самые застойные годы появлялись время от времени буквально зубодробительные статьи, и ораторы часто считали своим долгом ссылаться на них как на жизненные примеры восстановления поправленной справедливости. Нам кажется, сложившуюся ситуацию можно было объяснить лишь тем, что публицистика времен перестройки и гласности, основываясь на частных фактах, все чаще стала подниматься до серьезных обобщений, доходить до сути некоторых негативных общественных явлений. И, что примечательно, все чаще подобные публикации в конечном итоге апеллировали не к высоким инстанциям или высокопоставленным лицам, а непосредственно к читателю, общественному сознанию.

Перед проведением исследования автор выдвинул ряд гипотез. Одна из них заключалась в следующем: сам факт перехода многих «молодежек» на еженедельный выпуск был связан прежде всего с неудовлетворенностью журналистов неаналитичностью своих газет. В ответах на анкету 48% журналистов и 65% руководителей в разных формулировках отметили, что «подобная форма выпуска дает возможность газете быть концептуальной» и лишь соответственно 12 и 8% ответивших заметили, что «с утратой оперативности снизился, на наш взгляд, пропагандистский эффект газет».

К слову, мнение, что задача газеты «не сигнализировать, а диагностировать болезнь» (т. е. все же превалирование аналитичности) характерно для подавляющего большинства ответов во всех четырех группах — 86%.

Не случайно, на наш взгляд, что именно молодежные газеты страны первыми попытались приподнять занавес умолчания над такими пороками, как наркомания, проституция, сексуальные извращения и т. д., присущими, как выяснилось, не только западному обществу. Думается, не правы те журналисты старшего поколения, которые объясняют появление подобных материалов лишь желанием коллег любыми способами завоевать читателя, увеличить тираж своего издания. Время гласности предложило каждому из пишущих сдать экзамен на политическую зрелость. Очень важно было освободиться от идеологических догм, призывавшихся десятилетиями, дать реальную оценку тому, что мешает движению вперед. Далеко не всегда, к сожалению, молодежным газетам удавалось подняться над сенсационными фактами. Но те из материалов на экономические, правовые темы, на темы нравственности,

что были серьезно аргументированы, конструктивны, нетривиальны по авторской концепции и фактам, как правило, имели широкий общественный резонанс.

Лишь один пример. В 1988—1989 годах на страницах газеты «Ленинск-Ленинец» (Уфа) было опубликовано несколько материалов, отражающих позицию противников строительства Башкирского водохранилища. Убедительно доказывалось, что 430 млн. руб. (сметная стоимость строительства) не окупятся даже к середине будущего века, что безвозвратно будет потеряно 3300 гектаров прекрасных пахотных земель, 1900 гектаров пастбищ и сенокосов...

О действенности публикаций в привычном для нас понимании речи идти не могло, потому что точка зрения молодежной газеты была кардинально противоположна той, что имели Совет министров республики—один из инициаторов строительства, обком КПСС и обком ВАКСМ—учредитель газеты. Другие газеты республики острую ситуацию со строительством, вызвавшую большой общественный резонанс в регионе, почти два года просто «замалчивали». Постановлением бюро обкома ВАКСМ от 20 марта 1989 года редактору газеты М. Абузарову, а также заместителю редактора, ответственному секретарю были объявлены строгие взыскания «за серьезные недостатки в работе по руководству газетой...» А вскоре редактор-«самовольщик» вообще был освобожден под благовидным предлогом от этой должности. Напомним, произошло это не в застойные годы, а на четвертом году перестройки. Ситуация же со строительством складывалась дальше следующим образом. Экспертная комиссия Госкомприроды СССР выносит заключение — «остановить строительство Башкирского водохранилища ввиду его экологической и экономической необоснованности»⁴. «Шлюзы» для публикации в газетах республики материалов, аргументирующих эту точку зрения ученых, открываются...

Примечателен такой факт. В нашей анкете был поставлен вопрос: «Удовлетворены ли Вы тем, как руководители и должностные лица различных хозяйственных, государственных, общественных организаций относятся к газете и к ее полномочным представителям?» Ответ «вполне удовлетворен» не дал ни один из респондентов групп партийных, комсомольских работников и руководителей. «В основном удовлетворены» — 4% всех ответивших на анкету, «отчасти» — 25%, «скорее не удовлетворены» — 19%, «не удовлетворены» — 49%. Заметим, что больше всего тех, кто был не удовлетворен сложившимися отношениями с руководителями и должностными лицами в группе журналистов (62%). В открытой части ответившие указывали причину: «так как воспринимают газету лишь как «сигнальщика», а не как структуру в формировании общественного мнения»; «боязнь гласной критики, отсутствие четкой правовой основы взаимоотношений»; «деление газет по ранжи-

⁴ Конец браконьерской стройки? // Сов. Россия. 1989. 16 июня.

ру, в зависимости от того, кто издатель — главная помеха действительности» и т. д.

Характерны ответы на вопрос: «Что, по Вашему мнению, нужно сделать для того, чтобы достичь взаимопонимания между журналистами и должностными лицами?» Партийными и комсомольскими работниками наиболее часто высказывались такие предложения: «подтверждать эмоции неопровержимыми фактами»; «добиваться корректности и объективности публикаций»; «не поддаваться влиянию конъюнктуры и быть компетентным в той проблеме, которую выносите для обсуждения» и т. д. Нетрудно заметить, что предлагается устранить противоречия, так сказать, субъективного характера. В то же время, руководители редакций и журналисты в подавляющем большинстве (78%) видят решение проблемы в изменении юридических норм взаимоотношений прессы и государственных учреждений: «печатать как выражение гласного общественного контроля». Хотя некоторой части из ответивших журналистов здесь, что тоже показательно, присущ и определенный «нигилизм»: около 7% ответивших считают, что «достижение такого взаимопонимания есть отступление с завоеванных позиций демократизации общества и гласности».

«Любые дискуссии о развитии гласности останутся пустым звуком, — справедливо подмечал публицист В. Синенко, — если острые выступления средств массовой информации не будут подкрепляться принятием конкретных мер к тем, кто пытается огрadyть себя от справедливых замечаний, уверовал в свою непогрешимость, идет в атаку на людей, посмевших вынести «сор из избы». Отношение к критике в прессе — серьезный показатель того, как идет перестройка»⁵.

Результаты нашего исследования давали основания поставить вопрос об определенном кризисе доверия журналистов молодежных газет к своему учредителю, издателям: 52% ответивших на анкету газетчиков ставили, как мы отмечали, знак равенства между обкомом ВАКСМ, чьим органом являлась в тот период газета, и работниками его аппарата. Мы просили анкетирзуемых представить ситуацию, когда на их публикацию пришло опровержение. На вопрос: «Будете ли вы уверены, что работники обкома комсомола объективно и скрупулезно разберутся в этой ситуации, в случае обращения непосредственно к ним?» — 73% ответивших журналистов дали отрицательный ответ и лишь 4% — утвердительный. В группе руководителей газет эти цифры были равны соответственно 50 и 43%. Более того, 71% опрошенных журналистов и 66% руководителей редакционных коллективов не были уверены, что сектор печати обкома КПСС объективно и скрупулезно проведет разбор опровержения на публикацию. Причем, точно так же считали и 43% комсомольских работников. Что же касалось действий в этой ситуации руководства редакции, то 71% ответивших журналистов,

⁵ Синенко В. Ответ в редакцию // Правда. 1989. 8 сент.

ровно половина комсомольских работников и все, кроме одного, партийные работники считали, что этот разбор будет объективным, скрупулезным.

Наконец последнее. Выше мы уже обмолвились о том, что, анализируя стиль взаимоотношений редакций молодежных газет с издателями, никак нельзя было обойти их экономический аспект. Бесспорна была лидирующая роль средств массовой информации в утверждении политики гласности. Но изменилось ли в анализируемый период (в 1985—1990 годы) что-нибудь в жизни самих журналистов, в экономической основе их существования? Очень немного. «В сущности, воздвигнутый нашими совместными усилиями воздушный замок гласности покоится на зыбком фундаменте руководящего разрешительства и благосклонности, — писал в журнале «Журналист» заместитель ответственного секретаря рязанской областной газеты «Приокская правда» В. Галушкин. — Никаких экономических гарантий дальнейшего развития гласности и демократизации не появилось. Что я понимаю под этими экономическими гарантиями применительно к работе редакций? Прежде всего систему трех «с» — самостоятельность, самокупаемость, самофинансирование»⁶.

В нашем исследовании 67% всех опрошенных отметили тогда, что в той или иной мере не удовлетворены конкретными, материально выраженными результатами профессиональной деятельности журналистов молодежных газет. В открытой части ответов анкетированных из групп журналистов и руководителей газет чаще всего назывались: неудовлетворенность бытовыми условиями (85%), плохая техническая оснащенность редакций (78%), низкая заработная плата (52%), устаревшая полиграфическая база (31%) и т. д. За каждой из вышеприведенных цифр стояли конкретные редакции с их конкретными бедами. Практически все молодежные газеты Урала, согласно нашим данным, не получали в течение последних 5-7 лет квартиры для сотрудников. Ни в одной из них не было редакционных диктофонов, пишущих машинок на каждом столе, а также ксерокса, видеомэгнитофона, мини-компьютера, хотя бы для информационной службы — словом, минимума, который так необходим был для работы. С переходом почти всех газет региона на форму еженедельника особенно заметным было и весьма плачевное полиграфическое их оформление. Немало несуразностей существовало в оплате труда: жесткая «вилка» окладов, «потолок» в выплате отпускных, единый налог с суммы должностного оклада и гонорара и т. д. Парадоксально, но факт: многие пункты финансовой деятельности редакций и во второй половине 80-х годов определялись инструкциями Минфина образца... 1936 года.

«По поводу всякой мелочи начиная от канцелярских скрепок и кончая настольными лампами, мы вынуждены писать челобитные

⁶ Вдогонку на полуспусченных колесах // Журналист. 1989. № 9. С. 5.

руководству своих издательств, — писали с болью в «Комсомольской правде» редактор свердловской молодежной газеты «На смену!» В. Ефимчик и заместитель редактора О. Балезин. — Не издателям, не комитету комсомола — а издательству. Получим ли мы допотопные блокноты или не получим, зависит от держателей материальных ценностей. Газеты наши комсомольские. Прибыли мы пересчитаем в партийную кассу. А оклады нам устанавливает еще один хозяин — Госкомиздат»⁷.

Парадоксальная экономическая ситуация, когда у молодежной газеты оказывалось несколько хозяев при весьма беспорядочном положении в этом отношении самих редакционных работников, и служило, на наш взгляд, причиной чисто административных методов в распределении прибыли. Примечательно, что в качестве выхода из сложившегося положения 52% всех ответивших на нашу анкету (69% журналистов и руководителей газет) предлагали переход на хозрасчет. Были и другие предложения: «редакция как хозрасчетная ассоциация временных творческих молодежных коллективов»; «найм журналистов по контракту, со строго оговоренными правами и обязанностями»; «создание на деньги регионального комсомола собственной полиграфической базы»; «газета — как коллективная собственность акционерного общества ведущих комитетов комсомола» и др.

Возникшие во второй половине 80-х годов острейшие противоречия между учредителями, издателями и редакциями газет — отнюдь не были случайны. Они явились следствием кризиса традиционных форм и методов взаимоотношений обкомов ВЛКСМ со своими молодежными изданиями. Мелочная, текущая оперативная опека, весьма некомпетентные рекомендации, администрирование — все эти приемы из времен, когда пресса объявлялась не более, чем «приводным ремнем» в руководстве массами, должны были кануть в лету.

Сторонники охранительных тенденций пугали, что без «твердой руки» молодежная пресса станет неуправляемой. Но, во-первых, каждый из редакторов молодежных газет, как правило (в исследуемых нами газетах все без исключения), являлись одновременно и членами бюро обкома ВЛКСМ, следовательно, подчинялись его решениям, несли персональную ответственность. Во-вторых, меру личной ответственности каждого пишущего четко определяют Закон о печати, кодекс профессиональной этики журналиста, наконец, соответствующие статьи Уголовного кодекса. Ну, и в-третьих, тот же хозяйственный расчет для газеты — не панацея от финансового краха при неумелом руководстве или неквалифицированной работе журналистов, выпускающих неконкурентноспособную газету, а, прежде всего, отвечающая духу времени система учета качества труда каждого сотрудника.

⁷ Авторучка на веревочке // Комс. правда. 1989. 23 сент.

«От руководства надо переходить к сотрудничеству», — написал в ответ на вопрос о предложениях по улучшению условий для творческой работы каждый второй журналист. И, хотя имелись в виду чаще всего внутриредакционные взаимоотношения, думается, полностью можно было отнести эти слова к стилю взаимоотношений издателей, учредителей с редакциями. Таково требование времени.

М. Ф. ПОПОВА
Уральский университет

О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ И ПРИНЦИПАХ СОВРЕМЕННОГО СОВЕТСКОГО ДЕТСКОГО ЖУРНАЛА

Типология журналистики представляет собой основополагающее направление теории журналистики. Она позволяет определить место каждого конкретного издания (или группы изданий) в ряду других средств массовой информации (СМИ), представить его модель, выработать концепцию бытования, соотнести реальное с должным. В этом смысле глубоко разработанную, научно-обоснованную типологию можно рассматривать как инструмент развития и всякого отдельно взятого издания, и прессы в целом.

Наша типологическая наука до сих пор не выработала отношения к детской периодике вообще и к детским журналам в частности. Они либо совсем опускаются из типологической структуры СМИ, либо включаются в группы взрослых изданий. Это одна из основных причин того, что детская пресса, которая отражает аудиторные потребности 50-миллионной группы общества, оказалась и наименее изученным, и самым слабым звеном в системе средств массовой информации. Детская пресса в типологии (структурной таблице)¹ современных СМИ должна рассматриваться как особая совокупность, чье бытование и структура обусловлены возрастными особенностями аудитории и назначением, которое, в свою очередь, определяется читательскими интересами и планами издателя (в нынешнем понимании — учредителя).

Группа СМИ для взрослых, в том числе и для молодежи, обращается к зрелой личности, к людям, у которых уже сформированы и достаточно закреплены психофизиологический тип, способности, образовательная основа, устойчивая ценностная ориентация.

Детская пресса имеет дело с формирующейся личностью. Она является одновременно элементом двух систем: системы средств массовой информации и системы социализации.

Современное понятие социализации включает в себя не только овладение языком, достижениями культуры, не только освоение

¹ Под типологией мы понимаем и метод научного познания, и процесс систематизации изданий, и ее результат.

норм и ценностей общества, в котором юному человеку предстоит жить и работать. Необходимо делать ставку на воспитание гражданина, творческой, прогрессивно направленной деятельной личности².

В детстве и отрочестве не просто формируется система знаний, умений, навыков, но создается интеллектуальная база, на основе которой саморазвивается, самообразуется, самовоспитывается человек в последующие четыре пятых своей жизни. Детство как возраст — понятие неоднородное. Внутренний мир и деятельность трехлетнего ребенка и двенадцатилетнего подростка трудно сравнимы. Результативная деятельность прессы для юных возможна при условии соответствия ее структуры возрастной периодизации детства. Назначение же ее остается неизменным — социализация.

Именно названные три типформирующих фактора — возрастные особенности детской аудитории, учредитель³ и назначение — определяют модель детского журнала.

Мы считаем целесообразным и необходимым наряду с перечисленными типформирующими факторами выделить еще две группы типологических категорий и рассмотреть их подробнее: типологические признаки — характеристики, в которых проявляется сущность издания; типологические принципы — условия жизнеспособности издания, правила, соблюдение которых позволяет рассчитывать на определенную результативность журналистского выступления.

Что касается детской периодики, то в отношении к ней более применимо понятие эффективности, нежели действенности⁴. Это обусловлено местом читателя в социальной системе, неучастием его в производящей и управляющей сферах, социальной ролью детства, тем, что названная группа СМИ имеет дело с растущим человеком, у которого система ценностных ориентаций подвижна, неустойчива. Она испытывает влияние и других институтов социализации. Плоды или рецидивы пропагандистского слова могут проявиться

² Общие для всех средств массовой информации функции — информационная, коммуникативная, воспитательная, образовательная, регулятивная, гедонистическая — можно определить одним словом — социализация. О деятельности различных институтов социализации, их взаимосвязи, степени влияния на процесс становления личности см., напр.: Кон И. С. НТР и проблемы социализации молодежи. М., 1987; Он же. Эстафета поколений: Заметки о воспитании молодежи. // Коммунист. 1987. № 4. С. 93—104.; Ольшанский В. Д. Взросление «Я». М., 1988.

³ Основными издателями и учредителями детской периодики до недавних пор были ЦК ВЛКСМ и Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации (соответственно — для республиканских изданий — республиканские). В ряде случаев существовали соиздатели — Союз писателей («Костер», «Уральский следопыт»), Союз художников и Академия художеств СССР («Юный художник»), Советский детский фонд («Трамвай», «Мы»).

⁴ Система факторов и критериев эффективности взаимодействия СМИ (для взрослых) с читателем разработана в теории журналистики достаточно хорошо (см., напр., работы Е. А. Блажнова, Е. И. Пронина, Е. П. Прохорова, В. Г. Сесюнина, А. Г. Свитич, В. А. Шандры).

иногда через годы в конкретном деле и поступке взрослого человека. А пока с некоторой уверенностью можно говорить об импульсе и интересе, которые приводят в действие главный инструмент воспитания — самовоспитание.

Эта важнейшая особенность работы с детской аудиторией, конечно же, заложена в концепции периодики для самых юных граждан.

Под типом издания мы понимаем исторически сложившуюся устойчивую модель — коллективный образ — группы изданий, содержащую в себе наиболее характерные признаки, присущие всей группе. Есть концепция — конструктивный принцип издания. И есть модель издания, которую можно определить как некое статическое состояние концепции. В типологии журналистики понятие «модель» имеет две стороны.

1. Содержательная модель издания. Она складывается из тематических направлений, отражаемого предмета или сферы действительности, структуры, авторского состава, жанровой палитры, совокупности выразительных средств.

2. Композиционно-графическая модель, элементами которой являются архитектура, графика, иллюстрирование, цветность, издательские параметры (размер, объем, тираж, периодичность выхода, цена).

Исследователи журналистики часто относят к первой группе параметров направление издания, ссылаясь на требование В. И. Ленина, которое он предъявлял к журналам: «Журнал без направления — вещь нелепая, несуразная, скандальная и вредная...»⁵

Но В. И. Ленин имел в виду партийное издание, его политическую последовательность, идейное непротиворечие. Такое значение критерия «направление» до недавнего времени не нуждалось в особом комментарии, ибо монополия Коммунистической партии распространялась на всю прессу. Сегодня появилась масса изданий, и для юной аудитории тоже, чье направление выходит за рамки коммунистической идеологии. Возникла пресса альтернативных политических организаций. Однако мы считаем, что пресса для раннего, дошкольного и младшего школьного возраста должна быть максимально деполитизирована. Ее задача — нравственное, интеллектуальное развитие детей. Термин «направление» определяет здесь характер, профиль издания: «Веселые картинки» — детский юмористический журнал. «Юный натуралист» — научно-популярный иллюстрированный детский и юношеский журнал. Направление может означать и педагогическую концепцию издания.

Коль скоро мы говорим о журнале как об одном из институтов социализации, то предметом его должна быть вся совокупность общественных отношений, все стороны человеческого бытия. Сколько направлений у воспитания? — Умственное, физическое, нравственное, идеологическое, патриотическое, эстетическое, трудовое,

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 4.

художественное, музыкальное, правовое... «Сколько у людей проблем, — столько и видов воспитания, и с недавних пор стали говорить, например, о воспитании экологическом, природоохранительном»⁶.

Структура системы воспитания, представленная С. А. Соловейчиком, условна. Все эти свойства в личности переплетены и взаимообусловлены. Поэтому нельзя говорить, что «Пионер» и «Костер», например, занимаются политическим воспитанием, «Юный натуралист» — экологическим, а «Юный художник» — эстетическим. Против такой дифференциации возражают и сами журналисты: «Все эти годы журнал («Юный художник». — М. П.) призывал к трудолюбию, серьезному овладению профессиональной грамотой, наследованию идеалов добра, справедливости, человечности, которые присущи классическому искусству любого времени — от античности до наших дней»⁷. Все эти черты воспитываются не только на примерах классического искусства. Журнал осуществляет практическую помощь художественным кружкам, изостудиям, школам. Редакции журналов «Юный художник», «Юный натуралист», «Юный техник», «Вожатый» разработали и провели в течение трех лет операцию «Мой двор — моя забота»: озеленение, благоустройство, оформление дворов, развитие кружков и секций по месту жительства, распространение опыта и деятельная помощь стали заботой редакций и читателей этих журналов.

Эстетическое воспитание является элементом программ и других изданий: «Пионер» ведет рубрику «Музей одной картины», активизировалась деятельность «Кораблика» — отдела детского творчества. Журнал «Юный техник» рассказывает о народных промыслах (плетение из стружки, резьба по дереву — 1989. № 5), устраивает на своих страницах вернисажи (1989. № 9 — «Звездный путь человечества» — с выставки художников-фантастов). При редакции журнала «Юный техник» создан благотворительный центр, задача которого — помочь ребятам «не загубить свой талант». Редакция говорит с читателем об истории Отечества, пытается дать основы экономических знаний.

«Юный натуралист» вместе со своим читателем озеленяет города, поселки, улицы, растит хлеб, хлопок, овощи, работает в животноводстве (давая рекомендации агрономические, зоотехнические), берет под охрану большие и малые реки, редкие и исчезающие виды животных. Вопросы экологии активно обсуждают и другие журналы: в «Костре» рубрика «Зеленые страницы», в «Пионере» — «Зеленая карета», в «Уральском следопыте» — «Человек и природа», «О братьях меньших».

Однако всем нашим журналам недостает последовательного и систематического обращения к гуманитарным наукам. Острей-

⁶ Соловейчик С. А. Педагогика для всех. М., 1989. С. 4.

⁷ К нашим читателям // Юный художник. 1989. № 1. С. 2.

шая и неудовлетворенная потребность у детей в доступной экономической информации, в правовом ликбезе. Дело не только в том, что «такие понятия как хозрасчет, самофинансирование, самоокупаемость приходят к детям тоже из разговоров родных и близких, которые и дома продолжают (часто некомпетентно. — М. П.) обсуждать все, чем живут на работе»⁸. Сами мальчишки и девчонки оказываются все больше втянутыми в сферу материально-производственных отношений — через школьные кооперативы, производственные бригады. В почте любого журнала масса ребячьих писем с обидами на непорядочных взрослых, с просьбами помочь, объяснить, подсказать. Часто дети, особенно подростки, оказываются втянутыми в неприятные истории, попадают в безвыходные для них ситуации. Своевременная юридическая, так же как и психологическая, консультация помогла бы избежать многих трагедий, значительно уменьшить число детских правонарушений и детских самоубийств. Иногда для выхода из стрессового состояния достаточно было просто внимания и дружеского участия.

Как-то неожиданно и вдруг острой стала проблема полового воспитания и сексуальной грамотности детей. С тревогой и болью говорил об этом председатель советского детского фонда А. Лиханов, о том, что множится число четырнадцатилетних — пятнадцатилетних «мамок», которые не могут ни содержать, ни воспитывать своего ребенка, отдавая его в казенный дом и множа сиротство⁹. И вот пока несмело, осторожно, преодолевая негодование благовоспитанных взрослых, детские журналы начинают писать и об этом.

Меняющееся отношение редакций к острым темам подтвердила писательница Лия Симонова на страницах «Пионера»: «Имеем ли мы право отпавлять наших детей в трудную, полную неожиданностей дорогу в розовых очках и белых перчатках? Не боязно ли за них, если в жизни подлинной, непридуманной и непреукрашенной они столкнутся с многими минусами и по нашей вине окажутся ним не подготовленными»¹⁰.

В детской прессе тематической ограниченности не может быть. Все общественно важное должно обсуждаться детьми и с детьми. Исключение составляет только раннее детство. «Малышовая» литература и публицистика призваны быть красочными, теплыми, уютными, надежными, как родной дом, дружная семья: «детство надо выпаивать парным молоком добра, любви, заботы»¹¹.

В 1989 году на страницах журналов для самых маленьких («Веселые картинки» и «Мурзилка») появился необычный материал — библейские легенды о сотворении земли, об Адаме и Еве, отрывки из еще невышедшей книги «Вавилонская башня и другие

⁸ Доверие и самостоятельность // Семья и школа. 1988. № 10. С. 4–5.

⁹ Лиханов А. Дети: желанные и случайные? // Лит. газета. 1989. № 35.

¹⁰ Симонова Л. Чтобы мы задумывались... // Пионер. 1989. № 9. С. 24.

¹¹ Акимов В. Дети ждут чтения, а не чтива // Дет. литература. 1989. № 4. С. 8.

древние легенды» (Веселые картинки. 1989. № 2; Мурзилка. 1989. № 5). «Жития святых», «Домострой», «Библия» вышли отдельными книгами (до этого журналы публиковали отрывки из них). Они возвращаются как литературные памятники, как кладезь народной мудрости, как шедевры культуры и философской мысли. Объясняется все просто. «Впопыхах отвергнув общечеловеческую мораль, мы не создали новой морали по той простой причине, что все нравственные устои уже придуманы за тысячу лет до нас»¹².

Продолжая разговор об изданиях для самых маленьких, считаем нужным подчеркнуть, что их содержание — прежде всего — игра. Весь журнал идет в дело: отгибаются скрепки, вынимаются листочки и вот уже библейские легенды, «Приключения веселых человечков на Марсе», мудрые стихи Тима Собакина и сказка в картинках «Жил был король» ребячьими руками превращаются в книжки-малышки и составят вместе с многими другими «Библиотечку «Веселых картинок». Или журнал станет кинозалом: «вырежь картинки и склей колечком». Идет игра со словом:

Зовутся по-всякому спаниели
Но две разновидности
Есть на деле
Такие, которые
Спалиели
И те, которые
Супанеели¹³.

Игра в детском возрасте, как известно, не забава, не времяпрепровождение, а способ познания, творческий процесс.

Как-то американские и советские социологи провели опрос школьников на предмет личностных ценностей. Американские ребята на первое место поставили здоровье. У наших юных граждан оно стоит на шестом-восьмом месте. Ленинградская областная детская газета «Ленинские искры» делает вывод о том, что в этом, вероятно, надо искать причины огромного числа больных ребятишек в нашей стране, частых случаев излишней полноты и гиподинамии¹⁴. Однако только в двух журналах есть специальные рубрики — «Всесоюзный спортивный клуб «Кузнечик» в «Костре» и «Олимпионик» в «Мурзилке», направленные на воспитание физической культуры. Есть еще «Пионерский спортзал» в «Пионере», но у него, как у настоящего, двери открываются редко и не для «тренировки», а для разговора о спорте.

Понятия «содержание» и «структура» издания тесно взаимосвязаны. Содержание — это единство всех составляющих элементов, свойств, внутренних процессов, связей, а в узком понимании — предмет, отражаемая сфера действительности, основные тематиче-

¹² Поляков Ю., Шмелев Н. Здравый смысл // Лит. газета. 1989. № 30. С. 12.

¹³ Веселые картинки. 1989. № 3. С. 8.

¹⁴ См.: Вам привет от президента // Ленинские искры. 1989. № 29. С. 2.

ские направления. Под структурой понимается последовательность и взаимосвязь материалов номера, зависящая от подхода редакции к оценке описываемых явлений.

Структуру журнала (детского в том числе) исследуют обычно в двух аспектах: как последовательность материалов — план, композиция номера, и как взаимосвязь материалов, соотносимая со структурой редакции — отделов, т. е. структура отдельного номера и структура модели.

В большинстве детских журналов логика построения книжки и сейчас традиционная, «классическая»: открывается номер «датным» материалом. Он в зависимости от месяца, то к Дню Советской Армии, то к 8 Марта, то к Дню космонавтики. Из года в год, из номера в номер праздничные материалы одинаковые — яркая картинка на обложке, в тексте — история праздника и кто, как и чем его встречает. Затем обычно идут стихи, проблемный или историко-революционный рассказ, рисунки, стихи или снимки читателей, юмористическая страница и что-нибудь под рубрикой «Сделай сам», «Умелые руки».

Просматривались все центральные журналы за три года (1987—1989). Самыми статичными, застывшими оказались журналы по интересам. Официальная рубрика «Юного художника» «Разговор на важную тему» провоцирует такие же заголовки, и они не вызывают интереса даже к самому актуальному материалу: «О воспитании с надеждой», «Женщина — творец прекрасного», «Ответственность перед прошлым и будущим» и др. Даже письма детей в рубриках «Ищу друга», «Край родной» не избавляют от ощущения, что название «Юный художник» предполагает обращение к вневозрастному начинающему художнику.

Журналы «Юный натуралист» и «Юный техник» тоже мало меняются: те же отделы и рубрики по многу лет, знакомые темы. Однако здесь мы имеем тот случай, когда говорят, что в старом доме шумит, бурлит молодая жизнь. Она деятельная и энергичная. В «Юном технике» неизменна эвристичность, великая любознательность читателя, его потребность преодолеть себя, свой стереотип мышления, стремление к творчеству и к открытиям. Читатель «Юного натуралиста» тоже «с вопросом», как говорил Б. Житков. В журнале ощущается неспешность и вечность законов живой природы, цикличность времен года и познавательная активность читателя.

Журналисты детской прессы, надо признать, пытаются преодолеть стереотипы. «Мурзилка», например, «спрятал» официальные материалы на третью-четвертую страницы, вынося вперед сугубо детские проблемы. Очень большие перемены — в «Пионере». Изменился собственно дух журнала. Много здесь новых и видоизмененных рубрик, тем и форм: юнкоровский пост «РВС» превратился в боевую и содержательную газету «Вперед». Открылся шахматный клуб «Новые Васюки», в нем весело и интересно. Деловой и не-

много ностальгический коммунарский сбор ведет в нескольких журнальных книжках журналист и писатель В. Хилтунен. «Домовенок и компания» учат шить, мастерить, управляться на кухне и по дому. И самое главное — ушли скучные передовые статьи, а вместо них пришли живые люди, которым верят и чье мнение для читателя важно — А. Лиханов, Ф. Бурлацкий, Д. Лихачев, В. Коротич, Г. Ягодин, Л. Разгон, И. Зарахович, А. Ваксберг. Пришло и в детскую прессу время личностей.

Структура детского журнала достаточно стабильна. Иной она быть и не может, потому что это — структура модели. Два кита, два неизменных элемента, всегда вместе произносимые — беллетристика и публицистика. (Из данной группы СМИ только «Юный художник» не приглашает к сотрудничеству писателей и поэтов.) Без беллетристики немыслима даже газета для детей. Здесь кроме малых форм — стихи, рассказы, юморески — часто из номера в номер, с продолжением печатаются повести. Литературные произведения занимают до половины объема журнала.

Исторически сложилось так, что вокруг детских изданий объединялись молодые литераторы, ставшие впоследствии известными писателями. Они формировали лицо журнала, определяли художественный уровень других публикаций, накапливали собственный творческий потенциал. Таким образом, периодика становилась лабораторией советской детской литературы. Без них и сегодня детские издания не обходятся: А. Кассиль, В. Катаев, В. Бианки, М. Пришвин, Д. Хармс, С. Маршак, К. Чуковский, Б. Житков, А. Введенский, В. Драгунский, А. Барто, А. Гайдар.

Количественное соотношение публицистики и беллетристики в номере почти не меняется, появились новые имена: Ю. Коваль, В. Бахревский, Н. Сладков, Э. Успенский, К. Булычев, И. Зиедонис, В. Погодин. Это — шестидесятые годы. И дальше — пауза, которая, хочется верить, прервется с образованием секции детских писателей при Союзе писателей СССР. Недавно вышел первый специализированный номер (1989. № 7.) «Веселых картинок», составленный из произведений молодых литераторов.

Библиографический отдел в большинстве журналов композиционно не выделен. Есть непостоянные рубрики — «Прочти эту книгу и ты» в «Костре», «Рассказы о писателях» в «Пионере». Чаще всего редакция знакомит читателей с молодыми авторами и с новыми работами уже известных писателей, предвосхищая публикацию произведения журналистским комментарием. «Пионер» иногда на четвертой странице обложки печатает иллюстрации из книги. Этот вид рекламы представляется нам интересным и весьма результативным.

Специфика публицистики в детских изданиях обусловлена возрастом читателя. У нее есть даже свое определение — художественная публицистика. Актуальный общественный материал, информация научного отдела получают высокую художественную,

литературную обработку. Потому что «не голые абстракции, не дидактические рассуждения способны увлечь ребенка, а мир образов, красок, игровых сюжетов»¹⁵.

Традиции такой публицистики идут от научно-публицистических статей в «Детском чтении для сердца и разума» Н. И. Новикова. Они развиты в 20—30-е годы нашего века Б. Житковым, Н. Олейниковым, В. Бианки, М. Пришвиным.

Неотъемлемой типологической чертой детского журнала являются сатира и юмор. Это объясняется огромной потребностью детей в смехе, тем, что любое воздействие на ребенка возможно только через чувственно-эмоциональную сферу. Комическое присутствует на каждой странице «Веселых картинок», «Мурзилки». В журнале для более старшего возраста есть еще и специализированные отделы: «Кактус» в «Искорке», «Веселый звонок» и «Костере», «Сатирикончик» в «Пионере», «У сороки на хвосте» в «Юном технике». Здесь публикуются литературные произведения, выдержки из школьных сочинений, рассказы о случаях на уроках, взятые из ребячьих писем. В «Юном натуралисте» эта «ниша» заполнена часто за счет «природного материала» — оригинальных ситуативных снимков и описаний нетрадиционного поведения животных. В «Юном художнике» такого отдела нет, может сложиться впечатление, что дети, увлеченные изобразительным искусством, смеяться не умеют.

Ни один детский журнал не обходится без почтового отдела. Во всех изданиях есть рубрики, где публикуется основная часть читательской корреспонденции, есть рубрики одного или нескольких писем типа «Вопрос — ответ» и отделы, где можно познакомиться с творчеством читателей.

В разговоре о содержании и структуре издания мы вынуждены постоянно обращаться к авторскому аспекту. Понятие **автор** в нашем случае гораздо шире, чем **создатель текста**. Есть ведь еще авторы идей, разнообразных форм и методов подачи иллюстративного материала, организации всех композиционных элементов номера.

Выше мы уже назвали в качестве авторов детского журнала писателей, политических и общественных лидеров. Еще в 20—30-е годы совершенно обычным явлением было участие в этой прессе видных политиков, государственных деятелей. Общались с ребятами по самым серьезным вопросам Н. К. Крупская, М. И. Ульянова, А. И. Ульянова-Елизарова, В. Д. Бонч-Бруевич. Позже ценнейшая традиция была утрачена. И совершенно напрасно, потому что половина успеха «проповеди» заложена в доверии к слову, в желании слушать, слышать и подражать. Сам факт обращения к юным «по делу» не рядового человека, а государственного лица располагал к стремлению действовать.

¹⁵ Холмов М. И. Становление советской журналистики для детей. Л., 1983. С. 138.

Нетрадиционную форму общения с читателем нашел «Юный техник». Ребенку очень важно и интересно сравнить себя сегодняшнего с кем-то известным в пору его детства. Это стремление к самооценке, к самоанализу. «Примеряется» не только личностный образ, но и профессиональный, социальный статус: «Юный техник» в каждой своей книжке дает рубрику «Когда мне было 12». Это монолог, очень доверительный разговор от первого лица. О себе, об истории, современности, о текущем и вечном говорили с детьми полярник В. И. Бардин, реставратор О. В. Лелекова, инженер А. А. Павленко, писатель-фантаст Кир Булычев (доктор исторических наук И. В. Можейко).

Есть в детской прессе и несколько иная форма личного общения, когда известные люди, ребячьи кумиры в спорте, музыке, кино становятся комментаторами злободневных фактов и проблем общественной жизни.

Самое трудное при чтении изданий этого типа — вычислить журналиста-профессионала, сотрудника редакции. Вероятно, они ограничивают свою деятельность организацией материалов. Только в «Юном технике» часто можно встретить указание: «Рубрику вела...»

С недавнего времени в «Пионере» стали участвовать журналисты из взрослой прессы. Обозреватель газеты «Семья» А. Сергеев написал о кооперативах и кооператорах, корреспондент «Огонька» М. Салыкова — об обществе «Мемориал» (1989. № 7; 1989. № 5). Причем указывается, что материалы подготовлены специально для журнала «Пионер». И новая рубрика, и авторы, и уточнение, безусловно, оптимизируют воздействие.

Главными авторами детской прессы должны оставаться все-таки сами ребята. Корни этой традиции идут от первых детских изданий, когда печать для детей стала печатью детей. Взрослым тогда отводилась зачастую организаторская и консультативная роль. Время показало, что наиболее оптимально для результативности воздействия газет и журналов участие в них и журналистов, и юных читателей.

Мы отмечаем влияние ребят на издание и явное, и скрытое, когда автор письма подсказывает тему, адрес, вносит коррективы в редакционные планы. В каждом номере «Пионера», «Костра», «Юного техника», «Юного натуралиста» в подборках и на специальных страницах мы видим это читательское воздействие. Широкое, активное участие юных в своих изданиях само по себе чрезвычайно важно. Оно делает печатный орган «живым и жизненным», внушает к нему доверие, повышает авторитет у читателя. Но есть и другая сторона, которой уже касались выше и которая на нынешнем этапе, пожалуй, более значима. Это — юнкорская деятельность как форма политической активности подрастающего поколения, возможность формирования общественной позиции.

В ряду типологических признаков не на последнем месте стоит **жанровое обеспечение** издания.

Говорить об особой жанровой палитре детского журнала у нас нет основания. Можно лишь сделать поправку о частоте обращения к той или иной форме.

Во всех изданиях этой группы много стихов: известных и молодых поэтов, самих читателей. В «малышовых» журналах царят загадки, скороговорки, считалки, сказки всех видов (о животных, волшебные, сатирические, бытовые, народные и современные, авторские). Кроме них встречаются заметки и зарисовки. Рассказ в «Веселых картинках» короткий, чаще о животных, о природе. В «Мурзилке» часто уточняется, какой рассказ — фантастический, сказочный, исторический, — или какая повесть — «маленькая повесть в сказках С. Сахарнова».

В журналах для среднего школьного возраста спектр жанров почти полный. Сказка печатается уже редко и с уточнением: «полусказка», «сказочная повесть». Скрываемая, но неодолимая тяга в пору отрочества к волшебству, к чуду, к необыкновенному реализуется через фантастику, которой не минует ни «Пионер», ни «Костер», а «Юный техник» и «Уральский следопыт» без нее просто не мыслятся. «Клуб любителей фантастики» (КЛФ) «Уральского следопыта» объединил вокруг себя большие литературные силы. Ежегодные конкурсы на приз «Аэлита» превращаются в настоящие литературные праздники. Планируется даже основать в Свердловске Дом фантастики с видеотекой и библиотекой¹⁶.

Необычно печатаются в журналах этой группы повести — по две-три в одном номере и все с продолжением. Журналы у нас тоненькие и не имеют другой возможности обеспечить разнообразие и многокрасочность содержания. В первую тройку наиболее популярных жанров, кроме повестей и рассказов, входит очерк (о людях, о природе, научно-популярный). Часто встречаются заметка, репортаж, интервью, корреспонденция. Редко можно увидеть в детских журналах статью, рецензию (они сохранились как постоянные, пожалуй, только в «Юном художнике») и фельетон. По мнению критика Д. Николаева, «в журналах нет не только политической сатиры, публицистические жанры — фельетон, памфлет — также не появляются на страницах периодических изданий... позволено писать 1) о лентяях, 2) неряхах, 3) прогульщиках, 4) хвастунах и т. п. В современной детской литературе почти исчезли хамы и хулиганы, зато взамен появились спекулянты, точнее, мелкие фарцовщики... Но тут же моментально возник стереотип»¹⁷.

Журналистские жанры в отделах сатиры и юмора сегодня редки. Блуждают из журнала в журнал юморески с расхожими сю-

¹⁶ Из выступления редактора журнала «Уральский следопыт» С. Ф. Мешавкина в передаче свердловского радио от 29.04.88, посвященной 30-летию журнала.

¹⁷ Николаев Д. В поисках сатиры // Дет. литература. 1988. № 2. С. 30—33.

жетами, «бородатые» анекдоты, выдержки из сочинений и частушки на темы школьной жизни.

Утверждение «все жанры хороши, кроме скучных» для детской прессы даже более справедливо, чем для взрослой. Все жанровые формы в изданиях этого типа небольшие по размеру, должны иметь острую фабулу и динамичное развитие сюжета, живой, образный язык, яркие метафоры и эпитеты. Но, кроме этого, важно и удачное решение **композиционно-графической модели** номера. Аппарат ориентирования читателя в номере также существенный типологический признак.

Внимание ребенка неустойчиво (прямо пропорционально возрасту). Чтобы привлечь его к журналу, к отдельному материалу и удержать во время прочтения, осмысления, нужны достаточно сильные раздражители. Это — цвет, иллюстрирование, верстка, контраст и ритм элементов композиции, наличие дополнительных стимулов (вклеек, вкладышей, призов, поделок).

Все детские журналы — многоцветны, многокрасочны. Яркие цветовые пятна, а также разнообразие их форм, во-первых, привлекают внимание, во-вторых, снимают усталость зрительных нервов, в-третьих, являются приемом ценностного ориентирования: актуальнее материал — ярче спектр пятна. Оно может быть широкой линейкой, полями, украшением, подложкой под снимок и текст, и, наконец, цветной, контрастной бумагой листа.

По сравнению со всеми другими группами СМИ, детская пресса максимально иллюстрирована. Здесь мы имеем фотографию, рисунок и их сочетание — коллаж. Выбор того или другого иллюстративного материала зависит также от возраста читателя. В малышейовых журналах фотографий почти нет. Как и публицистики. Здесь царит яркий, стилизованный рисунок. Фотографии — по три-четыре в номере — мы можем встретить в «Веселке». Это, главным образом, портреты победителей разных конкурсов (их редакция организует немало). В октябрьских журналах снимков больше. Есть и пейзажные.

Несколько особо в ряду изданий младшего возраста стоит «Искорка». Здесь в рубриках «Знаешь ли ты свой город?», «Наши лауреаты», «Семейный альбом», «Давайте знакомиться» немало фотографий. А рисунки — черно-белые, цветные — только обложки.

В журналах для среднего школьного возраста снимки есть и портретные, и пейзажные, и сюжетно-тематические. Интересно, что «Костер» делает обложки преимущественно рисованные (вероятно, в силу большей беллетризованности). У «Пионера» часто первая обложка — рисунок, а четвертая страница обложки — цветное фото. В журналах «Юный натуралист» и «Юный техник» снимков максимум. В «технике» еще и схема, рисунок, чертеж. Обложки «Юного натуралиста» — всегда цветные фотографии. Читатели этих двух журналов, в основном с устойчивым интересом,

стремятся к большей доказательности, документальности. Текстовой материал — научно-популярного характера, что тоже тяготеет к непосредственному, а не к опосредованному, взгляду на жизненный материал, на факты, что и обеспечивает фотография. Эта особенность характерна для «Уральского следопыта».

Иллюстративный материал в детской прессе может иметь нестандартную конфигурацию — круг, эллипс, ломаную форму, распространен прием накладки иллюстраций частью поверхности друг на друга, распространено их асимметричное расположение.

Динамика, ритм материала достигаются в детских журналах традиционными приемами — чередованием крупных и мелких композиционных элементов, размеров кегля текстовых и заголовочных шрифтов, широко распространенными комиксами (их движением), кадрами сюжетно-ролевых рисунков.

Достаточно сильным раздражителем внимания юного читателя является нестандартное расположение заголовков и рубрик: вертикальное, наклонное, диагональное, блоком и так называемыми кубиками.

Ориентирование в журнале сводится к оглавлению типа «Читай в июле», «В этом номере», «Журнал печатает» и др. Этим ориентиром читатель обычно начинает пользоваться в подростковом возрасте, до того читает все подряд или то, что наиболее выделяется в полосе или номере (доминантно).

Мы говорим о модели детского журнала, определяя ее как некое (условное) статическое состояние концепции. Необходимо также сказать об условиях реализации концепции, факторах оптимизации журналистского воздействия.

Всякое издание, публицистическое общение, начинается с определения образа собеседника с изучения качественно-количественных параметров аудитории. Если бы печатный орган не зондировал ее постоянно, то в скором времени изжил бы себя. В качестве зонда могут выступать редакторская почта, читательские конференции и социологические опросы. Обычно в самом журнале публикуется развернутая или свернутая анкета, в которой заложены возрастной, половой, региональные параметры, по которым можно было бы судить о ценностных ориентациях читателя. Сама анкета составляется с учетом возрастной психологии во избежание неадекватных ответов и результатов. В декабрьском 1988 года номере «Мурзилки» опубликована анкета-игрушка. Анкета 1988 года, в отличие от большинства опросников прошлых лет, дает ребенку возможность вариантных ответов. Сравним по одному вопросу: раньше «почему ты хочешь стать пионером?», сейчас — «хочешь ли ты стать пионером?». Из 200 тысяч ответов около 20 процентов было неоднозначных.

Вскоре было опубликовано еще несколько анкет. Анализ их заставил редакцию серьезно корректировать работу, потому что, например, никто не захотел позвать с собой в кино учителя и

вожатого; очень мало, кто выбрал себе в подарок книгу, билет в театр, туристскую путевку или «что-то неожиданное». Выбирали, в основном, модную одежду, обувь, магнитофон; только пятая часть ребят может выполнить элементарную работу по дому: вымыть посуду, пол, почистить картошку. На ситуативный вопрос: «Плачет девочка, ее не приняли в пионеры. Что ты ей скажешь?» почти все ответили: «Хорошо учись, лучше себя води — примут...»¹⁸ Необходимо говорить не только о стереотипе образа пионера как отличника с хорошим поведением, об установке октябрят на пионерскую организацию. Важно воспитывать детей на сострадании, добре, благородстве.

Анкетные — итоговые и прогнозные — ежегодно проводят все журналы. С учетом результатов анкетирования составляются редакционные планы. Иногда в журналах печатаются единичные вопросы с целью выяснить максимально полное мнение по одному вопросу.

Конкретная тема выступления диктуется обстоятельствами. В нынешних стремительных событиях и ситуациях детские журналы оказались не в лучшем положении. Слишком долг путь от автора к читателю. Только производственно-полиграфический цикл — 2-3 месяца, да почтовая дорога из центра до окраин — месяц, да доставка. Удел журнальной публицистики — «стабильные» темы. Например, ни в одном издании мы не прочитали о забастовках шахтеров Украины и Воркуты, не нашли информации, а значит и ее анализа, о националистических выступлениях в Армении, Азербайджане, Молдавии. Детские журналы не имеют права избегать острых тем, ибо потом переубедить труднее.

Выбор формы высказывания и литературных средств зависит от авторской индивидуальности, но соотносится с концепцией издания, в которой уже заложены аудиторные параметры. Необходимо еще одно уточнение — конкретно-историческое. Нельзя работать, не учитывая состояния информационного поля вокруг читателя. Никогда еще поток информации не был таким мощным и пестрым, как сегодня. Поэтому надо найти такие темы и слова, чтобы ребята заметили материал и прочли его.

Очень большое значение имеют условия общения редакции с юным читателем: непосредственное, прямое общение (теле- и радиожурналисты в прямом эфире и горячий телефон) имеет, конечно, больше шансов на успех. Таких возможностей журнальная публицистика не имеет. Значит, надо делать ставку на другие факторы. Например, на композиционно-графические, текстовые, организационно-массовые формы.

Чтобы на материал обратили внимание, он должен быть выделен в номере и на полосе: цветовой доминантой, содержательной, короткой, оригинальной, лучше постоянной клишированной рубрикой («Клип-клуб», «Точка зрения», «Живая вода», «Узел связи»). Такие рубрики — неременный атрибут детского журнала.

¹⁸ Мурзилка. 1989. № 2; 9.

В изданиях для юных не может быть шаблонных заголовков. Они должны сразу вызывать всплеск любопытства, удивления («Карманный музей», «Миру на изумление», «Про морского черта и...», «У кого какие уши?»).

Однако внешних, графических средств для заинтересованного прочтения, а главное — для восприятия текста, далеко не достаточно. Нужно еще много всяких не:

- не начинать с общих слов;
- не терять динамики фабулы;
- не назидать впрямую;
- не навязывать мнение;
- не делать выводы за читателя и т. д.

Для того чтобы активизировалась мысль школьника, даже если он по каким-то позициям с автором не согласен, нужна убедительность и четкость позиции, аргументированность тезисов. Нужно обращение к разуму и к чувствам юного собеседника, причем чувственно-эмоциональный импульс в детской прессе — первичен.

У журнальной публицистики кроме минусов (отсроченность и опосредованность общения), есть и плюсы — большая комментированность, глубина анализа фактов, долговечность, возможность повторного обращения для подтверждения мысли, для уточнения. Процесс общения прессы и аудитории может быть бесконечным, но начать новый разговор с читателем, не узнав результата предыдущего, затея подчас бесполезная. Да и опрос ребят на тему «Что понравилось?», «Лучший материал номера, года?» часто побуждает читателя возвратиться к нему для повторного прочтения.

У каждого журнала есть своя система критериев (оценок): «Юный техник» и «Парус» печатают параллельно оглавлению трехцветную шкалу. У «Юного техника» есть еще блицконкурс «Приз номера — самому любознательному читателю». Призы немалые — головные стереотелефоны, ломо-компакт-автомат, конструктор «Юный оптик» и др. Призы эти также стимулируют технические интересы ребят и заинтересованное, пристальное прочтение номера. Тут есть еще один фактор: мысль читателя не просто осознанная, но сформулированная и высказанная, по мнению психологов, скорее станет личным достоянием, действующим капиталом. Именно этим и объясняется высокая результативность организационно-массовых форм — дискуссий, горячих телефонов, спор-клубов, всевозможных конкурсов и викторин. В конечном счете многие читатели обращаются к печатному органу чтобы узнать мнение сверстников о том, что вокруг происходит, включиться в процесс общения с ними, найти подтверждение или контраргумент своим мыслям.

Все названные факторы эффективности журналистского воздействия можно определить как психолого-педагогическую обработку информации с учетом возрастных особенностей аудитории, что является одним из важнейших типологических принципов детского

журнала. Соблюдение их дает возможность прогнозировать результативность работы даже при нынешнем крайне неудовлетворительном состоянии детских журналов, о котором говорилось на Все-союзном семинаре редакторов детских журналов¹⁹, и при несовершенной структуре современной детской прессы.

М. А. МЯСНИКОВА
Уральский университет

ЖУРНАЛЫ 80-х

(Опыт работы внештатных редколлегий)

Одним из приоритетных направлений нашей журналистики 80-х годов, безусловно, является журнальное. Налицо новый всплеск интереса к литературно-художественным изданиям, новый взлет журналов, как это было когда-то с погодинским «Театром», с «Новым миром» А. Твардовского. Журналы читаемы. Гигантскими темпами растут их тиражи. Так, за три последних года прошедшего десятилетия тираж «Огонька», возглавляемого Виталием Коротичем, увеличился вдвое и насчитывает более трех миллионов экземпляров. Тираж журнала «Дружба народов», превысивший к концу десятилетия миллион экземпляров, несравним с 36 тысячами, которые были 20 лет назад, когда в качестве главного редактора туда пришел Сергей Баруздин. Популярными фигурами стали редакторы литературно-художественных, общественно-политических и критико-публицистических журналов. Их избирают народными депутатами, они дают многочисленные интервью. Жизненной повседневностью являются для читателей обсуждения новых журнальных публикаций, встречи с редколлегиями, а для последних — кипы читательских писем на редакционных столах. Если в начале 1986 года журнал «Огонек» получал не более 20 писем в день, то в конце 1989 года их поступало уже от 600 до 800¹. А если вспомнить кампанию за свободную подписку осенью 1988 года или факты снятия редакторов, рождения новых изданий, возвращения забытых имен, бурные обсуждения в журналах, наряду с литературными и художественными проблемами, экономических, политических, проблем общественной жизни... Что и говорить. Это был настоящий журнальный бум, «выдвинувший ряд наших «тонких» и «толстых» журналов на переднюю линию перестройки»². Чем объяснить это? Безусловно, наступлением эпохи гласности, повышением роли средств массовой информации в целом. И особенно-

¹⁹ Какие у нас журналы // Дет. литература. 1988. № 8. С. 52—62.

¹ См.: Коротич В. Я — за читателя // Правда. 1989. 3 сент.

² Матафонова Ю. «Урал»: взгляд в завтра // Урал. рабочий. 1989. 17 авг.

стями журнального способа мышления тоже — на фоне газетного — более глубокого, обстоятельного, взвешенного. Впрочем, об этом речь впереди.

Журнальная практика стала вызывать «полное удовлетворение у подавляющего большинства читателей: как же, открыли шлюзы, и выяснилось, что у нас есть литература, а казалось, что ее у нас как бы нет...» — заявил молодой свердловский критик В. Курицын³. Не совсем ясно было другое: «Где, собственно, то, что пишется сегодня и о сегодня?».⁴ Где новые, неоткрытые имена в искусстве? Молодежные журналы, такие, как «Юность», «Молодая гвардия», «Аврора», выражая преимущественно идеалы «шестидесятников» и «семидесятников», подбирали молодых «под себя». А литература и критика, так сказать, иные, традиционно «непроходные», продолжали существовать «в списках»; в лучшем случае, в специальных «загонах для молодняка» во «взрослых» журналах. Смешнее было то, — продолжает этот же автор, — что подобный «загон» появился и в «Юности» под названием «Испытательный стенд», хотя именно она («Юность») призвана давать дорогу молодым.

Журналы 80-х — тема обширнейшая. Мы коснемся лишь одного из ее аспектов. Поговорим об этих самых «загонах для молодняка» — новом явлении в журнальной периодике 80-х годов, об экспериментальных молодежных выпусках и их внештатных редколлегиях. Причем сразу заметим, что их появление есть яркое отражение той ситуации, которая сложилась сегодня в нашем журнальном деле: с одной стороны, застарелости целого ряда привычных форм и способов ведения журнала; с другой, — неостребованности новых поколений творческих личностей, невозможности для них высказать свое, подчас расходящееся с общепринятым мнение о многих жгучих проблемах жизни. Какова конструктивная роль экспериментальных номеров? Что открывают они в нашей журналистике? В каких условиях рождаются и живут? На эти вопросы мы и попытаемся ответить. Но прежде несколько замечаний общего порядка.

Существует парадокс. При нынешнем взлете журнального дела само это дело изучено у нас крайне слабо. «Корень слова «журналистика» — ... журнал... Между тем, сегодня у многих журналистика ассоциируется в первую очередь с газетой, — пишет А. Щербаков. — Гораздо реже встречается в специальных работах, статьях, рецензиях словосочетание «журнальная журналистика». Реально существуя в практике, это понятие как бы отсутствует в качестве чего-то самостоятельного в представлениях многих исследователей прессы, да и читателей тоже»⁵.

³ Курицын В. Не хозяйева, а гости // Лит. газ. 1989. 17 мая.

⁴ Там же.

⁵ Щербаков А. Журналистика и журнал // Актуальные проблемы совершенствования средств массовой информации и пропаганды. Свердловск, 1985. С. 27.

«Журналоведение, в особенности в его теоретической части, без сомнения, остается наименее разработанной областью науки о печати, — подтверждает эту мысль А. Акопов. — Не выяснены социальные, функциональные, функционально-логические особенности журнала как типа издания. Неотработанными, неутвердившимися остаются основные термины и определения, включая понятие «журнал»⁶. Кстати, и «практика советских периодических изданий по вопросам литературы и искусства, в частности театральных изданий, почти не изучена сегодня. По-прежнему мало внимания уделяет... этому вопросу история журналистики, а в театроведческих исследованиях — театральная журналистика служит по преимуществу подсобным материалом, источником сведений, «хранилищем фактов, оценок, мнений»⁷. Эти слова, сказанные два десятилетия назад (!) исследователем типологии советского театрального журнала И. А. Мухранели, по существу так же актуальны и сегодня. Думается, что наблюдение над современной практикой поможет прояснить в дальнейшем и некоторые стороны теории журнального дела. Но это предмет особого разговора. Вернемся к нашей теме.

Как писала «Правда» в сентябре 1989 года, «наше общество стало жить в условиях принципиально новой идеологической ситуации. Входит в практику средств массовой информации, занимает свое место и такое еще недавно казавшееся вредным понятие, как социалистический плюрализм мнений. Не стало привычного единодушия в прессе. Газеты, журналы спорят, отстаивая близкие им точки зрения. Спорят порой яростно»⁸. Можно, конечно, рассматривать это явление как новое. Но, по существу, мы возвращаемся сегодня к тому, что давным-давно у нас уже было.

До революции на Волге выходило 5 газет и 4 журнала, в 20-е годы журналов было уже 10, а сегодня один-единственный издающийся в Саратове журнал «Волга». На Дальнем Востоке тогда же, в 20-е, выходило около 20 журналов и среди них несколько литературных. А сегодня огромный регион, включающий в себя Приморье, Приамурье, Сахалин, Камчатку, Колыму, Чукотку «обслуживает» один «толстый» журнал «Дальний Восток»⁹. Отсюда, вероятно, и проистекает некая усредненность позиций наших региональных изданий, не всех читателей, безусловно, устраивающая.

А вот другой пример. Как сообщает И. Мухранели, «с 1918 по 1921 год в нашей стране издавалось 116 театральных журналов»¹⁰. Они делились на 4 группы: 1) издания советских учреждений, управлявших театрами; 2) внутритеатральные издания; 3) профсоюзные журналы; 4) частные журналы. Уже сами

⁶ Акопов А. К вопросу о журнале как типе периодического издания // Типология журналистики. Ростов, 1987. С. 61.

⁷ Мухранели И. Становление типа советского театрального журнала 20-х — начала 30-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. С. 1.

⁸ Журналист и время // Правда. 1989. 3 сент.

⁹ См.: Завота у них такая... // Лит. газ. 1989. 24 мая.

¹⁰ Мухранели И. Становление типа советского театрального журнала... С. 5.

названия свидетельствуют о многообразии их направлений: «Вестник театра», «Культура театра», «Вестник искусств», «Театральная Москва», «Театральное обозрение», «Эрмитаж», «Зрелища», «Мастерство театра», «Вестник театра и искусств», «Рабочий зритель», «Рабочий и театр», «Новый зритель», «Искусство трудящимся», «Современный театр», «Новая рампа», «Афиша ТИМ» и т. д., и т. п. Но уже к концу 20-х количество театральных журналов свелось к минимуму. В результате реформы Главискусства были закрыты существовавшие тогда театральные издания, возник все-союзный журнал «Советский театр», который затем передал эстафету журналу «Театр и драматургия», а также выходящему по сегодняшней день журналу «Театр». И это все.

Таким образом, как в дореволюционный период русской прессы, так и в 20-е годы ни региональные, ни специализированные издания не были в своем деле монополистами. Изданий было много. Каждое из них могло высказывать свое мнение по разным вопросам жизни. Сегодня же мы пытаемся решить проблему, как быть плюралистичным монополисту. И тогда либо идем на отчаянный эксперимент совмещения под одной обложкой «Огонька» и «Молодой гвардии», как это делает та же «Волга», стремясь быть универсальной, либо создаем альтернативные номера и «журналы в журнале», как это делает сегодняшний «Урал». В любом случае монопольное положение вредит журналу. И лучший путь к исправлению положения — создание новых изданий. Экспериментальные номера вообще, следует рассматривать как этап на пути возникновения новых журналов. Компромиссное существование в рамках основного издания не может быть слишком долгим. Это, кстати, подтверждает и практика. Вместе с тем, поиски, ведущиеся в специальных номерах, конечно же обогащают и совершенствуют издание в целом, влияют на него в той или иной степени. Рожденные в условиях конкуренции молодежные (экспериментальные) выпуски становятся по существу способом омоложения старых изданий. Справедливо заметил журналист В. Потапов: «Журнал ищет истину. Сопоставление разных точек зрения и отражает эти поиски и дает им движение»¹¹. Альтернативные выпуски — свидетельство таких поисков. И здесь надо учитывать саму природу журнала как типа издания.

Дело в том, что «количество времени между номерами журнала — это не просто время, отпущенное редакции для работы над материалом. Это время, определяющее ту высоту — нравственную, социальную, политическую, — с которой она рассматривает события»¹². Данное наблюдение журналиста Ю. Комарова дает возможность уяснить тот основной принцип, на котором основываются

¹¹ «Волга»: энергия поиска // Лит. газ. 1989. 2 авг.

¹² Комаров Ю. Планирование и организация работы редакции журнала // Проблемы научной организации журналистского труда и работы редакционных коллективов. М., 1973. С. 65.

эти самые альтернативные номера. Их выход через более значительные промежутки времени, на фоне основных номеров, безусловно, поднимает их на известную высоту. Он позволяет им, возвращаясь к прежним темам, целенаправленно углублять их изучение, вводить в новые контексты, более острым и дальновидным делать свой комментарий, который всегда требует «временной дистанции, возможности рассмотреть предмет на расстоянии»¹³, что является, кстати сказать, основным свойством журнала. Все это, давая повод для сравнения с «родителем», конечно, привлекает к альтернативным номерам (название условно!) специальное внимание читателя.

Попробуем теперь рассмотреть некоторые из таких номеров. Мы выбрали для анализа три довольно известных журнала: один «толстый» и два «тонких»: региональный ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический — «Урал», российский двухнедельный массовый иллюстрированный — «Театральная жизнь» и всесоюзный, тоже двухнедельный, критико-публицистический иллюстрированный — «Советский экран» (ныне «Экран»). Из них первым к эксперименту приступил журнал «Театральная жизнь», начав выпускать молодежные номера с № 6 за 1986 год, и дольше других эту форму в себе сохранивший. Два года «держался» «Советский экран» (первый его молодежный выпуск был № 7 за 1987 год, последний — № 10 за 1989 год). Получивший всесоюзную известность экспериментальный выпуск журнала «Урал» (1988. № 1) так и остался единственным в своем роде. Его место занял выходивший четыре раза в год журнал в журнале под названием «Текст».

Итак, три журнала. Три попытки отыскать новые формы в журнальном деле. Надо отдать должное главным редакторам и редколлегиям основного состава названных изданий за предоставление журнальной площади для эксперимента. Каждый из этих журналов сумел шагнуть в сторону от привычной колеи, избавиться от всегдашней обуженности и выстроенности в затылок, а в результате достиг того плюрализма, о котором сегодня так много говорят и пишут. Не все молодежные редколлегии, правда, выжили, да и новые издания на их основе пока не родились. Велика еще, к сожалению, сила сопротивления новому.

Как начинался эксперимент? На каких принципах он основывался? Каковы его итоги и дальнейшие перспективы? Задавшись этими вопросами, мы обратились к непосредственным его участникам: к главному редактору молодежной редакции журнала «Театральная жизнь» Татьяне Плошко, главному редактору молодежной редакции журнала «Советский экран» Петру Черняеву, члену редколлегии экспериментального номера журнала «Урал» и первых выпусков журнала в журнале «Текст» Ольге Славниковой¹⁴ и сопо-

¹³ Щербakov А. Журналистика и журнал... С. 32.

¹⁴ Беседы с ними состоялись 31 декабря, 25 декабря, 26 декабря 1989 года. (Дальнейшие цитаты — из материалов этих бесед).

ставили их высказывания о практике своих изданий с некоторыми нашими наблюдениями.

Интересно, что молодежные выпуски журнала «Театральная жизнь» начались по инициативе большой редколлегии, а точнее, тогдашнего главного редактора Н. И. Мирошниченко и зав. отделом критики О. К. Корневой. Не странно ли? Основная редколлегия сама создавала себе конкурента. Казалось бы, зачем? Дело же заключалось в том, что прежние способы сотрудничества с молодежью — рубрики, полосы, отдельные, эпизодически выходившие молодежные номера — становились уже недостаточными. Без предоставления полной самостоятельности молодым авторам не удавалось выявлять среди них ярые творческие дарования. Необходимо было собрать их всех вместе, чтобы на этой основе вырастить новое поколение журнальных журналистов. Правда, первого главного редактора молодежной редакции «Театральной жизни» Андрея Кучерова пригласили уже к готовому коллективу. В этом механическом совмещении разных людей была, конечно, главная сложность, обусловившая его дальнейший уход. Вот почему когда через два года редактором предложили стать Татьяне Плошко, она выдвинула условие: людей набираю сама. Так новая редколлегия резко помолодела. В ней работали теперь 20—25-летние, в то время как в первой были в основном те, кому за 30.

Появление молодежных номеров в журнале «Советский экран» определили, на наш взгляд, сходные обстоятельства: новая общественная ситуация в стране, деятельность главного редактора, обнаружившего стремление мыслить по-новому, наконец открывшаяся возможность притока свежих сил благодаря наличию молодежной секции при обновленном Союзе кинематографистов СССР. Тем более, что прежние формы работы с молодыми и здесь не давали нужного эффекта. Об этом писал один из инициаторов экспериментального номера журнала «Урал», зав. отделом прозы Валерий Исаков: «Номера, посвященные целиком молодым и начинающим... почти всегда... самые неинтересные в годовом комплекте. А почему? Да потому, что произведения для них подобраны и пострижены по общим меркам. Вот мне и пришло однажды в голову, что надо бы дать молодым и начинающим, и не очень молодым, и не совсем начинающим, но в большинстве своем «неприходимым» авторам... возможность самим выпустить номер»¹⁵.

Хотя начало новому делу было положено сходными обстоятельствами и прежде всего — объективной потребностью журналов в обновлении, осуществлялось оно почти интуитивно. Чужой опыт не изучался. «Думаю, что до нас подобных прецедентов не существовало. Я их не знаю», — уверена Т. Плошко. «Аналоги нам были неизвестны», — подтверждает О. Славникова. П. Черняев в данном случае более корректен: «Я видел наш контекст шире. Нас

¹⁵ Лукьянин В., Исаков В. Так что же случилось в январе? // Урал. 1988. № 9. С. 162—163.

подгоняли не только уже возникшие к тому времени молодежные редакции, но и другие журналы. По части тем, например, — «Огонек». А вот с «Театральной жизнью» мы почти не «контачили». Каждый шел своим путем...

Уточним: контакт состоялся лишь на самом начальном этапе. «Советский экран» в своем первом молодежном выпуске сослался на пример театроведов, а те в ответ издали «поздравительный возглас»: «Ну вот. Исчезла дрожь в руках. Наконец-то... До чего же все-таки приятно! Уже две молодежные редакции на территории СССР»¹⁶. Были планы встреч, совместных выпусков: «Мы теперь друг к другу в гости ходить можем. Молодежная «ТЖ» в гостях у молодежного «СЭ» — звучит?.. Давайте... так: вы — идею, мы — развитие. И никаких соцсоревнований...»¹⁷ В том же номере «Театральной жизни» публиковалась большая статья М. Тимашевой о ленинградских рок-музыкантах, как раз в развитие темы, заданной обложкой «Советского экрана»¹⁸, на которой красовался лидер ленинградского рока Константин Кинчев в «полной боевой амуниции»: «Безрукавка черная кожаная, вся в заклепках — на голое тело, какие-то браслеты, тоже черные, ремень немислимый. А лицо-то, лицо — напудренное, разрисованное, глаза подведены, волосы крашены»¹⁹. Однако не одной только обложкой бросался номер в глаза. От крупного плана Кинчева до россыпи иллюстрированной оперативной информации под названием «Монпансье» на обратной стороне журнала тянулась цепь разнообразных материалов, содержащих принципиально новые элементы. Публиковалась прямая линия режиссера Ролана Быкова с любителями кино, несколько статей, заметок, интервью на нетронутые до сих пор темы: прокат зарубежных фильмов, видеобум, фильмы А. Тарковского, сделанные на Западе. А параллельно с публикациями шел легкий, в соответствии с посылкой редактора самоироничный комментарий, отраженный в рубриках: «Рукописи не горят», «Нерв», «Барометр», «Смотри в оба», «Ну, как фильм?», «Эй, на Олимпе». Эта свойская интонация окутывала весь номер, четко сфокусированный на молодежную аудиторию с ее быстротой реакции, бескомпромиссностью, лаконичностью, а подчас и поспешностью в оценках. Рецензировались фильмы на молодежные темы, молодым предоставлялась возможность самим высказаться о своем отношении к кино. Наконец, публиковался манифест 30-летних.

Начинали разрозненно, как и жили. Но мечтали о единении, сверяя себя с легендарными «шестидесятниками», вошедшими «в жизнь вместе, поколением, не расталкивая друг друга плечами, а подставляя друг другу плечо»²⁰. Стремилась к этому и молодеж-

¹⁶ Театральная жизнь. 1987. № 12. С. 2.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Советский экран. 1987. № 7.

¹⁹ Кагарлицкая А. Мы все — орфеи // Советский экран. 1987. № 14. С. 21.

²⁰ Аксенова Г. Нам тридцать лет // Советский экран. 1987. № 7. С. 15.

ная редакция «Театральной жизни». В № 19 за 1986 год опубликован «круглый стол» молодежной редакции со старшими коллегами — маститыми театральными критиками Н. Крымовой, М. Строевой, Е. Сурковым, К. Щербаковым. Есть здесь и такие знаменательные слова: «Считается, что молодежь должна интересоваться преимущественно молодежной проблематикой. Однако подлинная культура не делится на молодежную и взрослую, столичную и провинциальную, элитарную и популярную... Думать о дне сегодняшнем невозможно, не помня день вчерашний»²¹. Молодежная редакция заявляла, что хочет и будет следовать традициям. А потому сохраняла некоторые старые рубрики, публиковала выступления «стариков», выпустила номер, посвященный 30-летию журнала. И вместе с тем она ставила перед собой новые задачи, открывая новые рубрики, ведя поиски нового оформления и новых контактов с читателем. Вот, к примеру, диалоги в лицах, вот фотопёса, а вот целый номер, сделанный как пьеса со списком действующих лиц и редакционными ремарками. Срабатывало стремление сказать именно свое, новое слово. Во что бы то ни стало выделиться. Вся продуманно черно-белая гамма оформления молодежных выпусков резко контрастировала со светлыми страницами основных номеров, с красными полосками, аккуратно подчеркивавшими заголовки.

Необычные вещи происходили и в «Урале». Первый экспериментальный номер, оформленный репродукциями произведений с экспериментальной художественной выставки авангардного искусства, содержащий непривычные в художественном отношении прозу, поэзию и смелую нешаблонную публицистику, вызвал шквал эмоций в читательской среде: «О, ужас, что это?..»; «Вы что там, хором спятили?! Нет слов...»; «Надо уважать нашего советского читателя...» А рядом: «Хочу выразить вам признательность и поддержку; № 1 за этот год вашего журнала свидетельствует, что «Урал» стал одним из лучших отечественных журналов, реально помогающих росткам нового мышления пробиться в теперешнем общественном сознании... Эксперимент, по-моему, удался. Не отступайте!»²²

Что касается принципов работы, то если молодежную редколлегия журнала «Театральная жизнь» поначалу еще довольно сильно контролировали, то позже она оказалась почти в идеальной ситуации. По словам Т. Плошко, им никто не говорил: да или нет. Никто ничего не правил. Главный редактор читал номера и говорил: спасибо. К прежним эпизодическим молодежным выпускам применялась так называемая пятиступенчатая правка. Молодежная редакция получила в этом смысле куда большую свободу. В журнале «Советский экран» также существовала строгая договоренность между двумя редколлегиями: готовый номер внештатники

²¹ Театральная жизнь. 1987. № 19. С. 1.

²² Лукьянин В., Исаков В. Так что же случилось в январе... С. 163—164.

кладут непосредственно на стол редактору, минуя все промежуточные стадии. «Честь и хвала нашему главному редактору Ю. С. Рыбакову, — отмечает П. Черняев. — Он позволял нам отстаивать точку зрения, с которой был не согласен». И все же было трудно. Испытывали сильное сопротивление как внутри редакции, так и снаружи. Нелегко давалась свобода и «Тексту», где спорные вопросы тоже решались большинством голосов, без согласования с основной редколлегией. Не раз вставал вопрос о его закрытии.

Заметим, работа шла на общественных началах. Денег сотрудники не получали. А в программе молодежной редколлегии журнала «Советский экран» было даже записано: «общее дело — выше личного». Пункт, кстати, тоже немаловажный, ибо творческие споры, борьба индивидуальностей имели место и внутри самих молодежных редколлегий. Отсюда смена составов и направлений в ходе всего эксперимента, при том сама идея автономных редколлегий сумела все-таки выжить несмотря ни на что.

Если направление Андрея Кучерова в журнале «Театральная жизнь» было прямолинейно публицистичным, репортерским, то второй состав, возглавляемый Т. Плошко, пришел с идеей общекультурной. Новая редколлегия стала уделять больше внимания вопросам сугубо профессиональным, театральным. Вместе с тем, будучи более молодежной по своему составу она начала вводить авторов «резко старшего» поколения. Ибо убеждена: журнал должен быть полифоничен. «Главный критерий отбора материала у нас — более или менее значимый текст, — говорит Татьяна Плошко. — Одна из самых любимых моих идей — идея хорошо сделанной вещи. Поэтому наша задача: постепенными точечными ударами накапливать культуру текста, внедряя профессиональное журнальное мышление в театроведческую среду и стремясь выполнить эту работу как можно лучше. Другая идея — идея макета. Мы отгородили свою площадь в журнале от большой редакции новым оформлением. Ведь журнал — не только текст, но и оформление».

В результате молодежные выпуски «ТЖ» стали резко выделяться на фоне других номеров. В них появились огромные, в один или даже два журнальных листа фотоиллюстрации, оригинальным образом сочетавшиеся с текстом, а тот, в свою очередь, стал печататься не только традиционно в 4 колонки, но и в самых необычных ракурсах, на выворотке, разными шрифтами. Утвердилась особая система верстки, возник новый способ оформления заголовков, которые вписывались теперь в разнообразные графические фигуры: кубы, шестиугольники, квадраты — опознавательные знаки молодежных выпусков. Максимум возможностей извлекали оформители номеров из привычной черно-белой гаммы. Полифония возникла в слиянии текста с макетом, в слиянии профессий: художника, фотографа, журналиста. Так складывались концепции номеров, на старте — интуитивно, потом все более осознанно и систематично.

Полифонизм и концептуальность прослеживаются и в практике молодежной редакции журнала «Советский экран». Поначалу она работала традиционными отделами. Но в принципе мечталось о сменной редакции с тем, чтобы привлечь как можно больше людей. Поэтому и произошло разделение состава на две группы, готовившие номера попеременно. Одна занималась чисто молодежными делами, другую интересовали общие проблемы. Первая, однако, вскоре сошла с дистанции. Ибо лучшие выпуски были все же не столько молодежными, сколько подчеркнуто концептуальными, альтернативными по отношению к основным номерам. «Материалы (особенно первых наших выпусков) на 30% были не очень сильны, — говорит П. Черняев. — Но когда они ложились в концепцию журнала, рядом с сильными, они начинали читаться. Как правило, это были такие материалы, которые прежде не могли пройти сквозь начальство». О новом и сложном молодые журналисты стремились писать не сухо и наукообразно, а просто, доходчиво, на новом уровне правды. Проблема же графического оформления и форм подачи была для них не главной.

Что касается «Текста», то и в его общественной редколлегии принимали участие не столько «обиженные судьбой» люди, сколько приверженные общей идее, хотевшие писать по-новому. И это были не только прозаики, но и критики, стремившиеся отойти от набора шаблонных критериев. Но необычных форм подачи материала журнал не искал. В ряде номеров он был даже подчеркнуто строг. «При всей авангардности мы стремились быть вполне респектабельными, — говорила О. Славникова. — Ну а графические изыски, на мой взгляд, сегодня уже шаблон».

Итак, независимость, общественные начала, коллегиальность, полифонизм, концептуальность, новизна содержания и формы — вот, пожалуй, те общие принципы, на которых строилась работа внештатных редколлегий.

А вот принцип молодости явно не выдерживался. Во всех случаях первые выпуски были более ироничными, смешливыми, порой рассчитанными на эпатаж, преимущественно молодежными по духу и по содержанию, последующие же становились все серьезнее, строже, концептуально осмысленнее, хотя ставка по-прежнему делалась на новизну.

Последний для «внештатников СЭ» № 10 за 1989 год не идет ни в какое сравнение с первым. «Если прежние молодежные номера «СЭ» выстраивались нами больше «по горизонтали» — хотелось охватить побольше тем, явлений сегодняшнего кино, — писал П. Черняев в своей редакторской колонке, — то теперь очередной свой выпуск мы попытались сделать «по вертикали». Окунуться в прошлое, увидеть истоки болезней. Ответить самим себе на жгучие вопросы... Осмыслить, что же происходило с нами...»²³ В этом номере мы читаем материалы о фильмах сталинской и брежневской

²³ Черняев П. Посадил дед репку // Советский экран. 1989. № 10. С. 2.

эпохи, о том, как «клепались» первые и «укладывались на полку» вторые, о судьбах художников А. Тарковского, Э. Неизвестного, В. Войновича. Материалы смелые, нелюбимые, в которых нет ничего специфически молодежного. Подтверждались слова о том, что подлинная культура не делится на молодежную и взрослую. Кстати, заметим, что создатели рассматриваемых выпусков, несмотря даже на обложечный титул, не старались подчеркивать их принадлежность именно к молодежной прессе. Поскольку и сами были не так уж молоды, да и писали отнюдь не только о молодых. Значит, дело было не в возрасте и не в опыте участников. А в чем-то другом: в общности взглядов и устремлений, в самой направленности этих выпусков, в тех принципах, которым они были подчинены. Подтвердила эту мысль и О. Славникова: «Я бы не называла их молодежными. Они так называются по привычке. Все новое обычно связывают с молодостью. Вот и все».

Говоря об итогах анализируемого журнального эксперимента, следует подчеркнуть их предвзятый характер, ибо эксперимент продолжается. Пусть и не во всех названных нами изданиях. В силу разных причин к середине 1989 года перестала существовать молодежная редакция журнала «Советский экран». «Текст» был под угрозой закрытия в конце 1990 года, но, сменив девиз и некоторые принципы организации работы редакции, продержался еще до середины 1991-го. Тогда же обновился состав молодежной редакции журнала «Театральная жизнь». Но важно другое. Благодаря эксперименту претерпела заметные изменения вся система типологических признаков этих журналов. Молодежные выпуски, сохранив принадлежность определенным изданиям, вовсе не руководствовались их задачами и программами, выступая скорее в качестве их альтернативы и внося немало своего: по части тем, проблем, форм подачи, жанров и т. д. Но в результате оказали влияние на облик изданий в целом, вынудив их меняться, искать новые интонации, осваивать новые элементы внутренней структуры. Так, «Урал» вкупе с независимым журналом в журнале стал выглядеть иначе, чем прежде. С молодыми авторами он, по словам его главного редактора, даже связывал свои перспективы²⁴. Так же и «Театральная жизнь» на фоне молодежных номеров стала более отчетлива в своих концепциях. А молодежная ее редакция продолжала искать новые способы выстраивания номеров. Если прежде она рассчитывала их, по словам Т. Плошко, почти математически, строго задавая авторам определенные темы и подтемы (причем, если текст не удовлетворял, члены редколлегии писали его сами в том же строго заданном русле), то позже она стала делать так называемые сборные номера, куда все материалы свободно шли от авторов. А нужные сочленения находила уже потом. Это касалось, кстати сказать, и тематического выбора, как бы ни навязывались ей рубрики типа «Молодые о молодых».

²⁴ Путь к независимости — ассоциация // Лит. газ. 1990. 25 июля. С. 4.

Внештатные редколлегии произвели настоящий сдвиг в общественном сознании, внедрив потребность меняться, по-новому воспринимать материал, и в сознании читателей, утвердив мысль о том, как важна манера подачи материала, что тоже связано с новой интонацией изданий. Изменился читатель «Советского экрана». Если прежде это были девочки 15—18 лет, мечтающие стать артистками, то теперь, по словам П. Черняева, «наш читатель стал умнее. А журнал — публицистичнее. При этом мы по-прежнему делаем ставку на массовую аудиторию». Сумев привлечь к себе дополнительное внимание читателей, все три журнала увеличили тиражи и число своих подписчиков, а журнал «Урал» — даже за пределами своего региона. Возможно, тиражи выросли вовсе не из-за эксперимента. Однако не секрет, что у молодежных номеров журнала «Театральная жизнь», к примеру, есть даже свои особые подписчики.

Заслуга эксперимента состоит в том, что он позволил молодым ощутить на себе груз ответственности, что само по себе способствует взрослению, формированию дееспособных творческих коллективов. Произошла настоящая смена авторов. Целые команды хорошо пишущих людей, которые теперь нарасхват в любых изданиях, вышли из молодежных редакций. А туда пришли другие талантливые авторы. По мнению Т. Плошко, сейчас подрастает новое поколение театральных критиков, которое заявит о себе лет этак через пять.

Таким образом, обновлению подверглись как программы изданий, жанры, внутренняя структура, так и авторы, читатель, тиражи, т. е. практически все типологические признаки названных журналов.

Конечно, не все в эксперименте удалось. «Неудачи наши связаны с тем же, с чем и удачи, — говорила Татьяна Плошко, — с нашим положением в редакции на общественных началах. У нас не было своего помещения. Встречались в метро, в электричке. Буквально «зависали» над городом. И на этом теряли уйму времени. Не хватало сил на наш в принципе изматывающий цикл. Очень недотягивали на уровне технической редактуры. Я до сих пор не могу спокойно открывать некоторые наши номера. В них — бездна шероховатостей: текст налезает на изображение, подзаголовки выполнены разными кеглями — из-за плохой полиграфической базы». Неудачи молодежной редакции «СЭ», по существу роковые, тоже обусловлены и внешними препятствиями, и нехваткой собственного опыта, и внутренней несогласованностью. «Мы так и не научились работать коллегиально», — сетовал П. Черняев.

И хотя перспективы молодежных редакций сегодня выглядят весьма проблематично, думается, что подобный способ ведения журналов имеет право на существование. Духовное и профессиональное влияние его на положение дел в редакционных коллективах и на общий результат работы очевидно. И все-таки временность

существования подобных форм чувствовали даже сами их создатели, мечтавшие о самостоятельных изданиях, возникновение которых сегодня, к счастью, стало реальностью. Хотя и не все молодежные редакции спешили выйти из-под опеки старших. Так или иначе, молодежные выпуски в «толстых» и «тонких» наших журналах — это не только некая временная форма сосуществования поколений в рамках одного издания, в силу невозможности молодых реализовать себя, свидетельство известного неблагополучия нашей отечественной журналистики, но и ценное приращение современного журналистского опыта, подаренное нам противоречивыми и сложными 80-ми годами.

С. Н. БЫЧЕНКО

Музей истории молодежного движения (г. Екатеринбург)

НЕФОРМАЛЬНАЯ ПРЕССА КАК ЯВЛЕНИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ

Самиздат, ставший за последние годы зеркалом брожения интеллектуальных общественно-политических сил в стране, своим существованием вскрывает не только теневые стороны нашей жизни, но и теневые стороны теории и практики советской журналистики. В нормальном демократическом обществе функции носителя всей социально-политической информации берет на себя официальная пресса и в появлении параллельной информационно-культурной структуры просто нет надобности. У нас — другое дело. Поэтому невозможно разобраться в проблемах нашей журналистики, минуя самиздат. Обращение к этой теме вызвано в первую очередь бумом неофициальной прессы, пришедшимся на конец 80-х годов. Он буквально потряс умы, утолил голод на политическую информацию и быстро вызвал ощущение пресыщенности. Поэтому в настоящее время независимая периодика переживает сложный период. Ее упрекают в отсутствии профессионализма и конструктивности. Эти упреки по большей части справедливы, однако недостатки самиздата не могут умалить его роли в развитии отечественной гражданской журналистики.

Самиздат — явление характерное для России, практически не знавшей в своей истории свободы слова. Русским правителям никак нельзя отказать в умении печься об образе мыслей своих подданных: «с тех пор как появились на Руси первые рукописные книги, а затем и печать, задача цензуры состояла в ограничении гласного слова»¹. Это подтверждает история законодательства о печати. Английский парламент отказался назначить цензора в 1694 году, в Швеции предварительная цензура была отменена в 1766 году, во Франции она была уничтожена первой революцией, а в Герма-

¹ Батурий Ю. М. Цензура против гласности: От Ивана Грозного до 1917 г. // Советское государство и право. 1989. № 3. С. 134.

нии — революцией 1848 года. В России же предварительная карательная цензура существовала с 1551 по 1991 год, с кратковременными послаблениями.

Первой ласточкой самиздата можно считать «Моление» Даниила Заточника и послания протопопы Аввакума. Появление раскольничьей литературы повлекло за собой немедленную реакцию карательной цензуры: духовные соборы и московские патриархи предавали рукописи и их авторов анафеме. Слово, произнесенное в противовес официальной точке зрения, преследовалось. Первая типография, появившаяся в России при Иване Грозном, до конца XVII века существовала как учреждение, находящееся исключительно в распоряжении правительства. Впоследствии указы о владении типографиями, о цензуре менялись, во в конце кондов все возвращалось на круги своя. Даже Екатерина II, во времена которой самиздат отсутствовал по причине относительной свободы слова, в последние годы своего царствования закрыла все частные типографии и цензуру сосредоточила в специальных цензурных ведомствах. «В это время «цензура» вышла из всех берегов... вторглась во все пределы жизни»². Были запрещены ввоз из-за границы всякого рода книг, музыки и даже отдельные слова — «гражданин», «республика», «родина». Последовавший за этим либеральный указ Александра I о цензуре (1804) лишний раз показал, что недостаточно лишь провозгласить «совершенную свободу тиснения», необходимы правовые гарантии, механизм судебной защиты.

Послабления сменялись жесткими указами и при советской власти, что подтверждается Декретом о печати, принятым 28 октября 1917 года, и Декретом ЦИК о государственном издательстве от 28 декабря 1917 года. Пресса и типографии были переданы рабоче-крестьянскому правительству, и снова не осталось места оппозиционному слову. Декрет о печати гласит: «Закрытию подлежат органы прессы, призывающие к открытому сопротивлению и неповиновению рабоче-крестьянскому правительству». И хотя это положение В. И. Ленин рассматривал как временное, существующее до «наступления нормальных условий общественной жизни», оно укоренилось. Постепенно, исключая период нэпа, пресса стала вульгарно-партийной, выражающей только точку зрения КПСС, инакомыслие по-прежнему преследовалось. Карательная цензура дожила до нашего времени почти в том же виде, в каком она была утверждена в 1918 году Декретом о революционном трибунале печати.

Все сказанное еще раз подтверждает мысль о том, что самиздат (читай: вольная пресса, пресса эмиграции, подпольная антисамодержавная пресса, нелегальная печать социал-демократов, независимая пресса) для России дело привычное. Меняются только названия, формы, суть же явления остается прежней — журналистика оппозиции, альтернативная журналистика. Перечисленные виды альтернативной прессы по отдельности изучены и описаны, но для

² Скабичевский А. Очерки истории цензуры. Спб., 1892. С. 65.

того, чтобы получить полную картину свободной журналистики, их нужно рассмотреть как единый процесс. Официальная наука пока еще не ответила на вопрос, что такое самиздат. Об этом размышляют сами независимые издатели, например, редактор «Независимого библиографа» Александр Суетнов, редактор журнала независимых мнений «Референдум» Лев Тимофеев, редактор «Гласности» Сергей Григорьянц.

Термин «самиздат», ставший международным, появился в 60-е годы нашего века с легкой руки поэта Николая Глазкова. По удачному определению Л. Тимофеева, «самиздат—это прежде всего общественный механизм, реакция общества на низкую степень духовной политической свободы граждан. Это не означает, что автор сам себя издает, что произведение само себя издает, это означает, что люди, читатели в десятках, сотнях и даже тысячах копий перепечатаывают и распространяют то, что для них жизненно важно... Не имея возможности голосовать рублем за то или иное издание, читатель поддерживает его собственным трудом, а иногда и риском собственного благополучия»³. Следовательно, к самиздату можно отнести не всякое «самопечатное» произведение (мало ли графоманов занималось и занимается этим!), а только то, которое получает определенный общественный резонанс.

Рассмотренное определение интересно, однако оно, по-видимому, больше подходит к самиздату 60—70-х годов, когда подпольную литературу представляли в основном художественные произведения, такие как «Реквием» Ахматовой, «Доктор Живаго» Пастернака, «Окаянные дни» Бунина. С середины 70-х годов в развитии самиздата намечается новая тенденция—появляется периодика. В 1976 году в Ленинграде начал выходить первый литературно-публицистический журнал «Часы», распространявшийся по всей стране. Но в то время эта тенденция не получила развития, поскольку были сильны репрессии со стороны властей (статьи 51 и 70 УК РСФСР), а главное, не было оппозиционного общественно-политического движения, которому необходима своя трибуна. Лишь с 1986 года начинают выходить многотиражные альтернативные издания с относительно высокой степенью периодичности. И за два года самиздат разрывает рамки данного ему в 60-е годы определения. Теперь за него голосуют не трудом, а рублем. «Пресс-бюллетень» СИБИА стоит 50—70 копеек, а красноярский «Диссидент»—3 рубля. Это гораздо дороже официальной прессы, но расходятся они хорошо. Читатель готов платить за необходимую ему информацию. Самиздат обрел новую форму существования, а вслед за этим появились и новые обозначения явления—независимая, неформальная пресса. На третьем совещании редакторов независимых изданий было сказано, что самиздат умер—на смену ему пришла независимая печать.

³ Тимофеев Л. От самиздата к свободе слова // Театр. 1989. № 6. С. 86—89.

Попробуем разобраться в терминах. Наименование «неформальная печать» отражает принадлежность прессы к неформальному движению. Название «альтернативная пресса» указывает на противопоставленность ее официальной идеологии. Таким образом, фиксируются отдельные признаки явления. Неофициальную прессу можно определить как параллельную информационно-культурную структуру, появляющуюся там, где официальная информационная структура не соответствует гражданскому, политическому развитию общества. Эта новая структура развивается независимо от государства и цензуры и отражает развитие народных инициатив, оппозиционных движений. В ней находят поддержку художественные течения, идеологические нормы, не признанные в данном обществе. Подчеркнем, что складывается именно новая структура, а не просто отдельные издания. Об этом свидетельствует образование информационных агентств, например: Сибирское информационное агентство, Московское бюро информационного обмена, СМОГ, ИАС. Учитывая сказанное, новую прессу можно называть независимой или, как это сделано выше, неофициальной.

Заслуживает внимания и вопрос об объеме понятия. Считать ли независимой прессой домашние и индивидуальные издания — «Пастор Шлаг» (Первоуральск), «Штиль» (Соловки). А. Суетнов по этому поводу пишет: «Обладая всеми признаками самиздата, они тем не менее имеют весьма низкий художественный и информационный уровень. Важнее того, они не самостоятельны как художественные и социальные явления»⁴. Исходя из этого, А. Суетнов предлагает ввести критерий качества, дабы избежать необходимости учитывать ученические опыты или явную графоманию. Следовательно, не всякую печатную или рукописную продукцию, существующую вне государственной информационной структуры, можно причислить к неформальной прессе, а только ту, которая имеет отношение ко всему процессу развития общественных политических или культурных низовых инициатив и обладает признаками самиздата. Какими именно?

Выше уже были названы некоторые из этих признаков: неформальность, альтернативность. До сих пор существенным признаком неформальной прессы считалась неподцензурность, но сегодня его нельзя рассматривать как всеобщий, так как многие независимые газеты выходят типографским способом и подвергаются цензуре. Поэтому признак модифицировался и может быть определен как отсутствие «внутреннего цензора» — способность издателей выражать и пропагандировать неофициальную точку зрения. Надо учесть, что сейчас есть политические силы, вынуждающие внешнюю цензуру закрывать глаза на многие несовместимые с официальной точкой зрения выступления. Последний признак — существование изданий за счет пожертвований.

⁴ Суетнов А. Мы такие, в сущности, примерные // Рукопись. Личный архив автора. С. 14.

Своеобразно развитие неформальной печати. Если для официальной прессы характерна статичность и несамостоятельность, то печать неофициальная подвижна и текуча: в связи с изменением взглядов журналистов одно издание нередко перерастает в другое. Так, в 1988 году возник журнал «Вестник защиты Байкала», который в 1989 году стал «Демократическим вестником», сегодня это «Тихвинская площадь», причем нумерация сохраняется с 1988 года. В силу отсутствия печатных средств нарушается периодичность выхода в свет неформальных изданий. Это признак пульсации, характерный и для самих неформальных движений. Можно даже сказать, что эти явления развиваются по одним законам.

Интересен вопрос о классификации независимых изданий. Одним из первых классификаторов был С. Григорьянц. Он использовал материал московского самиздата и предложил разделить его на общественно-политические, религиозные, художественно-литературные, молодежные и еврейские издания. Среди общественно-политических изданий Григорьянц особо выделил постдиссидентские, т. е. унаследовавшие жанровые традиции, проблематику, а зачастую и сотрудников от подпольной самиздатовской периодики времен Брежнева и Андропова («Гласность», «Экспресс-хроника», «Странички узника»). К религиозным изданиям отнесены литературно-философский журнал русской христианской общественности «Выбор» (редактор В. Аксютин), «Бюллетень христианской общности » Александра Огородникова, «Русский вестник» — издание христианского патриотического союза, «Харе Кришна» — хроника движения сознания Кришны в СССР. Художественно-литературные издания — это в основном «сборники различных литературных (художественных) групп, объединяющихся по эстетическому признаку («Транспонанс» — издание писателей-авангардистов, называющих себя «трансфутуристами», и др.)⁵. Молодежные издания принадлежат молодежным группам, используют язык молодежной контркультуры. К ним Григорьянц причисляет музыкальные журналы, а также «Митин журнал» ленинградских митков.

Есть еще классификация, предложенная сотрудниками ИАС. Неофициальные издания делятся ими на две группы: принадлежащие организациям или партиям и независимые. «Партийные» издания включают христианские, либерально-демократические, пацифистские, марксистские, музыкальные, еврейские, толстовские, экуменические, кришнаитские, национальные, художественно-философские, общественно-политические, экологические, детские.

Обе классификации недостаточно последовательны и смешивают жанры, направления, целевое назначение, принадлежность изданий.

По поводу классификации данных изданий справедливое замечание высказал А. Суетнов: «... Логика классификации независимых изданий должна отличаться от принятой по отношению к официальной прессе», так как «самиздат — это не просто способ существова-

⁵ Григорьянц С. Московский самиздат // Гласность. 1989. № 2. С. 67,

ния литературного или любого другого произведения, но и почва, на которой проверяются и эволюционируют разнообразные идеи, художественные или политические. Если большая пресса отлично укладывается в определения «научно-теоретическая» и т. п., то для самиздата эти определения не подходят, так как по сути ничего не определяют»⁶.

Представляется, что данное утверждение подходит в первую очередь к общественно-политическим изданиям, для которых важно определить и учесть их направление. Остальную прессу можно классифицировать по «официальной» схеме. Предлагаем следующую классификацию независимой прессы.

Прежде всего самиздат делится на две категории: издания, представляющие субкультуру во всей ее полноте, типа фэнзинов — изданий клубов фантастов (они существовали и будут существовать всегда), и издания, рождаемые определенной политической обстановкой и служащие для выражения протеста против признанных государством политических и художественных канонов.

По принадлежности неофициальные издания делятся на независимые (это газеты, бюллетени, журналы, предоставляющие свои страницы различным организациям, партиям, занимающим позиции, противоречащие официальным) и партийно-организационные, являющиеся органами конкретных партий, организаций, объединений, ассоциаций.

По типам это газеты, журналы, бюллетени (кстати, этот тип издания возрожден именно независимыми журналистами), дайджесты, альманахи, пресс-релизы.

По читательской аудитории выделяются детские (ленинградский «ДиМ»), молодежные («Митин журнал») и другие издания.

По целевому назначению можно выделить издания общественно-политические, религиозно-философские, информационные, библиографические, экономические, социальные, национальные.

Общественно-политические издания целесообразно различать по направленности: пацифистские, марксистские (правые и левые), антикоммунистические, демократические, левые (радикально настроенные), либерально-демократические, почвеннические, в большей или меньшей степени продолжающие традиции славянофильства, западнические, анархистские, монархические, социал-демократические и др.

Социальные издания можно разделить на правозащитные и экологические, хотя это деление условно, так как почти все общественно-политические издания наполнены правозащитной тематикой, а экологические издания вполне можно отнести к общественно-политическим.

Способы печатания независимых изданий: машинопись, гектографирование (кстати, отвергнутое нелегальщиками прошлого века из-за неудобства!), ксеро- и фотокопирование. Этими способами

⁶ Суетнов А. Мы такие, в сущности, примерные. С. 15.

определяются тиражи. Первоначальный тираж в среднем составляет 10—15 экземпляров, окончательный в среднем редко превышает 500 экземпляров. Однако иногда тираж доходит до нескольких десятков тысяч, например, в марте 1989 года тираж «Пресс-бюллетеня» СИБИА составил 15 тысяч экземпляров. По подсчетам А. Суетнова, общий месячный тираж самиздата составляет приблизительно 20 тысяч и охватывает примерно стотысячную аудиторию читателей. По данным на апрель 1990 года, число независимых изданий, выходящих на славянских языках, составляло 800 наименований.

Проиллюстрируем нашу схему сведениями о независимой прессе Сибири. Но сначала несколько слов об истории формирования официальной печати этого региона, поскольку она всегда активно взаимодействовала с независимыми изданиями. Официальная печать Сибири как информационная сеть возникла в 1860 году, причем появление ее было связано с общественно-политическим движением. В первых официальных изданиях сотрудничали политические ссыльные, целые нелегальные революционные кружки. Теоретики «сибирского областничества» Г. А. Потанин, Н. М. Ядринцев, — А. П. Щапов начали пропаганду своих идей в правительственных изданиях. Словом, печать Сибири в своих истоках была связана с прогрессивной интеллигенцией, и это не могло не сказаться на ее последующем развитии. В Сибири, как регионе удаленном от центра, нелегальная пресса процветала. О советском периоде, конечно, этого нельзя сказать, хотя, несомненно, отдельные журналы издавались, а также распространялись ленинградские и московские журналы.

Печать Сибири в корне переменялась из-за территориальной политики Советской власти. Еще в 1923 году Сибирь была единым регионом, в 1930 ее разделили на Западную и Восточную, а с 1939 года существует уже нынешняя структура. В результате этого исчезли газеты, распространявшиеся на всю Сибирь (еще в 1918 году прекратила свое существование «Сибирская газета», выходившая в Томске). В раздробленном виде Сибирь существует и по сей день, хотя попытки объединения интеллектуальных и политических сил предпринимались в годы оттепели, но они быстро подавлялись, так что укрепнуть и более или менее оформиться им удалось лишь во второй половине 80-х годов. В независимой периодике просматривается стремление консолидировать демократические силы в борьбе за деколонизацию Сибири. Сразу же по возникновении неофициальной прессы в 1985—1987 годах в регионе выделились общественно-политические центры (Новосибирск, Красноярск, Кемеровская область).

На апрель 1990 года в Сибири издавалось более 70 журналов, газет, бюллетеней. Тиражи колеблются от 5—6 экземпляров до нескольких сотен и даже тысяч. Издания СИБИА распространяются в республиках Прибалтики и за рубежом. Четыре газеты печат-

таются типографским способом, что говорит о силе неформального движения: экологического в Красноярске («Экологический вестник») и рабочего в Кузбассе (газеты «Наша газета», «Июль» — орган Союза трудящихся Кузбасса и Беловского стачкома). Используются фотоспособ, принтер, ксерокопирование.

По типам издания перед нами газеты, журналы, бюллетени, сборники статей, дайджесты.

Классификация по принадлежности: к независимым относятся «Пресс-бюллетень» СИБИА; «Бюллетень» — газета отделения СИБИА в Иркутске, газеты «Сибирский курьер», «Сибирская трибуна» и первый независимый журнал Новосибирска «Новая жизнь». Среди партийно-организационных изданий выделяются органы отделений «Демократического союза». Таковыми являются «Диссидент», вышедший ему в противовес «Информационный листок» (Красноярское отделение ДС), «Демократический вестник» — «Тихвинская площадь» (Иркутск), «Гражданин» — трибуна демократического движения (Бердск). В апреле 1990 года появилась газета сибирских анархо-синдикалистов «Голос труда». С 1986 года в Сибири получили распространение политклубы и клубы содействия перестройке. Многие из них имеют свои издания. Так, в Красноярске в 1988 году вышли три номера информационного сборника «Социальная справедливость». В Томске союз содействия революционной перестройке выпускал «Вестник ССРП», в Барнауле увидели свет несколько бюллетеней общества активных сторонников перестройки. Одним из первых журналов, попытавшихся объединить политклубы Урала и Сибири, был «Спектр» — орган регионального информационного объединения РИОС. Из изданий народных фронтов назовем «Томскую трибуну». Общество «Мемориал» издает в Новокузнецке журнал «Кузбасские ведомости», в Томске — периодический сборник «Летопись террора».

В плане целевого назначения набор сибирских независимых изданий не так пестр, как в центральных регионах, что объясняется спецификой неформального движения — сосредоточенностью его на проблемах региона. Тем не менее общественно-политические издания получили в Сибири, так же как и по всей стране, широкое распространение: только 7 изданий из 51 не относятся к этой группе, да и это исключение условно, так как, например, красноярский «Экологический вестник» освещает не только чисто экологические проблемы, но и политическую жизнь края.

К пацифистским и почвенническим изданиям можно отнести красноярский информационный бюллетень «Самоопределение», вышедший единственный раз в 1989 году. «Национал-большевистскую» версию патриотизма представляют издания новосибирской «Памяти»: бюллетень «Память» и журнал «Вестник историко-патриотического объединения «Память». Оба издания ведут полемику с «Демократическим союзом», «Мемориалом», народными фронтами, пропагандируют антиссионистские взгляды. В этом же

направлении, но не так агрессивно работают редакции журналов «Верность» (Иркутск), «Вестник патриотического объединения «Отечество» (Тюмень).

В марксистскую группу неформальных изданий входит анонимный журнал правомарксистской направленности «Рабочий путь», выходящий с эпиграфом: «Высшая цель советского государства — построение коммунизма».

Среди общественно-политических изданий в количественном и качественном отношении выделяются демократические: либерально-демократические, западнические, радикальные. К либерально-демократическим можно отнести «Вестник плюрализма», «Журнал свободных мнений» (Красноярск), «Гражданин» (Бердск). Явно западническую ориентацию имеет орган РИОС «Спектр», «Пресс-бюллетень». К радикальному крылу демократического самиздата относятся некоторые издания ДС: «Гражданский путь», «Северный телеграф», «Сибирский курьер».

Целесообразно выделить группу изданий рабочего движения, тем более что в Сибири оно сильнее, чем в центральных районах. Среди них «Наша газета», «Июль», а также сочувствующий рабочему движению журнал «Кузбасские ведомости».

Религиозно-философских изданий в Сибири пока нет, но предпринимаются попытки к их организации. То же самое нужно сказать о национальных изданиях.

Экологические журналы появились одновременно с экологическим движением. Так, начиная с сентября 1988 года, в Иркутске вышло пять номеров «Вестника общества защиты Байкала». «Вестник» быстро политизировался и превратился, как уже сообщалось, в «Демократический вестник». Как говорят сами издатели, «редакция убедилась, что без разрешения политических и экономических проблем нашей страны проблемы экологические решить невозможно». Иначе пошло развитие экологического движения в Красноярске, оно не растворилось в политических течениях и с октября 1988 года стало издавать «Экологический вестник» на хорошем профессиональном уровне, причем в противовес ему с февраля 1990 года издается официальная газета «Экология Красноярья», которая старается сгладить экологические проблемы.

К правозащитным можно отнести орган красноярского Комитета содействия перестройке «Социальная справедливость», информационный сборник того же общества «Право голоса», уже упоминавшиеся «Спектр», «Пресс-бюллетень», «Сибирский курьер», «Тихвинская площадь». Однако выделение правозащитной прессы достаточно условно, поскольку эти издания преследуют более широкие цели, и мы фиксируем лишь приоритеты в их содержании.

Для многих независимых изданий изучаемого региона характерно обращение к идеям областничества, деколонизации Сибири, ее экономической и политической самостоятельности. Эти идеи пропагандируют «Пресс-бюллетень», «Голос труда», «Наше дело», «Тих-

винская площадь». На данном этапе в отдельную группу печать областников не выделяется, но вполне возможно, что в скором времени появятся чисто областные издания.

Из литературно-художественной периодики выделим фэнзины, альманахи филологического факультета Иркутского университета. На взгляд автора, эти журналы создаются дилетантами, из которых в дальнейшем выходят профессиональные литераторы. К этой же группе можно отнести газету хиппистской ориентации под названием «ИД», выходившую в Новосибирске. В отдельную группу выделим музыкальные издания.

Таким образом, развитие неформальной печати за последние 3—4 года свидетельствует о формировании новой информационной структуры, способной и противостоять официальной прессе, и взаимодействовать с ней. Новая структура чутко реагирует на все изменения, происходящие в обществе, и потому весьма жизнеспособна.

Н. В. ЕФИМОВА
Белорусский университет

САМОСОЗНАНИЕ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ В МАССОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

(Опыт исследования альтернативной прессы БССР)

В ряду новых для нас явлений последних, «перестроечных», лет есть и это — альтернативная, или, если угодно, неформальная пресса. Рабочее определение этого понятия очевидно: газеты, издателями которых являются не партийные, советские, профсоюзные и прочие организации, имеющие официальный статус, а массовые движения, объединения и другие социальные субъекты, таким статусом не обладающие. Используя определение «альтернативная» пресса, мы имеем в виду иные (по отношению к сложившейся практике) организационные принципы функционирования изданий, их «невписанность» в существующую официальную систему массовой коммуникации. Что же касается содержания, то, хотя оно в настоящее время действительно представляет собой альтернативу большинству информационных источников (по крайней мере в БССР), неверно было бы фиксировать это как сущностную черту интересующей нас прессы. Мера альтернативности ее содержания может колебаться в широких пределах и в конечном счете зависит от конкретной ситуации, в том числе политической. Непостоянной, по тем же причинам, может оказаться и организационная альтернативность прессы.

Все это наводит на мысль, что альтернативная печать, в том виде, в каком она сейчас существует, — явление временное, пере-

ходное, но вместе с тем необходимое и закономерное в связи с появлением новых субъектов общественной жизни. Рассматривать альтернативную печать следует в контексте демократизации общества. Процесс демократизации представляется как движение, развитие от гипертрофированной государственной власти к ее постепенному ограничению. Демократизация предполагает четкое разделение сфер общественного и государственного, частного и государственного, снятие тотального контроля государства над жизнью общества и, в идеале, установление правового регулирования взаимоотношений между государством и гражданским обществом. В результате такого разделения внутри общества начинает формироваться и развиваться горизонтальная структура, которая не существует и не может существовать в условиях тоталитаризма. Это неформальные группы, ассоциации, массовые движения и инициативы, общий признак которых в том, что они не являются объектом управления со стороны государства, а выступают самостоятельными, самодеятельно активными субъектами общественной жизни. Процесс их становления, осознания организационной и идейной самостоятельности осуществляется в том числе в форме имманентной или массовой коммуникации.

Результаты социологического исследования дают материал для анализа конкретных параметров этого процесса. Мы изучили методом контент-анализа три газеты, представляющие альтернативную прессу Белоруссии: «Навіны БНФ», «Белорусская трибуна», «Студэнцкая думка». В них проанализированы все материалы, опубликованные в течение 1989 года, т. е. использована сплошная выборка. Общее количество — 655 единиц анализа, из них «Навіны БНФ» — 319 материалов, «Белорусская трибуна» — 258, «Студэнцкая думка» — 78 материалов.

В основу методики контент-анализа положен ситуационный подход, позволяющий выяснить, модели каких жизненных ситуаций транслируются в потоке массовой коммуникации. Модель жизненной ситуации — это аналог целостного фрагмента образа жизни того или иного субъекта в определенной сфере жизнедеятельности (сфере труда, учебы, досуга, семейной или бытовой сферах). Жизненная ситуация имеет структуру, в которую входят следующие элементы: 1) субъект; 2) внешние и внутренние (социально-психологические) условия жизнедеятельности; 3) деятельность субъекта, включающая ее цель, средства, результат; 4) оценка субъектом имеющихся условий и форм жизнедеятельности с точки зрения реализации его целей. Описанная структура жизненной ситуации представлена в системе категорий контент-анализа.

Субъект жизненной ситуации — центральный ее элемент, так как его деятельность организует всю жизненную ситуацию, определяет содержание и иерархию других элементов внутри нее. Методикой было предусмотрено фиксирование всех основных субъектов ситуации, находящихся в различных отношениях друг с другом. Как

выяснилось в процессе контент-анализа, наиболее характерными для содержания альтернативной прессы являются ситуации, в которых представлены конфликтующие, контрастно противопоставленные субъекты. Оценочное отношение к каждому из них со стороны автора и газеты вполне определено: один — «свой», другой — «противник». Эта реальность нашла отражение в методике контент-анализа: фиксировался субъект-1 (C_1), условно назовем его «свой», представитель той части общества, от имени которой выступает газета, и субъект-2 (C_2), или «противник», представляющий противоположную сторону. Разделив субъекты таким образом, мы получили возможность представить в какой-то мере самосознание новых общественных сил, его содержание, направленность, степень напряженности (драматизма) и в его рамках — представление о противнике. Жизненные ситуации могут фиксироваться в любой сфере жизнедеятельности (труд, быт, учеба и т. д.). Данные контент-анализа показывают, освещение каких сфер и ситуаций реально преобладает в материалах альтернативной прессы (табл. 1).

Таблица 1

Сферы жизнедеятельности, описываемые в сообщениях
альтернативной прессы, %

Сфера	В целом	Навигны БНФ	Белорус- ская три- буна	Студенцкая думка
Труд	6,26	10,5	2,71	1,28
Учеба	1,83	—	0,39	14,10
Обществ.- полит. деятель- ность	79,24	17,8	91,09	50,0
Досуг	0,76	0,94	—	2,56
Культура, искусство	8,24	6,9	2,71	32,05
Семья	—	—	—	—
Быт	2,60	3,8	1,94	—

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что рефлексия осуществляется больше в общественно-политической сфере, в связи с политической деятельностью, и в какой-то мере в наиболее близких к политике сферах — культура (как правило, национальная) и труд, тогда как наиболее нейтральные по отношению к политике

сферы — семья, досуг, быт — практически не освещаются или освещаются ничтожно мало.

Таким образом, анализ моделей жизненных ситуаций, транслируемых альтернативными средствами массовой информации, фактически сводится к анализу политических ситуаций и самосознания новых политических субъектов в рамках осуществляемой ими коммуникации.

Первый вопрос, который необходимо рассмотреть, — интегральные характеристики C_1 и C_2 как субъектов политической деятельности. По условиям методики фиксировались субъекты — институты, большие группы, малые группы, отдельные личности.

C_1 («свой») в 61,5% сообщений представлен большой группой, гораздо реже — в 22,4% сообщений — отдельными индивидами, в 9,2% — различными малыми группами (социально-психологическими группами), в 6,9% — институтами.

«Большая группа» — основной позитивный субъект описываемой общественно-политической ситуации — более чем в трети сообщений конкретизируется как самостоятельное движение или объединение. Это также большая группа, выделенная по функциональному признаку (например, участники митинга, демонстрации); а также по национальному и территориальному признакам.

Конкретные индивиды — в половине сообщений (48;0%) представители гуманитарной и технической интеллигенции; в 11,4% — представители власти, причем (существенный нюанс!) — центральной (Президент, члены Верховного Совета), а не республиканской или местной.

Институты выступают в качестве позитивно оцениваемого субъекта политики весьма редко и, как правило, это институты, располагающиеся на низших уровнях иерархии власти. Сюда относятся общественные организации и средства массовой информации.

Структура C_2 (негативного, оспариваемого субъекта политической ситуации) во многом представляется зеркальной, обратной по отношению к C_1 .

В 63,9% сообщений C_2 представлен социальными институтами; значительно реже, в 18,0% сообщений, в качестве C_2 фигурирует большая группа; в 15,2% — отдельная личность; в 2,9% — малая группа. Причем «институт» — это либо система в целом; либо партийные органы, на втором месте можно назвать государственные, советские правоохранительные органы, т. е. те институты, чьи позиции наиболее сильны в системе власти. Совсем мало упоминаний приходится на комсомольские, общественные организации, СМИ. В структуре C_2 , представленного большими группами, контрастно выделяются группы по социально-классовому и профессиональному признаку. В сравнении с C_1 это качественно другие большие группы: вместо политических и национальных общностей доминируют социально-классовые. Среди субъектов-индивидов существенно пре-

обладают представители власти — по совокупности текстов трех газет в среднем 61,0%.

Характеристика негативных и позитивных субъектов, описанных альтернативной прессой, позволяет концентрированно представить, какие силы, с ее точки зрения, противостоят друг другу в политических ситуациях.

Негативный политический субъект (C_2) — четок, ясен, однозначен. Разброс характеристик очень невелик, преобладает концентрация описания на одном-двух пунктах. Негативный субъект — политический институт — интерпретируется как общественно-политическая система, где основным звеном являются партийные органы. С социальной точки зрения C_2 представляет собой по преимуществу профессионально-классовую общность. На уровне отдельных индивидов это на две трети представители власти, что позволяет конкретизировать профессионально-классовую общность как бюрократию, т. е. (по М. Джиласу) «правлящий класс».

Позитивный политический субъект (C_1) более расплывчатый, аморфный и внутренне противоречивый. Четко организованному социальному институту противостоит большая группа, т. е. конфликтное взаимодействие развивается по линии «институт — большая группа». «Большая группа» — это и неформальное объединение, и национальная, территориальная, функциональная общности. По-видимому, этот конгломерат можно определить как популизм, если иметь в виду, что популизм — это «объединение самых разных социальных сил с различными политическими и религиозными убеждениями, выражающее совокупность очень широких общих интересов и направленное против единого общего врага»¹.

Таковы субъекты с точки зрения их структуры. Какова же позиция каждого из них? Обрисуем ее содержательные параметры (табл. 2).

Таблица 2

Позиции субъектов политических ситуаций,
представленных в альтернативной прессе, %

Позиция	C_1	C_2
Консервативная	0,61	56,79
Либеральная	15,12	2,75
Демократическая	68,40	0,92
Не выражена	15,88	39,54

¹ Дилигенский Г. Современное видение социализма // Правда. 1990. 22 янв.

Из приведенных данных видно, что C_1 (позитивный субъект политической ситуации) отстаивает демократическую и отчасти либеральную (умеренную, в рамках политики верхов) позиции. C_2 (негативный субъект политической ситуации) придерживается консервативной позиции.

Как в анализе структуры субъектов, так и в анализе содержания их позиций мы наблюдаем гораздо большую вариативность и динамизм C_1 по сравнению с жестко определенным и однозначным C_2 .

Общая политическая позиция тесно взаимосвязана с тем, насколько конструктивно отношение данного субъекта к своему оппоненту (табл. 3).

Таблица 3

**Взаимосвязь конструктивности отношения к оппоненту
с характером политической позиции, %**

Конструктивность	Демократическая позиция	Консервативная позиция
Сотрудничество	4,69	0,27
Диалог	22,77	1,88
Отношение не выражено	11,16	19,36
Конфронтация	35,05	58,07
Совместная деятельность (для однородных субъектов)	5,8	0,81

Мы видим, что демократическая позиция диктует более гибкое, вариативное отношение к оппоненту. Наряду с конфронтацией выражена склонность к диалогу с оппонентом, не чуждо и сотрудничество с ним. Консервативная позиция диктует безусловную конфронтацию с альтернативными силами. Можно сказать, что консервативная позиция проявляется в том числе в негибкости, бескомпромиссной приверженности конфронтации. Следует обратить внимание на такую форму взаимосвязи субъектов, как совместная деятельность. (В данном случае речь идет об отношении субъектов одного типа как условия взаимоотношений с оппонентами.) И для C_1 и для C_2 совместная деятельность рассматривается нечасто. И все же в связи с C_1 она упоминается почти в семь раз чаще, чем в связи с C_2 . Это несомненно связано с характером и структурой обоих субъектов. Как уже говорилось, C_1 — широкое объединение различных сил, совместная деятельность — обязательное условие их

сплочения; С₂—внутренне монолитен, однороден, но объединяться ему не с кем.

Следующей содержательной характеристикой являются ценностные ориентации, из которых исходит субъект в своей деятельности, это внутренние условия деятельности. Так же как конструктивность отношения к оппоненту, ценностные ориентации сильно взаимосвязаны с политической позицией, являются ее основанием и причиной (табл. 4).

Таблица 4

Ценностные ориентации субъектов в зависимости от содержания их позиций, %

Ценностные ориентации	Демократическая позиция	Консервативная позиция
Правовые	31,7	4,30
Политические	77,46	74,73
Национальные	36,16	3,23
Религиозные	4,24	0,81
Культурные, познавательные	23,88	2,15
Личностные ценности	27,46	0,81
Экономические	16,96	3,23
Экологические	16,52	2,15

Демократическая позиция опирается на довольно большой набор гуманитарных ценностей. Помимо политических, лидирующих в системе ценностей, значителен удельный вес национальных, правовых, культурных, личностных ценностей.

Консервативная позиция коррелирует прежде всего с ценностями политического характера. Удельный вес упоминаний политических ценностей в связи с консервативной позицией практически такой же, как удельный вес их упоминаний в связи с демократической позицией. Но эти ценностные ориентации субъекта — носителя консервативной позиции и ограничиваются, в отличие от носителя демократической позиции. В интерпретации альтернативной прессы С₂ предстает чуждым всяким ценностям, кроме политики, как концентрированное выражение власти.

Демократическая позиция и соответствующая ей система ценностей соотносится с позитивным субъектом ситуации — С₁. Консервативная позиция — с негативным субъектом С₂.

Далее нам предстоит оценить, какой является ситуация для C_1 и C_2 с точки зрения ее устойчивости. Все жизненные ситуации делятся на устойчивые и проблемные. Устойчивая жизненная ситуация характеризуется равновесием между целями и стремлениями, с одной стороны, и возможностями их реализации, доступностью необходимых ресурсов, с другой. Такая ситуация оценивается субъектом положительно, отсутствует стремление ее изменить.

Проблемная жизненная ситуация связывается с нарушением равновесия, непропорциональным возрастанием значимости того или иного фактора в связи с появлением нового элемента в условиях жизнедеятельности. Нарушение упорядоченности жизненной ситуации выражается в отрицательной оценке наличной ситуации, в стремлении изменить ее, в выработке определенной стратегии деятельности. Проблемная жизненная ситуация имеет определенную меру напряженности, интенсивности стремления к снятию проблемы.

Ряд данных, касающихся оценки ситуации субъектом, его цели, модальности цели, средств, результатов, дают понятие о том, какой предстает ситуация для каждого из двух субъектов — C_1 и C_2 (табл. 5).

Для позитивного субъекта C_1 ситуация предстает как очевидно проблемная: неустойчивая, требующая своего преобразования. Это проявляется в резко отрицательной ее оценке со стороны C_1 , в постановке цели изменить ситуацию полностью или частично. Стратегия преобразования проблемной ситуации включает давление «снизу», возможный компромисс, совместную деятельность однородных субъектов, консолидированных в C_1 . Однако результат усилий оценивается либо как нулевой, либо как отрицательный. Это повышает напряженность проблемной ситуации, отсюда более отрицательные оценки, категорическая модальность.

Для негативного субъекта C_2 ситуация предстает как вполне устойчивая, судя по преобладанию общей положительной оценки этой ситуации, доминированию цели сохранить статус-кво и положительному результату усилий субъекта в реализации своих целей. Однако по ряду признаков можно предположить, что эта устойчивость непрочная, ее сохранение является проблемой и требует усилий. Цель «сохранить ситуацию» декларируется с навязчивой настойчивостью (97% — суждения необходимости). Средство практически одно — административное давление сверху. В общей оценке ситуации звучат ноты пессимизма (наряду с 44% положительной оценки отмечены 38,5% отрицательной).

На какой стадии развития находятся проблемные ситуации, отражаемые альтернативными СМИ? Учтем, что существует три стадии: 1) актуализация какой-либо потребности или цели, субъект предпринимает активные действия по выявлению характера проблемы, отысканию факторов, способствующих или мешающих решению проблемы — поисковая стадия; 2) собственно решение

Таблица 5

Устойчивость политической ситуации для позитивного и негативного ее субъекта в оценке альтернативной прессы, %

Показатель устойчивости -- проблемности ситуации	C ₁	C ₂
1. Общая оценка ситуации:		
положительная	10,8	43,9
сбалансированная	13,5	9,6
отрицательная	67,7	38,5
нулевая	8,0	8,0
2. Цель:		
сохранить ситуацию	1,8	80,9
изменить ситуацию частично	25,7	5,8
изменить ситуацию полностью	68,7	2,9
цель не названа	3,9	10,4
3. Модальность:		
суждение возможности	16,5	3,0
суждение необходимости	83,5	97,0
4. Средство:		
давление «сверху»	0,8	49,9
диалог, компромисс	25,5	2,29
давление «снизу»	33,7	0,92
совместная деятельность	29,3	7,33
не определено	10,7	40,0
5. Результат:		
отрицательный	27,1	9,2
нулевой	47,1	32,7
положительный	25,8	58,0

проблемы, усилия концентрируются на действиях в рамках уже имеющейся стратегии; 3) затухание проблемы, связанное с ее решением и с прекращением действия источника дестабилизации.

Альтернативная пресса в 1989 году демонстрировала ситуации двух первых стадий. Актуализация целей, выработка стратегии и осознание проблемной ситуации в целом выражено преимущественно в программных и организационных положениях (29% сообщений), в описании обстановки (27,7% сообщений). Действия описываются в 36,3% сообщений. Таким образом, мы наблюдаем все большее развитие второй стадии проблемной ситуации.

Далее с помощью факторного анализа мы попытались определить типы ситуаций, характерные для C_1 и C_2 .

Для C_2 (негативного субъекта политической ситуации) доминирует фактор, который мы определили как деятельностный, или стратегический. В него входят переменные, характеризующие цель, средство, результат деятельности C_2 , а также его отношение к C_1 и общую оценку им ситуации.

Аналогичный фактор для C_1 (позитивного субъекта политической ситуации) включает меньшее число переменных, т. е. он менее наполнен и занимает вторую позицию в факторной структуре, а на первой позиции стоит здесь фактор субъекта, полностью определяемый описанием личностей, групп и институтов, формирующих ситуацию.

Дополняет обе структуры третий фактор — субъектно-ценностный, в котором описание субъекта сочетается с анализом ценностей, исповедуемых им.

Факторные структуры C_1 и C_2 , доминирование в них того или иного фактора отчетливо представляют те тенденции в содержании альтернативной печати, которые отмечены ранее, а именно: альтернативная пресса отражает процесс становления самосознания нового субъекта и выделяет в этом процессе два момента. Первый момент — анализ сущности оппонента и его стратегии как жесткой и законченной, по сравнению с которой стратегия C_1 представляется более гибкой и неоднозначной. Второй момент: новый субъект осознает себя как целостность, свою роль в общественных процессах.

В связи с этим альтернативная пресса объективно выполняет, во-первых, функцию организации совместной деятельности, развивая связи по горизонтали на основе изложения позитивных программ и взглядов, а во-вторых, функцию критики оппозиционных структур. Иными словами, альтернативная печать демонстрирует поле, на котором идут два взаимосвязанных процесса: размежевание и ассоциирование как два неотъемлемых аспекта становления и самосознания социального субъекта.

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ СТАТЬЯ: КРИЗИС И ВОЗРОЖДЕНИЕ ЖАНРА

Отметим сразу: в 70-е — начале 80-х годов газетные выступления в жанре пропагандистской статьи дефицита критики не испытывали. В решениях ЦК КПСС фиксировались такие изъяны идеологической пропаганды, как безликость, поверхностность, формализм и парадность, низкая эффективность¹. Журналисты тоже не давали себе поблажки, признав, что пропагандистская статья — редкая и нежелательная гостья на газетной полосе, ибо предстает она читателю в виде громоздкого текста, сооруженного из тезисов запыленных доцентских лекций, без малейших признаков оригинальности мысли, динамичности композиции, выразительности языка².

Наконец, при столь мрачном состоянии жанра, теоретики журналистики были вынуждены заниматься несвойственным их статусу делом — убеждать практиков, что теоретико-пропагандистская статья имеет право на жизнь в современной печати³.

Тем не менее нигде и никто не оценивал состояние жанра пропагандистской статьи как критическое, кризисное. Срабатывала общеидеологическая установка того времени о наличии во всех сферах нашей жизни только «отдельных недостатков». Это и определяет актуальность современного исследования идеологической пропаганды в периодической печати недавнего прошлого и настоящего, ведущим жанром которой выступает теоретико-пропагандистская статья.

Вчитаемся, во-первых, в партийные документы: «В пропагандистских выступлениях печати надо избегать общих рассуждений и повторений, приводить больше точных, ярких данных и аргументированных, мобилизующих выводов, разнообразить формы подачи материала...» (из Постановления ЦК КПСС от 9 января 1960 года

¹ См., напр.: О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы: Из постановления ЦК КПСС, 26 апр. 1979 г. // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987. С. 88; Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983. С. 30; Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983) Пленума ЦК КПСС: Материалы Всесоюз. науч. практ. конф., Москва 10—11 дек. 1984 г. М., 1985. С. 335—336.

² См.: IV съезд Союза журналистов СССР: Стеногр. отчет, 1—3 марта 1977 г. М., 1977. С. 162—168; Лаптев И. Вопросы теории на газетной полосе // Горизонты публицистики: опыт и проблемы. М., 1981. С. 26.

³ См.: Блажнов Е. А. Пропаганда и журналистика. М., 1982. С. 50; Засурский Я. Средства массовой информации и идеологическая борьба с антисоветизмом на современном этапе // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 1984. № 2.

«О задачах партийной пропаганды в современных условиях»); «Теоретические обобщения, серьезный, вдумчивый анализ, обогащающий читателя, слушателя порой подменяются напыщенностью, внешним наукообразием языка, а убедительность аргументов и доверительность тона в разговоре с аудиторией — назидательностью и громкой фразой» (из Постановления ЦК КПСС от 26 апреля 1979 года «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»)⁴.

Сделав поправку на разные манеры изложения, откровенную в первом случае и осторожную, показывающую сущее в контексте должного, во-втором, нетрудно убедиться, что в течение десятилетий тексты идеологической пропаганды были «нечитабельными»⁵. По сути мы имеем дело, и об этом свидетельствуют официальные документы, с устойчивым воспроизведением целого комплекса недостатков пропагандистской статьи в предельно широком масштабе журналистской практики.

Другое основополагающее свидетельство кризиса — безуспешность и бесперспективность попыток теоретической и практической журналистики привнести в «запыленные хранилища» теории развитого социализма дыхание жизни, а вместе с ним и читательский интерес. Для этого требовался, как считалось, многочисленный отряд публицистов, способных выступать в жанре пропагандистской статьи на уровне классиков марксизма-ленинизма или хотя бы как Воровский и Луначарский, Кольцов или Струмилин⁶. Формированию такого отряда должны были способствовать научные труды, препарирующие пропагандистские статьи классиков с анатомической с курпулезностью. Однако расчлененное до элементарных частиц классическое мастерство, все равно почему-то оставалось недостижимым и призывы осваивать его раздавались снова и снова.

Такая вот парадоксальная дилемма: выход из критической ситуации давно известен и одновременно... выхода нет. Потому что первопричиной кризиса идеологической пропаганды в периодической печати являлось кризисное состояние социальной теории. Ее догматизм и схоластичность, покоящиеся на прочном фундаменте сталинских обществоведческих «открытий», не дано было преодолеть никакими риторическими ухищрениями пропагандистов, пусть даже и скопированными у классиков. «Насущный серый хлеб партийной политики и коммунистической пропаганды»⁷ оказался заплесневелым. И те, кто вчера заправлял на идеологической кухне,

⁴ КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987. С. 43, 88.

⁵ Логический вывод подтверждается данными социологов: теоретико-пропагандистские статьи вызывали наименьший интерес у читателей. См.: Чернакова Н. Е. Информационные потребности аудитории газет, радио, телевидения // Социологические проблемы общественного мнения и деятельности средств массовой информации. М., 1979. С. 19.

⁶ См.: IV съезд Союза журналистов СССР. С. 163.

⁷ Там же. С. 164.

были вынуждены признать, что «теоретические догмы подгонялись под существующую командно-бюрократическую практику и в свою очередь оправдывали эту практику, как, якобы, выражение и осуществление объективных законов общественного развития, действующих независимо от сознания и воли людей»⁸.

Для полноты характеристики следует отметить, что в период так называемого социального застоя существовало некое динамическое равновесие, своего рода взаимопонимание между идеологией, пропагандой и аудиторией. Да, идеологические жрецы периодически бранили пропагандистов, были недовольны тем, что та социальная теория, которая, благодаря их неустанным трудам, «отливает всеми цветами солнечного спектра»⁹, блекнет на газетных страницах. Но это была критика старшего по званию, реализация его неотъемлемого права поддерживать порядок в строю. Ибо, если судить по большому счету, строй был все-таки един и дисциплинирован. Следуя проложенным догматизированной идеологией курсом, авторы теоретико-критических статей не позволяли себе трезво-критических оценок происходящего и достигнутого. Абсолютное большинство из них не ставили целью пристальное изучение и обобщение реальностей бытия: логики его развития через противоречия, через неочевидные сочетания современных многообразных тенденций. Пропагандисты ориентировались на безусловную веру аудитории в те идеи, которые, несмотря на их очевидный волюнтаризм, были «официально утверждены» как истинные.

В аудитории же, как отмечают психологи, при устойчивом сопротивлении такого рода идеологическому воздействию ее наиболее образованной и радикально настроенной части, постепенно начинала превалировать реакция привыкания, приспособления. Читатели, не получая необходимой социально-мировоззренческой информации для осознания общественного прогресса как процесса исторически творческого и будучи отчужденными от реальной социально-преобразовательной деятельности, волей-неволей становились социально-инфантильными субъектами, для которых свойственно нерациональное социальное мышление. Его распространенность и многообразие фиксируются современными исследователями в следующих типах: мышление некритическое, некомпетентное, условное, традиционное, стереотипное, фрагментарное, объективистское, черно-белое¹⁰.

Таким образом перестройка идеологической пропаганды в периодической печати — это обязательное преодоление кризисных явлений, ее поразивших, это процесс обретения ею таких содержательно-коммуникативных качеств, когда она оказывается в состоянии

⁸ Федосеев П. Н. Идеиное единство партии и социалистический плюрализм мнений // Соц. исследования. 1989. № 5. С. 14.

⁹ IV съезд Союза журналистов СССР. С. 164.

¹⁰ См.: Кхол И. Соотношение индивидуального и типичного в мышлении // Психология личности в социалистическом обществе. М., 1989. С. 177—181.

способствовать адекватному восприятию аудиторией сложных идей социального переустройства и тем самым помогать ей обрести такую ценностно-мотивационную ориентацию, для которой характерно добровольное и активное участие личности в реализации кардинальных общественных перемен. Разумеется, нельзя полагать, что идеологическая пропаганда, отказываясь от прежних недостатков, автоматически обретает свойства, созвучные условиям социальной практики нового типа. Чтобы определить, систематизировать комплекс таких свойств, нужно современное идейно-теоретическое обоснование. Каким же видится оно?

На наш взгляд, при его определении нельзя обойтись без понятия «общественная ситуация». Ибо, как свидетельствует опыт начального периода кардинальной перестройки общественных отношений, этот процесс развивается по своеобразным законам сложнопulsирующего ритма. Причем, «вполне в соответствии с историческим опытом революционных переходов иных времен — процессы распада и демонтажа отживших общественных форм явно опережают утверждение новых, процессы разрушения превосходят быстрее, чем процессы созидания и реконструкции»¹¹. Образовавшийся «вакуум», незапятанная территория дают возможность развиваться не только общественно конструктивным, но и деструктивным явлениям, способствуют как возникновению в общественном сознании новых, прогрессивных идейных образований, так и реанимации идей, иллюзий и фантазий, сориентированных на поиск возможностей движения вспять.

Отсюда и непредсказуемость, сложная пульсация «диаграммы» социального движения. Отсюда и «повышение в цене» точной характеристики социальной ситуации. Только глубоко осмыслив социальную ситуацию, можно охватить одномоментно соотношение взаимодополняющих, а иногда и взаимоисключающих социальных потоков современности, определить исходные ориентиры для программы дальнейших действий.

Особенно важна степень ориентации в социальной ситуации для общественного мнения. Будучи реакцией массового сознания на событийно-фактологическую сторону общественной ситуации, оно и воздействует на социальные процессы (реализует свою основную — регулятивную — функцию) только в рамках определенной общественной ситуации¹². И чем точнее и социологически глубже обозначены в общественном мнении связи фактологически-событийной структуры общественной ситуации с ее корневой, невидимой «обыденному взору» сущностной структурой актуальных общественных отношений — тем больший регулятивный потенциал приобретает оно. Именно этим объясняется расцвет теоретико-пропагандистской статьи в ее журнальном варианте: журнальная публицистика, авто-

¹¹ Левада Ю. Динамика социального перелома: возможности анализа // Коммунист. 1989. № 2. С. 36.

¹² См.: Горшков М. К. Общественное мнение. М., 1988. С. 257—269.

рами которой выступают крупные ученые, известные публицисты, удовлетворяет потребности общественного мнения в компетентных политических, экономических, этических программах решения насущных общественных проблем.

Теоретико-пропагандистские выступления в периодической печати преследуют по сути те же цели. Однако свойственные им в недавнем прошлом не критичность, нерелистичность, слепое следование догмам концепции «развитого социализма» означали что идеологическая пропаганда в печати выполняла малопочтенную роль манипулятора массовым сознанием и общественным мнением¹³. Она не помогала, а мешала своей аудитории понять особенности и суть общественной ситуации, сформировать реалистичную программу действий по ее изменению. Только дискуссионно-проблемная, творчески-поисковая идеологическая пропаганда в печати может вызывать у современного массового читателя интерес, сориентировать его в пестрой мозаике социальных реалий, выявив их причинно-следственные связи, теоретические основания.

Преимущество рефлексивно-диалектического, самостоятельного пропагандистского мышления перед комментаторски-эпигонским в конечном счете выражается в том, что только оно способно создать социально-мировоззренческую информацию, адекватно воспроизводящую глубинные процессы переломной общественной ситуации. И если не упускать из виду, что лейтмотивом такой ситуации является кристаллизация нового качества общественного бытия через всеохватывающий плюрализм экономических, идеологических, социальных форм, то содержательно-коммуникативные свойства этой социально-мировоззренческой информации можно «уложить», на наш взгляд, в три основных параметра. Во-первых, разработка темы в современной теоретико-пропагандистской статье опирается на сочетание авторских идей, обобщений и оценок, имеющих актуально-эвристическую направленность. Во-вторых, сегодня пропагандисту нельзя уклоняться от оценок общественного мнения по затронутой в публикации социальной проблематике. В-третьих, важнейшей составляющей современной идеологической пропаганды все активнее становится рефлексия на рефлексии — оценка идей и концепций других авторов.

Разумеется, в каждой отдельно взятой теоретико-пропагандистской статье тот или иной параметр социально-мировоззренческой информации может присутствовать более или менее выражено. Однако, как показывает анализ современной идеологической пропаганды, именно такое сочетание содержательно-коммуникативных

¹³ И сегодня при социологических опросах массовой аудитории в ответах очень часто воспроизводятся пропагандистские штампы, а не реальное положение дел. См.: Комаровский В. С. Идеологическое обеспечение процесса перестройки экономики // Идеологическая работа и социальное творчество масс. М., 1989. С. 42.

качеств свойственно обновленной теоретико-пропагандистской статье.

Этот вывод опирается на результаты проведенного нами сравнительного дитекс-анализа¹⁴ пропагандистских статей, опубликованных в газете «Уральский рабочий» в 1986 и 1989 годах¹⁵. Первое, что выясняется — более личностно-оценочный характер публикаций 1989 года. Авторская рефлексия на приведенные факты, эмпирические обобщения, теоретические положения, рефлексия на рефлексию составляют в них от 53 до 57% общего числа текстовых элементов. В материалах 1986 года этот показатель почти в три раза меньше — от 19 до 22 процентов. Очень показательно и то, что в многочисленных рефлексивных элементах текстов 1986 года преобладает рефлексия на эмпирические обобщения тривиального или сомнительного содержания. Вроде вот такого пассажа: «В короткий исторический срок наша страна совершила восхождение к вершинам экономического и социального прогресса. Несомненно, что все достижения и социальные изменения связаны с переходом к крупномасштабной экономике»¹⁶.

В статьях 1989 года ведущим элементом богато выраженной авторской позиции является рефлексия на рефлексию, т. е. в них многочисленные оценки высказываются в подтексте, не явно, с расчетом на их читательское прочтение. Как вот в таком, например, рефлексивном ряду: «...понятие «интенсивное в экономике» долгое время почему-то отождествлялось только с внедрением достижений научно-технического прогресса в практику хозяйствования — причем независимо от его полезных результатов. Чем боль-

¹⁴ О методике дитекс-анализа см.: Лазутина Г. В., Коновалов Б. А. Дитекс-анализ как средство изучения текста // Методы исследования журналистики. Ростов, 1987. С. 140—146.

¹⁵ Для сравнительного дитекс-анализа взяты по две теоретико-пропагандистские статьи политэкономической тематики, авторы которых кандидаты экономических наук. Малое число анализируемых публикаций не является, на наш взгляд, препятствием для обнаружения типичных содержательно коммуникативных качеств, свойственных идеологической пропаганде в местной печати застойно-кризисного и обновляющегося периодов. Основные характеристики — банальность мысли, вялость композиции, «тяжелый» язык пропагандистских статей 1986 года и значительно больший интеллектуальный заряд, раскованность изложения в материалах 1989 года — легко определяются при чтении. Сравнительный дитекс-анализ выбранных четырех текстов объясняет причины столь различных текстовых эффектов, раскрывает основные содержательно-коммуникативные черты обновляющейся пропагандистской статьи (анализируются: Солнцева Е. Стратегия интенсификации // Урал. рабочий. 1986. 18 июня; Самков В. Экономить в большом и малом // Урал. рабочий. 1986. 9 июля; Морозов Г. Мифы теории и реальность жизни // Урал. рабочий. 1989. 11 июля; Каюков А. Труд и льготы // Урал. рабочий. 1989. 18 июля).

Следует отметить, что 1986 год для идеологической пропаганды в уральской печати является своего рода рубежом: авторам уже известны новые социально-стратегические идеи, однако по инерции в пропагандистских статьях еще господствуют старые идеологические установки.

¹⁶ Солнцева Е. Стратегия интенсификации.

ше экономика наспиговывалась технически совершенными орудиями труда, чем выше была ее фондоемкость, тем она считалась интенсивнее. Но, по моим расчетам, с 1941 по 1985 год стоимость основных фондов в стране, капиталовложения выросли соответственно в 21,8 и 24 раза, в то время как национальный доход и валовой общественный продукт — в 16,8 и 16,1, а производство предметов потребления и реальные доходы населения лишь в 13 и 6,5 раза»¹⁷.

Очень четко выражена в теоретико-пропагандистских статьях 1989 года полемически заостренная реакция авторов на доминировавшие долгие годы теоретические установки. В 1986 году напротив — у авторов нет и тени сомнения в верности «вышестоящих» истин. Публикации 1989 года отнюдь не всегда солидарны с общественным мнением. Экономисты аргументированно показывают неверность многих распространенных суждений, оценивают социально-психологические последствия этих ошибок. В пропагандистских статьях 1986 года апелляции к общественному мнению, массовому сознанию редки, а по содержанию назидательно-банальны: «Точно считать и эффективно использовать каждый рубль, каждый грамм продукции, до конца изжить бесхозяйственность и недисциплинированность — это патриотический долг каждого советского человека»¹⁸.

Несравненно выше в текстах 1989 года эмоциональность, подвижность авторского «я», которая методикой дитекс-анализа определяется через соотношение числа оценок фактов к общему числу фактов как текстовых элементов. Это соотношение оказалось равно единице. То есть некомментируемой фактологической информации нет. В текстах же 1986 года рефлексия на факты просто отсутствует. И фактологическая информация, выраженная, как правило, утомительно длинным рядом цифровых данных, обретает в этих текстах самодовлеющий характер, значительно «ускучивает» их.

В целом же этот разительный контраст между текстами теоретико-пропагандистских выступлений 1986 и 1989 годов доказывает, что современная идеологическая пропаганда в периодической печати — как в местной, так и в центральной¹⁹ — тяготеет к преодолению бесстрастности обществоведческой истины через ее авторскую интерпретацию в многообразных гносеологических и аксиологических аспектах. Это резко сокращает дистанцию между содержанием «теоретических» и «нетеоретических» публикаций в газете, значительно поднимает «цену» личного опыта, знаний, добросовестности исследования и оригинальности взглядов автора теоретико-пропа-

¹⁷ Морозов Г. Мифы теории и реальность жизни.

¹⁸ Самков В. Экономить в большом и малом.

¹⁹ О прогрессивных изменениях идеологической пропаганды в центральной печати см.: Зыков В. Ф. Идеологическая пропаганда в условиях перестройки: критерии эффективности // Читатель и газета. Свердловск, 1990.

гандистской статьи. Как и любое публицистическое произведение, пропагандистская статья, поступая на современный «потребительский рынок», завоевывает читательский интерес авторской точкой зрения, ходом мысли, набором аргументов.

Впрочем, переломная общественная ситуация дает идеологической пропаганде совершенно непривычный для нее дополнительный шанс. Дефицит актуальных обществоведческих истин и активный поиск нужной информации многочисленными социальными группами, нуждающимися в мировоззренческом самоопределении, повышает конкурентоспособность социально-мировоззренческой информации злободневного звучания и современного профессионального исполнения.

О. В. ШЕСТАКОВА

Уральский электро-механический институт
инженеров железнодорожного транспорта

РОЛЬ ПРЕССЫ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Революционное переустройство всех сфер жизни нашего общества на принципиально новых началах вызывает необходимость ускоренного формирования исторического сознания у всех участников исторического процесса. В этой связи повышаются требования к качеству труда не только ученых-историков, педагогов, писателей, деятелей культуры, но и журналистов.

Пытаясь удовлетворить резко возросший общественный интерес к истории, наша пресса начиная с середины 80-х годов опубликовала огромное количество материалов, которые дали объективную оценку многим сторонам опыта прошлого, конкретным событиям, фактам. Журналисты первыми показали, как можно оперативно ликвидировать «белые пятна», осветить закрытые в прошлом факты истории, обострили всеобщий интерес к судьбам исторических личностей. И это, несомненно, способствовало развитию исторического мышления у читателей.

Главный путь к дальнейшему повышению эффективности работы публицистов на этом тематическом направлении — упрочение ее научных основ, методологических позиций, строгое руководство критерием правды. Каждый журналист призван иметь четкое представление о сущности историзма мышления, исторического сознания.

Проблемам, связанным с необходимостью перемен в общественном сознании, формированием культуры исторического мышления

посвящен ряд монографий и статей¹. По нашему мнению, наиболее полное определение понятия «историческое сознание» дано в статье Г. Т. Журавлева, В. И. Меркушина, Ю. К. Фомичева. Приведем его полностью: «Историческое сознание как часть, элемент общественного сознания включает в себя прежде всего знание истории, а также обобщение исторического опыта, уроков истории, отношение к событиям, к историческому процессу, оценку фактов, убеждения. В то же время содержанием исторического сознания являются не только события прошлого, в нем совмещены все три модуса исторического времени — прошлое, настоящее и будущее. Рассматривая и оценивая прошлое через призму настоящего и будущее как результат прошлого развития, оно и будущее воспринимает как проекцию реальных, совершенно конкретных процессов и тенденций, действующих в современности, на дальнейшие ступени развития общества»².

Таким образом, историческое сознание является частью общественного сознания. Его субъектами выступают личность, социальные группы, классы, народы. Особо следует подчеркнуть мысль о том, что формирование исторического сознания должно опираться на научные и правдивые исторические знания. Отсюда вытекает одна из важнейших задач прессы — оперативно вооружать людей объективным историческим знанием, доводить до читателей правду истории. Это важно еще и потому, что в наших исторических знаниях много пробелов, долгие годы нам преподносилась полуправда и замалчивались многие события, искажалась роль отдельных личностей в истории. От 76 до 88% людей, преимущественно имеющих высшее образование, подчеркивают наличие «белых пятен» в нашей истории³.

Стихийно формирующегося исторического сознания недостаточно для активного участия людей в историческом процессе. С учетом этого многие редакции центральных и местных газет, опираясь на исследования ученых и собственные архивные изыскания, стали систематически публиковать материалы на исторические темы. В «Правде» они появлялись под рубрикой «Страницы истории», в «Известиях» — «История. Судьбы. Опыт», в «Советской России» — «Переписка на исторические темы», в «Комсомольской правде» — «Уроки истории». Авторы многих публикаций продемонстрировали новые подходы к проблемам Октябрьской революции, гражданской

¹ См.: Уледов А. К. Перестройка и сознание. М., 1988; Касьяненко В. И. Об обновлении исторического сознания // Новая и новейшая история. 1988. № 4; Волобуев О. В., Кулешов С. В. Очищение: История и перестройка. М., 1989; Журавлев Г. Т., Меркушин В. И., Фомичев Ю. К. Историческое сознание: Опыт социологического исследования // Вопр. истории. 1989. № 6; Егоров В. К. История в нашей жизни. М., 1990.

² Журавлев Г. Т., Меркушин В. И., Фомичев Ю. К. Историческое сознание: Опыт социологического исследования. С. 120.

³ См.: Там же. С. 121.

войны, новой экономической политики, характеристике политической системы 20—30-х годов, поиску истоков сталинизма⁴.

Печать, прежде всего центральная, стала полем острых идеологических сражений по поводу исторических подходов. Предметом острых дискуссий на страницах газет были и остаются проблемы индустриализации и коллективизации в нашей стране, истории и теории межнациональных отношений, истоки второй мировой войны, причины крупных поражений в начальный период Великой Отечественной войны⁵. Ряд статей посвящен деятельности личностей, роль которых в истории была ранее искажена⁶.

Эти публикации позволили читателям узнать большое количество объективной, ранее неизвестной информации по истории 20—40-х годов, получить компетентные ответы на вопросы, связанные с историческим прошлым нашей страны. Безусловно, восстановление исторической правды отразится на формировании исторического сознания. Обладая объективными, всесторонними знаниями, люди смогут сделать выводы из уроков истории, выработать свое собственное мнение по отношению к историческим событиям, дать справедливую оценку тем или иным личностям.

В стремлении помочь этим процессам, прежде всего правильному осмыслению прошлого в его сложности и противоречивости, газеты активизировали в последние годы атаку на различные формы догматического мышления, активнее стали разоблачать мифы и идеологические стереотипы времен культа личности и застоя. Для догматиков характерны ориентация только на прошлое, произвольное выхватывание отдельных фактов, отчуждение частного от общего, случайного от закономерного, нежелание и неумение учитывать новые жизненные факты, перспективы развития экономической, социальной, политической жизни.

Наиболее воинственно, пожалуй, все эти качества проявляются сегодня в движении «истинных коммунистов-ленинцев» «Единство»,

⁴ См.: Время трудных вопросов: История 20—30-х годов и современная общественная мысль // Правда. 1988. 30 сент., 3 окт.; Сироткин В. Уроки НЭПа // Известия. 1989. 10, 11 марта; Бутенко А. Был ли неизбежен Октябрь? // Правда. 1990. 25 окт.; Кива А. Октябрь в зеркале утопий и антиутопий // Известия. 1990. 6 нояб.; Овчинникова Л. Кронштадтский мятеж // Комс. правда. 1991. 28 февр.

⁵ См.: Коллективизация: как это было // Правда. 1988. 28 авг., 16 сент.; Индустриализация СССР: выбор курса // Там же. 21 окт.; Мурсалиев А. Национальный вопрос // Комс. правда. 1989. 5 авг.; Так как же это было // Там же. 8 авг.; Советско-германский пакт: правда и мифы // Лит. газета. 1989. 16 авг.; Вновь о договоре 1939 года // Известия. 1989. 28 дек.; Бовин А. Кризис социализма и национальный вопрос // Там же. 1991. 12 мая.

⁶ См.: Бурлацкий Ф. Хрущев: Штрихи к политическому портрету // Лит. газета. 1988. 24 февр.; Лынев Р. А. И. Рыков, революционер, политик и человек // Известия. 1988. 5 марта; Человек и символ // Комс. правда. 1988. 2 апр.; Волкогонов Д. Демон революции // Правда. 1988. 9 сент.; Вериго Э., Капустин М. Гибель и воскрешение Николая Бухарина // Сов. культура. 1988. 6 окт.; Медведев Р. Каменев: Штрихи к политическому портрету // Лит. газета. 1989. 5 мая; Решетников В. Александр Керенский: правда и вымысел // Известия. 1991. 5 июля.

возглавляемом Н. Андреевой. Победу этого движения она рассматривает как «историческую неизбежность». Аргументы все те же: «Будущее — за коммунистической формацией! Все, что происходит сейчас, это, по Марксу, предыстория. «Единство за ленинизм и коммунистические идеалы» и другие левые силы... придут к власти!»⁷

Сама публицистическая практика убеждает, что наиболее эффективным способом борьбы с догматизмом, демагогией и иной методикой мифологизации общественного сознания является истина, доведенная до народа. Только она способна разоблачить обман и заблуждения.

В этом убеждает опыт публицистов А. Кивы, О. Лациса, А. Васинского, уделяющих особое внимание преодолению груза догматизма, утопизма, разного рода извращениям, отягощающим массовое сознание.

В статье «Мифы уходящих времен» А. Кива компетентно разоблачает одно из самых страшных преступлений сталинизма перед народом — мифологизацию общественного сознания. Автор показывает, что оно пропитано мифом о рабоче-крестьянской власти, в то время как власть находилась у бюрократов; мифом об отсутствии в стране эксплуатации, когда степень отчуждения у нас в два с половиной раза выше, чем в странах Запада; мифом об отсутствии в стране безработицы; мифом о том, что если раздать землю крестьянам, у нас появится батрачество⁸.

В другой своей статье ученый-публицист прослеживает, на чем строилось социалистическое мировоззрение: на неприятии собственности, на абсолютном приоритете коллективистских начал, буквально убивающих личность; на извращенно понимаемой социальной справедливости, что породило уравниловку, коллективное иждивенчество, паразитизм; на борьбе против мирового капитализма. Ложное общественное и групповое сознание — это родовая болезнь тоталитаризма. Немалая часть общества настолько привыкла к социальным утопиям, мифам, сладкой лжи, подкупающей лести, самовосхвалению, самовозвеличению, что боится жить по правде, боится самой этой правды⁹.

Публицистические статьи О. Лациса «Маски», А. Васинского «Прощание с иллюзией», А. Кивы «Откровения в стиле военного коммунизма» отличаются активным стремлением авторов освободить массовое сознание от таких ценностей отсталого, добуржуазного общества, как уравниловка, примитивный коллективизм, культ бедности, нищеты, самопожертвования, неприязнь к яркой индивидуальности, таланту, высокой культуре.

Предметом особенно пристального критического рассмотрения данных авторов являются примитивное отождествление социалисти-

⁷ Корсунский А. В гостях у Нины Андреевой // Час пик. 1991. 24 июня.

⁸ См.: Кива А. Мифы уходящих времен // Известия. 1990. 3 апр.

⁹ См.: Кива А. Богатство — не порок // Известия. 1990. 2 июня.

ческого идеала с господством государственной собственности на орудия и средства производства, а эксплуатации человека человеком — с частной собственностью; догма о якобы состоявшемся (в результате индустриализации и коллективизации по-сталински) рождении общества социальной справедливости¹⁰.

Надо научиться жить без иллюзий, — призывает А. Васинский и предлагает отказаться от идеи равенства, которая кажется социальной панацеей, а на практике приводит к уравниловке и обнаруживает свою несовместимость со свободой; от идеи принесения сегодняшнего дня в жертву светлому будущему¹¹.

Большинство публикаций, посвященных формированию исторического сознания, носит проблемный, дискуссионный характер. Этим они и привлекают к себе внимание читателей, заставляя задуматься, заняться анализом прошлого и настоящего. Здесь особенно важно соблюдение методологических принципов подхода к изучению и оценке исторических фактов, главные из которых — объективность, правдивость, историзм. Объективный анализ требует брать всю совокупность фактов, рассматривать все явления и процессы в их взаимосвязях, в динамике, в их связи с конкретными условиями, выяснять как общие, так и особенные черты. Поиск и пропаганда исторической правды предполагают убедительную аргументацию, соревновательность умов и убеждений. И, конечно, они должны носить характер конструктивного диалога.

К сожалению, именно этих качеств недостает пока многим выступлениям газет на исторические темы. С тревожной рассуждая по этому поводу на страницах «Правды», Отто Лацис и Виктор Кожемяко не только приводят конкретные факты вульгаризации нашего исторического прошлого, но и выявляют ее «методику». «Упрощенчество, примитивизация, — считает В. Кожемяко, — пожалуй, самые досадные (да и опасные) черты, сказывающиеся сегодня нередко и при оценке исторического прошлого, и при подходе к острым современным проблемам. Конечно, примитивизация была и раньше. Только где стоял знак плюс — теперь механически ставят минус. Вот и вся несложная операция переоценки. А краски применяются лишь белая или черная, определения — хороший или плохой, святой или преступник»¹².

Особенно беспокоит Виктора Кожемяко примитивный, поверхностный, хлесткий подход к Октябрьской революции, который торжествует в публицистике определенного толка. Кто только не берется судить о том сложнейшем времени с легкостью необыкновенной! Где нужен обоснованный и глубокий подход — там берет верх эстрадная лихость. Где требуется исследование — там одни ерниче-

¹⁰ См.: Лацис О. Маски // Известия. 1991. 12 марта; Кива А. Откровения в стиле военного коммунизма // Комс. правда. 1991. 22 мая.

¹¹ См.: Васинский А. Прощание с иллюзией // Известия. 1991. 2, 3, 4, 5 июля.

¹² Что меняем, люди? // Правда. 1991. 9 авг.

ские ярлыки. Сложная и такая неоднозначная наша история — до-революционная и послереволюционная, история самой революции — требует, по мнению В. Кожемяко, очень глубокого научного изучения и взвешенного, основательного, неконъюнктурного описания для широкой читательской публики.

Соглашаясь с этим, Отто Лацис также высказывается против тех лихачей в публицистике, которые заняты не поиском истины, а просто заменяют одну неправду на другую. Публицист справедливо считает, что сегодня слабо звучит авторитетное слово истинных ученых о нашей истории.

Цель исторического подхода к отражению публицистами событий прошлого — установление истины и внедрение ее в сознание масс с помощью убедительной аргументации, разоблачение фальсификаций, опровержение искажений, неверных утверждений и идей. Ожидаемая на этом пути эффективность формирования исторического сознания у читательской аудитории в решающей степени обуславливается глубиной знания прошлого и настоящего предмета исследования, умением авторов компетентно рассматривать явления жизни в исторической перспективе.

Умение отражать предмет исследования не только таким, каким он предстает в данное время, но и во всех его потенциях, возможных перспективах развития — одно из трудных, но чрезвычайно важных качеств именно публицистического произведения. Ведь его содержание всегда определяется целью, соотносится с ней, реалистически отражая актуальные социально-экономические, политические, идеологические планы деятельности определенных социальных групп. Вполне закономерно поэтому, что проблема будущего (связанного с решением очередных экономических, социальных или иных задач) является одной из основных творческих проблем публицистики, журналистики вообще. Одна из примечательных особенностей мастерства видных публицистов в том и состоит, что, говоря о конкретных жизненных реальностях, они не только раскрывают их сегодняшнюю сущность, но стремятся показать их развитие в перспективе.

Вот как логически убедительно это делает публицист «Известий» Валерий Выжutowич, прогнозируя будущее верных и активных сторонников коммунистической идеи: «С крахом КПСС, как единого целого, увы, еще не скоро выйдут из обращения идеи и принципы, сформировавшие этот «орден меченосцев». Вывески меняются — дух остается. Те же кабинеты, те же люди в них. Идет стремительная перегруппировка реакционных сил. Им нужна своя партия... Это будет партия реванша. Ею грезит Нина Андреева, всерьез намеренная воссоздать ВКП(б). Ее лелеют в планах деятели ОФТ, сторонники «Коммунистической инициативы», либеральные господа, руководимые Жириновским. Они не станут читать идеологические проповеди (даже путчисты коммунизм не поминали), но постараются перехватить власть, используя хаос, крайнее

обнищание, междоусобные раздоры демократов. Эта партия, сколоченная из обломосков КПСС, вышедшая из нее, как из сталинской шинели, может оказаться способной вдохновить и возглавить новый переворот — тот, что начинается снизу»¹³.

Публицист, в отличие от ученого, в большей мере волен прогнозировать в опоре на здравый смысл, логику развития конкретных явлений, жизненных ситуаций. Вот как откровенно гипотетически судит о перспективах нашего социального развития Александр Бовин: «Кризис социализма теснейшим образом переплетен с кризисом марксизма, ленинизма, научного коммунизма. Развита в их рамках теория перестала давать ответы на те вопросы, которые задает нам жизнь, движение социальной реальности. История чревата неожиданными поворотами, которые ни Маркс, ни Ленин не могли предвидеть. А что будет завтра, послезавтра? Какие формы примет социальный прогресс? Наверное, пока нет достаточного материала, чтобы ответить на эти вопросы однозначно. Наиболее вероятной мне представляется гипотеза конвергенции, постепенного вызревания тех или иных смешанных форм организации общества. Эта гипотеза требует перехода от марксовской системы исторических координат, в которой социализм идет на смену своему антагонисту — капитализму, к системе принципиально иной, в которой прежние представления о мировом революционном процессе утрачивают смысл. Капитализм и социализм переходят на параллельные рельсы. Возникает своего рода пространство Лобачевского, в котором, как известно, параллельные сходятся. Появляется возможность нарастающего конструктивного взаимодействия двух систем»¹⁴.

Компетентный публицистический анализ конкретных жизненных реальностей, умный прогностический взгляд на происходящие сдвиги в истории и политике помогают развитию у читателей чувства нового, исторической перспективы, обогащают его историческое сознание.

Историческая наука в нашей стране слишком долгие годы была предельно политизирована и идеологизирована. В ней процветал классовый подход к оценке любых явлений, навязывались скомпрометировавшие себя идеалы будущего. Со всем этим покончено в результате ликвидации монополии коммунистической партии на политическую власть, включая монополию марксистско-ленинской идеологии, развития демократизации общественного строя.

Теперь, по мнению А. Н. Яковлева, после революции 21 августа 1991 года «наступила блестящая возможность в полный голос заговорить о нравственности. Та сила, которая постепенно внедряла тем или иным способом безнравственность в наше общество, ушла. У нас есть возможность начать широким фронтом проповедь, про-

¹³ Выхутович В. Будущее КПСС без суда и следствия определит жизнь // Известия. 1991. 25 сент.

¹⁴ Бовин А. История и политика // Известия. 1991. 1 янв.

паганду, процесс возрождения нравственности в стране, то есть нормальных отношений друг к другу. Человеческих отношений»¹⁵.

Речь идет о безусловности нравственной политики, приоритете общечеловеческих ценностей перед классовыми, о восстановлении подлинных этических ценностей в историческом сознании. «Наше общество, — пишет профессор М. Баглай, — слишком сложно, чтобы допустить примитивный классовый подход к его структуре. Ни один класс, ни одна социальная группа не может жить без других. Этика и здравый смысл настоятельно требуют признать полное равенство возможностей всех членов общества, а в качестве гегемона объявить не какую-то группу людей, а нравственную позицию и сильный интеллект. Кому бы они ни принадлежали. Ведь авангардная роль — это роль людей, способных идти в авангарде, отвечать ожиданиям народа»¹⁶.

О плодотворности высвечивания приоритетов общечеловеческих ценностей, нравственных аспектов конкретных исторических событий убедительно свидетельствует и опыт газет Среднего Урала. Такой подход позволил по-новому оценить события, связанные с расстрелом царя и его родственников в Екатеринбурге, Пермь, Алапаевске в июле 1918 года¹⁷. На страницах местных газет было предоставлено слово историкам, работникам архивов. Специальный корреспондент «Вечернего Свердловска» В. Зайцев провел журналистское расследование, связанное с тайной захоронения убитых¹⁸. Он впервые предал гласности секретную стенограмму выступления коменданта «Дома особого назначения» Я. Юровского на совещании старых большевиков в Свердловске 1 февраля 1934 года, более полувека хранившуюся в облпартархиве с грифом «совершенно секретно». Именно журналист, а не историки, первым обнаружил и обнародовал документ, проливающий свет на расправу и место захоронения членов царской семьи. Из этих публикаций видно, что в обстановке гражданской войны классовые интересы взяли верх над нравственными ценностями.

Отношение к человеку, как к «винтику» исторического процесса, привело к гибели миллионов людей в годы коллективизации, в период массовых репрессий, Великой Отечественной войны. Анализ уральской печати показывает, как велика роль прессы в формировании уважительного отношения к каждой человеческой личности. Проблема реабилитации незаконно репрессированных граждан находит отражение на страницах «Уральского рабочего», «Вечернего Свердловска» и других городских и районных газет. Только

¹⁵ Александр Яковлев: один час в ТАСС // Урал. рабочий. 1991. 3 сент.

¹⁶ Баглай М. Мораль и политика // Сов. культура. 1989. 27 июля.

¹⁷ От ареста до расстрела // Урал. рабочий. 1990. 16, 23, 30 сент.; Зайцев В. Последние дни Михаила Романова // Веч. Свердловск. 1991. 21. 22 мая; Он же. 23 ступени в смерть // Там же. 16 июля; Он же. Тайна старой штольни // Там же. 17 июля; Новоселов Е., Корюкин И. Алапаевская трагедия // Алапаевская искра. 1991. 4 янв.

¹⁸ Зайцев В. Тайна царской могилы // Веч. Свердловск. 1991. 26 сент.

с 1935 по 1940 годы на Среднем Урале было незаконно репрессировано и осуждено примерно 35 тыс. человек, половина из них подвергнута высшей мере наказания¹⁹. Городской газетой «Вечерний Свердловск» опубликовано свыше 30 страниц «Книги памяти жертв сталинских репрессий», много очерков о репрессированных. Эти публикации возвращают истории и ныне живущим многие забытые имена, заставляют задуматься о масштабе нравственных и интеллектуальных потерь, которые общество понесло в результате репрессий.

За последние годы заметно выросло самосознание народа, тяга к историческим корням. Интерес к истории выразился в восстановлении исторических названий городов. Вновь появились Санкт-Петербург и Екатеринбург, Нижний Новгород и Мариуполь, Луганск и Владикавказ. На страницах «Уральского рабочего», «Вечернего Свердловска» прошли дискуссии по поводу восстановления исторического названия Свердловска — Екатеринбург. В ходе дискуссий высказали свое мнение и свои аргументы как сторонники, так и противники возвращения городу первоначального названия. Из публикаций Д. Лившица, В. Баева²⁰ горожане узнали кем, в честь какой Екатерины назван первоначально их город, в какие годы и почему был переименован, т. е. стали обладать информацией ранее им неизвестной, которая позволяет принимать компетентные и взвешенные решения.

Формированию исторического сознания способствуют краеведы, активно выступающие на страницах уральской прессы. Постоянными являются рубрики «Краеведы в поиске» в «Уральском рабочем», «Копилка краеведа» в «Вечернем Свердловске», тематическая страница «Краеведческая шкатулка» в «Тагильском рабочем». В их публикациях широко представлена история Уральского края, его городов, сел и, конечно, земляков. С большим интересом читается серия очерков краеведа-исследователя Н. Мезенина о пяти поколениях династии Демидовых²¹, «Ожившие страницы истории» о истории Верхотурского уезда²² и т. д.

Публикуя материалы на исторические темы, редакции газет Среднего Урала используют большой жанровый диапазон: статьи и очерки, отчеты с заседаний за «круглым столом» и «Дискуссионной трибуны», тематические страницы, заметки и интервью.

Анализ опыта центральной и местной печати показал, что действенность публикаций в прессе на исторические темы огромна, хотя ее трудно измерить. Иногда она проявляется в восстановлении

¹⁹ Ассоциация жертв репрессий // Урал. рабочий. 1991. 23 мая.

²⁰ Баев В. Как Екатеринбург стал Свердловском // Веч. Свердловск. 1990. 2 июля; Лившиц Д. День первых имен // Там же. 18 авг.; Он же. Как Екатеринбург не переименовали в Екатериноград // Там же. 1991. 7, 8, 9 авг.

²¹ См.: Урал. рабочий. 1990. 2 сент., 29 нояб.; 1991. 26 янв., 12 марта, 25 апр.

²² См.: Новая жизнь. 1990. 17, 31 янв., 14, 16 марта.

чести и достоинства репрессированных, организации сбора средств на создание Мемориала жертвам сталинских репрессий. Но еще большая их эффективность связана с воздействием на сознание человека, формированием у него способности мыслить исторически т. е. рассматривать реальную действительность во всех трех временных измерениях — прошлом, настоящем и будущем. Историческое сознание, основанное на полной информации о прошлом, позволяет понять современность и заглянуть в будущее.

В. Г. КУЛИНИЧЕВ, В. В. ТУЛУПОВ

Воронежский университет

О НЕКОТОРЫХ ТРАДИЦИЯХ 20-х ГОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕЧАТИ

В содержании современных газет заметно обнажилась коммуникативно-управленческая природа самого мобильного периодического издания. Газета сегодня предпочитает деловой подход: для нее важен человек, социальная роль которого ясно осознана журналистом, читателем и самим героем. В центре внимания — факт, но не сам по себе. Функциональность пронизывает материал от рубрики до подписи автора. Пришло время жесткого анализа, обобщений, комментария. Этому способствует и все увеличивающийся поток ранее неизвестных документов, первоисточников. Журналисты, в том числе и местные, оперируют цифрами и фактами, касающимися не только района, города, но и края, региона, страны, мира. Необходимость совершенствования социального управления и более активного включения в систему управления самих средств массовой информации невольно проявляется в каждой газетной строке. Устанавливается прямая связь между пропагандистской и организаторской функциями прессы.

Аналитические материалы, занимающие порой значительную часть газетного листа, органично сочетаются с большим числом информационных материалов малых размеров. Последние чаще всего монтируются в подборки, в единый образ так называемой «актуальной изменчивости». Графически оправданное соседство комментариев и хроники приобретает специфический характер, ведет к взаимопроникновению жанров. Газета, заинтересованная в самом быстром и определенном коммуникативном воздействии, стремится к наиболее полному комментированию фактов. Но современный читатель не любит «разжеванных» материалов, он — и это доказано социологами — лучше воспринимает многозначные сообщения. Такое противоречие может быть снято реализацией сложной профессиональной задачи: писать просто, но не упрощать,

решать вопросы выразительности, а не только изобразительности. И это тоже знак времени.

Лучшие газеты сегодня отличаются ясностью и упорядоченностью тематической структуры, подбором и распределением рубрик по полосам, унификацией и простотой средств графического оформления материалов, заголовков, иллюстраций. Конструктивная строгость внешнего облика, рациональность формообразования — вот к чему стремятся передовые издания. При этом используется ограниченное количество полиграфических средств, что дает экономию времени, труда работников секретариата и типографии, а лаконичность обеспечивает выразительность самой формы издания. Стремление к простоте оформления при усложняющемся содержании газет не является противоречием. Наоборот, сложность содержания как бы компенсируется простотой формы, помогающей читателю быстро и целенаправленно ориентироваться в материалах газеты (функция оперативного управления читательским вниманием и мнением). Поэтому важно рассматривать весь процесс создания газеты — от замысла отдельной публикации до экспедирования издания — в диалектическом единстве и противоречиях, как целостный социально-деятельностный акт.

В истории имели место прецеденты, когда вопрос о газете как о целостной динамической системе ставился особенно остро, когда дизайнерская тенденция выражалась «в сознательном стремлении к разработке методов оформления массовой полиграфической продукции самыми экономными и целесообразными полиграфическими средствами», когда для оформителей было характерно повышенное внимание «к выражению особенностей издания различного типа, прекрасное знание издательского и типографского дела, фотографии и фотомонтажа, яркая агитационно-пропагандистская направленность»¹. Мы имеем в виду 20-е годы, когда с одинаково острым чувством новизны происходящего в истории преобразовывались и содержание, и форма, и организация литературного труда в целом. «В известный период определенные формы употребляются широко, потом их вытесняют другие, и они отступают на задний план или вообще исчезают, а впоследствии снова возвращаются в практику, хотя и в измененном виде. Это относится прежде всего к жанрам, но в известной степени и к другим выразительным формам: графическому оформлению, тону изложения, стилю, словарю, иллюстрациям»². Подобные явления объясняются цикличностью развития журналистских приемов. Циклы же обуславливаются определенными социально-историческими предпосылками. Так реализуется в журналистике диалектическая схема спиралевидного восходящего развития. При обращении к 20-м годам нас интересуют поиски стиля представителями левого фронта искусств, в част-

¹ Ляхов В. Н. Оформление советской книги. М., 1966. С. 32.

² Георгиев Д. Режиссура газеты. М., 1979. С. 32.

ности конструктивизма. Думается, что именно это направление, являвшееся «выражением... повышенного внимания к технико-организационным вопросам»³, влияет на современную журналистскую практику, проявляясь в упомянутом выше стремлении к единству содержания, оформления и всего технологического цикла выпуска газеты⁴.

Конструктивизм охватил скульптуру, поэзию, кино, театр, но в большей степени все лучшее, чем он располагал, проявилось в архитектуре, фотографии, оформлении печатных изданий, дизайне. Например, опыты первых дизайнеров-конструктивистов нашли практическое воплощение в интерьерах жилых и служебных помещений. Работы фотографов и оформителей-конструкторов книги до сих пор воспринимаются как современные⁵. Небоскребы из стекла и бетона, построенные по проектам братьев Весниных, украшают проспекты и бульвары современных городов. Хорошо сказал о конструктивизме С. Кирсанов: «Я смотрю на плакаты, обложки, фотографии, эскизы вещей Александра Родченко, и вспоминаю стихи Маяковского, бурные споры в Политехническом музее, театр Мейерхольда, кино Эйзенштейна и Дзиги Вертова, скульптуру Татлина и архитектуру Весниных, ситец Поповой и конструкции Гана, словом, передо мной разворачивается панорама эпохи отважных исканий искусства будущего, которое впервые создавали эти люди»⁶.

По словам самих левовцев, художники и оформители наиболее близко подошли к теоретическому идеалу: подчинению всех видов искусства задаче производственной — украшению быта. Тем более что «с самых первых послереволюционных лет в нашей стране была сделана установка на активное включение художников в сознательную работу по реализации государственных социалистических принципов в области производства, торговли, культурно-просветительской работы»⁷.

Возникновение конструктивизма в нашей стране было закономерным: эстетическое освоение новых материалов, поставляемых научно-техническим прогрессом, освоение новых форм, литературных, архитектурных, полиграфических, отвечало времени, насыщен-

³ Из декларации конструктивистов (1924). Цит. по: Из истории советской эстетической мысли. М., 1967. С. 48.

⁴ Говоря о левом фронте искусств, мы подразумеваем такие явления, как ЛЕФ, Пролеткульт, литфронт, конструктивизм. ЛЕФ — отдельная группировка, действовавшая в рамках левого фронта искусств. Конструктивизм так или иначе стыковался с ней. Так, первая декларация конструктивистов была помещена в журнале «ЛЕФ».

⁵ См.: Абрамова А. Наследие ВХУТЕМАСа // Декоративное искусство. 1964. № 4. С. 12.

⁶ Кирсанов С. Искусство смотреть вперед // Сов. фото. 1962. № 2. С. 25.

⁷ Ляхов В. Н. Актуальные проблемы современной советской рекламной графики // Интерпрессграфик. 1975. № 1. С. 1. Парадокс в том, что понятная сегодня опасность этого процесса сочеталась с тем, что объективно «русский авангард был мощной духовной антитезой набравшему силу тоталитаризму». См.: Новиков Вл. Дефицит дерзости. Литературная перестройка и эстетический застой // Октябрь. 1989. № 3. С. 189.

ному предчувствиями и ожиданием перемен. Хотя конструктивизм ошибочно рассматривал «современную производственную технику» как «базу», непосредственно определявшую «надстройку», «способы идеологических представлений», в том числе и искусство»⁸, очевидно, что конструктивистская полиграфия, дизайн, архитектура, декоративная живопись, прикладная графика действительно находятся в близком родстве с «современной производственной техникой».

Рассмотрим подробнее эстетику «левого» искусства в области содержания и формы.

Остро чувствуя время, представители левого фронта искусств, видимо, понимали ограниченность практического применения своих теоретических деклараций. Объективно они отдавали предпочтение документальной литературе, газетно-журнальной публицистике. «Эстетика «левого» искусства оказалась наиболее плодотворной (если говорить о литературе) именно в тех жанрах, природа которых зиждилась на средствах «выразительных», но не «изобразительных». В разработке этих «открытых» стилевых форм (публицистика, очерк, репортаж, агитискусство) заслуга левовцев не может не быть принята во внимание»⁹. Правда, следует отметить, что предпочтение «литературы факта» перешло в решительное отрицание традиционных форм искусства: «... вместо бытовой литературы... необходима литература быта, вместо так называемой художественной прозы — журналистика, газетные корреспонденции, дневники, мемуары, письма, заметки, обзоры, хроника, протоколы и т. п. — литература практическая, непосредственно утилитарная»¹⁰. Однако апологеты «литературы факта» стали полезными возбудителями будущих дискуссий об очерке, о факте и вымысле, были по сути разработчиками методики отражения конкретного жизненного материала в журналистской и документально-художественной литературе.

Конструктивисты считали, что «нужно перевоспитывать мышление человечества, нужно организовать методы социального воздействия в строгом соответствии с темпом современности, нужно их механизировать»¹¹. И в этом стремлении было единство конструктивизма. «Единение было здесь не в «локальном приеме», не в гимнах технике, не в одах инженерам (как уверяют иные литературоведы), единство было в общей ненависти к литературе бескрылой, стелющейся, штампованной, как резиновая подошва. В отвращении к банальному образу человека, явления, слова. К литературному хламу, литературной беспомощности. В остром чувстве нового, быющего в облака»¹².

Все это узнаваемо и соответствует сегодняшнему отрицанию

⁸ Селивановский А. В литературных боях. М., 1963. С. 481.

⁹ Беляя Г. А. Закономерности стилевого развития советской прозы. М., 1977. С. 120.

¹⁰ Арватов Б. Искусство и классы. М., 1923. С. 314.

¹¹ Глэбова Т. Дальнейшее // Кино-фот. 1923. № 5. С. 3.

¹² Габрилович Е. Четыре четверти. М., 1975. С. 133—134.

формализма, склонности к политической трескотне, идеологических штампов, механического повторения общих истин в журналистских произведениях, ведь характер нынешнего перестроечного времени во многом сродни индустриальному пафосу послереволюционных лет.

Тотальное наступление на книгу как традиционную форму искусства слова, попытка внести в эту форму «принципы, отвоеванные на опыте газетного листа» (В. Маяковский), не удалась. Но удалось другое: освоение самого газетного листа и внесение методов журналистики в практику поэтов, прозаиков, сценаристов, драматургов, которые освоили репортерские способы добывания, изучения, социально-философского осмысления жизненного материала.

Конструктивисты шли в газету, и именно здесь дала о себе знать технология извлечения образа из факта, стремление точно соотнести содержание произведения с типом издания, умение сблизить искусство с повседневной жизнью страны.

Вот, например, Б. Агапов. «Это ему поручали некогда конструктивисты всю тяжесть публичных выступлений... Он писал стихи, правоверные с точки зрения конструктивизма, как примеры из хрестоматии. Всякий, кто вздумает изучать литературный конструктивизм в его чистом виде, в его классических методах, должен будет обратиться к Агапову», и вдруг «он вышел из номенклатуры литературных журналов. Диспуты и собрания лишились его. Он исчез. Потом появились его газетные подвалы. Он стал журналистом»¹³. Стал журналистом и Е. Габрилович — в разные годы он был штатным корреспондентом «Вечерней Москвы», «Правды», «Известий», «Красной звезды», автором «Наших достижений», где публиковались и другие вчерашние «левые»: В. Перцов, Б. Кушнер, Н. Панов. Активным очеркистом становится С. Третьяков, отправляется на посевную кампанию в Среднюю Азию В. Луговской, в качестве корреспондента «Правды» находится в арктической экспедиции О. Ю. Шмидта на ледоколе «Челюскин» недавний лидер конструктивистов И. Сельвинский.

В процессе этой работы меняются творческие взгляды писателей. Например, Б. Агапов требует от коллег диалектического подхода к соотношению факта и идеи: «... Типичным и общим у нас является прежде всего скудость мысли, которую мы маскируем то так называемой «оперативностью», то пресловутой «точностью фактов». Дурно понятая оперативность есть один из любимейших видов наших способов оправдываться... Оперативность не упрощает задачу, а усложняет ее... События и люди, пейзажи и описания есть прежде всего метод доказательства идей, как с другой стороны и в иной последовательности идея есть результат и обобщение фак-

¹³ Габрилович Е. Писатель-журналист // Наши достижения. 1934. № 5. С. 150.

тов, людей, пейзажей — всей жизненной практики»¹⁴. Наконец опыт публицистики переносится в художественное творчество многих писателей — бывших конструктивистов. Такова судьба конструктивистских идей в области содержания творчества. Обратимся к идеям в области формы.

Конструктивисты рассматривали газеты и журналы не только как чисто литературные формы, но и как своеобразные конструкции. Ю. Тынянов писал: «Мы не безразличны к монтажке газеты и журнала. Журнал может быть по материалу хорош, и все же мы можем его оценить как бездарный по конструкции, по монтажке и потому осудить как журнал»¹⁵. И в этом плане были достигнуты немалые успехи. Так, в журнале «СССР на стройке», где сотрудничали А. Родченко и Л. Лисицкий, именовавшиеся оформителями-конструктивистами, эффективно использовался монтажный метод. По поводу одного из номеров этого журнала, посвященного лесоторговле и смонтированного Александром Родченко, за рубежом писали: «... Никогда ничего подобного этой книге по поводу лесной торговли не издавалось. Достижения Советского Союза не ограничились промышленной областью... Если есть чем гордиться в лесоторговле, то не меньше оснований для этого есть и в области фотографии, расположения материала, в искусстве печати»¹⁶. Отметим кстати, что Родченко «имеет не только для советской, но и для мировой фотографии такое же значение, как Эйзенштейн для фильма или Маяковский для поэзии»¹⁷.

Конструктивисты пропагандировали оформление печатных изданий исключительно средствами полиграфии, вводили принцип минимальности затрат и максимума целесообразности, разрабатывали методы оформления, повышающие «полезное действие предмета», т. е. газеты, журнала, книги. Подчеркнем, что для газеты, на производство которой отводится немного времени, особенно важно оптимальное сочетание рациональности и красоты, утилитарного и эстетического, что было понятно в 20-е годы. В справочной книге «Газетный и книжный мир» отмечается: «Влияние «конструктивизма» сказывается в газете в форме пользования линейками разных размеров, в заголовках»¹⁸. Справочник напрасно сводит конструктивистские методы к линейкам и заголовкам. Кроме того, несправедливо его утверждение, что эти методы недоступны газете в силу спешки, в которой она производится. Уже тогда оформители газеты достаточно активно применяли в своей работе конструктивистские принципы, новую графическую архитектуру

¹⁴ Агапов Б. Green fruit // Наши достижения. 1934. № 5. С. 148.

¹⁵ Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 26.

¹⁶ См.: Волков-Ланит А. Александр Родченко рисует, фотографирует, спорит. М., 1968. С. 32.

¹⁷ Linhart L. Alexandr Rodčenko. Praha, 1964. С. 34.

¹⁸ Газетный и книжный мир. М., 1925. С. 86.

молодой советской прессы отличали оригинальные и новаторские решения¹⁹.

В свое время утилитаризм в оформлении печатных изданий возник как реакция на украшательство. Затем, чтобы покончить с «формалистическими извращениями», оформители в азарте преувеличили роль эстетической функции и вновь пришли к украшательству, причем помпезность вполне соответствовала официозности содержания. Прошло время, изменилась общественно-политическая ситуация, эволюционировала и газетная графика. Накоплен богатый арсенал оформительских средств, способов подачи материалов, иллюстраций, заголовков, и из него можно отобрать то, что отвечает стилю сегодняшнего дня.

Современных газетных дизайнеров характеризует сознательное стремление связать свою деятельность с достижениями в области психологии восприятия и конкретной социологии. Они берут на вооружение принципы оформления массовой полиграфической продукции, испробованные на практике еще конструктивистами: целесообразность, плакатность, искусство набора, — дополняя все это различными выразительными средствами.

В 70-е годы имел место своеобразный оформительский бум — центральные и местные газеты обновляли свою графику. Начался этот процесс раньше — в 60-е годы, когда газета «Известия» возродила приемы, которые использовались известинцами 20-х годов: лозунги, «флаги», призывы, набранные крупными шрифтами, заголовки, выполненные двумя гарнитурами («Гермес-гротеск» и «Герольд»); светлые разделительные линейки, набор текста на стандартный формат. В 70-е годы «Известия» продолжают эти традиции. Д. Мамлеев, ответственный секретарь «Известий» в те годы, рассказывает: «Газета стала светлее. Строже по подбору шрифтов. Заголовки набираются в основном двумя гарнитурами («Москва», «Центральный»), что в конечном счете создает графическую целостность как каждой полосы в отдельности, так и всех вместе. В качестве отбивок используются только светлые и полужирные линейки. Изменился и принцип верстки: полоса теперь конструируется из блоков, без «частокола» и «саногов». Она тяготеет по преимуществу к вертикальной структуре построения. Оборки и разноформатизм сданы в архив»²⁰. Как видим, ясно прослеживаются параллели с 20-ми годами.

В середине 80-х годов все центральные газеты снова изменили

¹⁹ См.: Георгиев Д. Режиссура газеты. С. 13.

²⁰ Соколов А. Хроника одной полосы // Журналист. 1976. № 11. С. 27. Справедливости ради следует заметить, что, имея привлекательный внешний вид, «Известия» в 70-е годы тем не менее утратили популярность. Прямая причина этого — предпочтение информационных жанров перед аналитическими и художественно-публицистическими. Ложно понятая «формула газеты» (газета известий), эксплуатация формального приема, имеющего свойство «уставать», оттолкнули читателя. Самое интересное в рассматриваемом аспекте то, что неудачи в области содержания читатели отнесли на счет нового оформления газеты.

свой облик, и снова определял эти перемены принцип «минимум затрат — максимум целесообразности и выразительности», т. е. правило функциональности издания, «динамической геометрии» его внешнего облика, сформулированное конструктивистами. При компьютерном наборе и электронной верстке сохраняет актуальность конструктивистское требование использовать все возможности наборных, типографских элементов (типографизация газеты). Из 20-х годов дошли до нас стремление к мало- и одногарнитурности, преобладание «гротесковых» гарнитур в шрифтовом оформлении, контрастность и плакатность графики, предпочтение фотографии другим жанрам изобразительной журналистики.

В заключение отметим, что судьба традиций, восходящих к конструктивизму, сходна с общей судьбой авангарда 20-х годов. Поступившись свободой выбора, критических оценок, независимостью содержания во имя свободы формы, многие конструктивисты в итоге органично влились в тот культурный поток, который абсолютно нивелировал творческие индивидуальности. Идеологическое уравнивание всех и вся окончательно убило ростки эстетического протестантизма, в котором зоркий недремлющий глаз охранителей идеологии видел сопротивление и непокорность. Тот факт, что сделанное конструктивистами 20-х годов не погибло, сумело прорасти в сегодняшний день, не устраняет горького чувства трагичности нашей истории, однако оставляет надежду на то, что истинное творчество в конце концов всегда пробивает себе дорогу в жизнь.

А. Н. ФЕДОТОВА
Московский университет

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КОМПЛЕКСНОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Факультет журналистики Московского университета, Анненбергская школа коммуникаций Пенсильванского университета (Филадельфия) и Картеровский центр социальных исследований университета Эмори (Атланта) предприняли комплексное сравнительное исследование телевидения СССР и США. Изучается деятельность организаций, определяющих стратегические цели информационной политики, анализируется работа редакционных коллективов, журналистов, ведущих телепередач. Отдельно ставится задача исследовать содержание информационного потока, который является итогом, с одной стороны, стратегических заказов, формулируемых сферой управления, а с другой — реализации целей, имеющих у редакционного коллектива, телесети, отдельного журна-

листа. Методом исследования избран контент-анализ, выявляющий частоту интересующих ученого характеристик текста, что позволяет делать заключения относительно намерений автора произведения и относительно возможных реакций адресата.

Основные условия, которых требует такой анализ, состоят в следующем: нужна систематичность изучения объекта; его характеристики должны фиксироваться во всех избранных для анализа материалах; характеристики должны быть определены программой ясно и однозначно, так чтобы два исследователя, работающие по одной методике с одним и тем же массивом текстов, пришли к одному результату. Это, однако, не значит, что интерпретация полученных сведений будет у всех одинаковой. Например, точно определив набор тем телевизионных передач, мы можем оценить его положительно, тогда как другая сторона увидит в этом наборе какие-то минусы. Если результаты исследования опубликовать, сторонний наблюдатель, возможно, сделает свои выводы, отличные от первых двух оценок. Но любая из этих интерпретаций должна опираться на безукоризненно точно собранный материал.

Проиллюстрируем эту разницу в оценках таким примером. Венгерский литературовед и социолог Э. Ханкиш по ряду характеристик сопоставляет венгерское и американское телевидение и отмечает, что для американского телевидения характерны веселость, оптимизм, изображение окружающего мира как в конечном счете справедливого, а для венгерского — хмурость, пессимизм, показ «жизненных ситуаций, отнюдь не способствующих укреплению в человеке веры в справедливость»¹. Но вот мы знакомимся с результатами анализа «Массовые коммуникации и доверие общественности», проведенного Ганнетовским Центром по исследованиям массовых коммуникаций Колумбийского университета США. Анализ зафиксировал бытующее в отдельных группах американцев мнение, что средства информации США больше обращают внимание на негативные явления и недостаточно сообщают о хорошем². Мы не сможем ответить на вопрос, какое мнение истинно: просто две оценивающих положение дел стороны по-разному трактовали проблему, сколько надо сообщать «плохого», чтобы картина все-таки оставалась хорошей.

Итак, предпринимается комплексное сравнительное исследование советского и американского телевидения. На встречах двух исследовательских коллективов в Москве (дек. 1987) и в Атланте (май—июнь, 1988) было решено, что для исследования будет взято по одной передаче из информационного цикла, публицистики и развлекательных программ Центрального телевидения и по одной

¹ Ханкиш Э. В кривом зеркале?: О воздействии венгерских и американских телепрограмм // Иностр. лит. 1988. № 6. С. 217.

² The Media and the People. American's Experience with the News Media: A Fifty-Year Review, Working Paper, Gannett Centre for Media Studies, Columbia University, 1985. P. 6.

передаче тех же жанровых характеристик какой-либо коммерческой телесети США (Эй-би-си, Эн-би-си, Си-би-эс). Задачи исследования можно сгруппировать так: 1) изучение деятельности источников информации для обмена профессиональным опытом и для обучения студентов-журналистов профессиональному мастерству; 2) изучение деятельности источников информации по освещению встреч руководителей СССР и США; 3) изучение деятельности телевидения двух стран по созданию экранных образов друг друга как политических и идеологических контрагентов; 4) сравнение телевидения двух стран в плане усилий по созданию новых приоритетов в социальных ценностях «своего» и «другого» общества.

Какие характеристики эфирной информации следует фиксировать, чтобы решить перечисленные задачи? В первую очередь — их функции, темы, качества ведущих и их влияние на адресата.

Телепередачи выполняют три главных функции: информирующую, развлекательную и утилитарно-прагматическую. В информационных передачах содержание подается как сумма сведений о реальном внеэкранном мире. Развлекательная передача рассчитана на эстетическую реакцию зрителя, на релаксацию, снятие напряжения, при этом часто зрителю специально рекомендуется потреблять такие передачи в часы досуга. Утилитарно-прагматические передачи предусматривают конкретное ответное действие адресата. По этому признаку объединяются объявления о погоде («возьми зонт, будет дождь»), ритмическая гимнастика («делай с нами»), реклама.

В реальных передачах эти функции сосуществуют. Покажем это на ряде примеров. В свое время зрители активно возражали против того, что по программе «Время», рассчитанной на часовые пояса европейской части СССР, передается прогноз погоды только для данных областей Союза. И среди аргументов были такие: «Нам интересно знать, какая погода будет там, где живут наши близкие, а они живут за Уралом», «Нам интересно знать, какая будет погода в районах свеклосеяния, — там закладывается основа будущего урожая», «Нам просто интересно знать, где сегодня самая холодная, а где самая жаркая погода». Или возьмем рекламу. Иногда она подвостычивается к информационному сюжету таким образом, что составляет с ним одно целое. Советские зрители могли видеть фрагменты американской рекламы во время телемостов с США. Элементы, роднящие ее с развлекательными передачами, в ней налицо: ритм зрительного ряда, музыкальное оформление, песни, танцы. Воздействие этого рекламного потока на советских зрителей выходит за рамки утилитарной цели представить продукт, предназначенный для продажи. Об этом говорят результаты экспресс-опроса студентов-журналистов, проведенного кафедрой телевидения и радиовещания МГУ после первого телемоста «Конгресс США — Верховный Совет СССР» (15 окт. 1987). Был задан вопрос: «В ходе телемоста впервые на нашем экране были показаны

образцы американской рекламы. Как они повлияли на ваше восприятие американцев?» Ответы распределились следующим образом (%):

представление о них осталось таким же плохим, как и было	8
представление о них осталось таким же хорошим, как и было	26
представление о них изменилось в худшую сторону	4
представление о них изменилось в лучшую сторону	26
затрудились ответить	36

Интересен анализ и развлекательных программ, среди которых, по многолетним наблюдениям советских социологов, наиболее популярными являются фильмы³. Фильм как жанр искусства стоит в ряду других форм, построенных на фабуле, за что ему и уготована стойкая и массовая любовь, как ранее библейскому сказу, народной сказке или былине, а позднее — роману. Социологический анализ фильма на телевидении интересен, в частности потому, что картина прокламирует определенные духовные ценности, выдавая их аудитории в оболочке привычных, повседневных моделей поведения, мышления, эмоционального реагирования. Опираясь на весь этот социально-психологический запас привычек, настроений, мотиваций, норм и ценностей, кино апеллирует к преобладающим в аудитории моделям мышления. Вот почему так мала доля непреодолимого в наследии кино, вот в чем аналогия кино со средствами массовой коммуникации. Поэтому сопоставительный анализ содержания таких развлекательных программ на советском и американском телевидении важен и должен быть осуществлен.

Кроме функциональной характеристики, должна исследоваться тематика телепередач. Глядя на общество сквозь тексты массовых коммуникаций, социолог имеет перед собой сферы общественной жизни в их институционализированном виде. Выяснив внимание коммуникаторов к каждой из них, мы представим информацию расчлененной на определенные темы. Среди них есть традиционные: промышленность, сельское хозяйство, транспорт, связь, энергетика, спорт, искусство. Есть также и вновь возникающие темы, вносящие в информационный поток дополнительную степень дробности. Таково, например, освещение встреч в верхах: обсуждение вопросов сокращения вооружений, проблемы прав человека, реакция других стран на встречу, выгоды договора для СССР и США, перспективы сотрудничества.

Немаловажна для изучения и такая тема, как передачи двух стран друг о друге. Исследование образа «другой» страны осуществляется в рамках более широкой цели — выяснение того, о каких странах вообще информирует то или иное телевидение, какую политическую карту мира воссоздает оно для своей аудитории. Социо-

³ См.: Фирсов Б. М. Ваше мнение о телевидении. М., 1969. С. 130; Фомичева И. Д. Журналистика и аудитория. М., 1975. С. 77; Капелюш Я. С., Сазонов В. В., Федотова Л. Н. Учреждения культуры в небольшом городе и население. М., 1985. С. 41.

логи неоднократно оценивали культурологическую политику США как гомогенную, однородную: в течение многих недель в Америке можно не увидеть на телеэкране ни одной документальной или художественной ленты, созданной за рубежом. По результатам исследовательского проекта ЮНЕСКО (1973), доля импортных программ в общем времени телепередач для разных стран составляла (%) ⁴:

США (16 коммерческих телецентров)	1
США (18 образовательных телецентров)	2
Япония (Эн-Эйч-Кей)	4
Франция	9
Англия (Би-Би-Си)	12
Англия (независимое ТВ)	13
Италия	13
ФРГ (А-Эр-Ди)	23

Особенность задачи, поставленной в совместном советско-американском исследовании телевидения, заключается в том, что помимо объема вещания друг о друге фиксируется, какое отношение к противоположной стороне выражают «человек телевидения» (репортер, комментатор, ведущий) и его собеседник (выступающий, «герой»). Отметим также, что информация о другой стране в целях более тщательного описания расчленена на три подтемы: страна в целом; отдельные лица, группы лиц; отдельные события; прошлое страны.

Следующая характеристика анализируемых передач — их ведущие и герои: из каких слоев общества попадают они на телеэкран, в какой мере представляют общество в целом, в какой мере сопоставимы выявленные структуры, когда речь идет о телевидении разных стран. Такая информация при всей ее лаконичности может быть очень выразительной. Так, сравнивая одну только эту характеристику в деятельности программы «Время» в 1984 и в 1987 годах, мы получили весьма точное представление о процессах, которые происходили в нашем обществе. В 1984 году среди выступавших в программе оказалось: 31% политических лидеров, 18 — руководителей предприятий, колхозов, учреждений, главных специалистов, 7 — творческой интеллигенции, 5 — руководителей подразделений предприятий, колхозов. В 1987 году мы имеем иное распределение: 5% — политические лидеры, 28 — руководители предприятий, колхозов, 11 — творческая интеллигенция, 12 — руководители подразделений предприятий.

Мы упомянули только выступающих. Но телевизионный экран более многолик: здесь есть и другие действующие лица, о которых говорят, на которые ссылаются, все субъекты деятельности, ставшей предметом внимания средств массовой коммуникации. Кто эти лица по полу, возрасту, национальности, профессии? С какой мерой полноты и объективности телевидение отражает социальную струк-

⁴ Сосновский А. В. Буржуазное телевидение как средство идеологического воздействия // Социол. исслед. 1977. № 1. С. 111.

туру общества? Изучить «население» телевизионного экрана чрезвычайно важно, так как известно, насколько опасно противопоставление, негативное изображение различных социальных групп, даже простое нарушение баланса внимания к ним для общественного согласия. Еще одно доказательство важности данной характеристики — ее способность объяснить ту эволюцию, которая произошла в американском телевидении за последнюю четверть века.

Усиление роли кабельного телевидения, использование на дому видеокассет, появление независимых телевизионных станций породили мощную конкуренцию общенациональным сетям США. Если раньше аудитория трех коммерческих телесетей в самое «смотрибельное» время составляла 90%, то за период с 1978 по 1983 год она сократилась до 70. В последние годы национальные телесети стали ощущать еще более мощного конкурента — местное вещание. Когда видеозапись пришла на смену кинопроизводству и новости стали передаваться оперативно, местные студии начали использовать компьютеры для графического оформления новостей, карт погоды и для подключения эфира к передаче информации с места события. К 1970 году по крайней мере 50 станций в США использовали форму «Новости глазами очевидца», рожденную в Филадельфии. Суть ее в том, что несколько корреспондентов находятся на линии живой связи с ведущим в студии. Именно тогда зародился стиль неформального общения на экране, отличный от того, какой был принят на телеэкранах общенациональных сетей. Например, во время раскованного рассказа обозревателя о необычном для тех мест снегопаде репортеры принесли в студию снежки и закидали ими ведущего. Этот стиль пришел на смену манере ведущих, которые не говорили, а изрекали.

Аналитики отмечают, что, при всех внешних переменных, само содержание новостей отнюдь не улучшилось. Просто неукоснительно стала соблюдаться формула: «Плохая новость или хорошая, вы почувствуете себя лучше, если услышите ее из уст веселых, дружелюбно настроенных к вам людей». После того как местные станции подключились к спутниковой системе связи и получили возможность иметь своих репортеров в любой точке земного шара, они могут удовлетворить интересы всех своих зрителей. Например, если в местности много выходцев из Италии, местное телевидение подробно рассказывает, допустим, о землетрясении в Италии. Общенациональные телесети осознали, что не могут вести свои передачи, не учитывая деятельность местных студий, и тогда сменили форму: сообщению о событии сопровождается теперь более развернутыми аналитическими комментариями, проводятся многосерийные исследовательские репортажи, интервью между ведущими и репортерами с мест, с живым включением их в программу.

Наконец, последняя характеристика, к которой мы обратимся, — это влияние передачи на аудиторию. Влияние телевидения на чело-

века существует в ряду других влияний, которые индивид испытывает на себе с момента появления на свет. На ранней стадии социализации индивид осваивает так называемую структурную информацию⁵. С помощью традиционных типов общения (межличностное общение в семье, в малой группе) закладывается ядро личностной структуры: установки, убеждения, ценностные ориентации. В дальнейшем устойчивое положение индивида в обществе обеспечивается фундаментальной информацией, поступающей к нему по каналам специальных коммуникаций (такова, например, профессиональная информация). Массовая коммуникация включает индивида в большой мир оперативной информации. Массовая коммуникация, сталкиваясь с конкретным потребителем, взаимодействует с уже имеющейся у него структурной и фундаментальной информацией и сообщает новые сведения, когда речь идет о вещах, не имевших места в жизненном опыте этого человека.

Массовое сознание в целях приспособления к потокам информации, циркулирующим в обществе, вырабатывает различные механизмы — стереотипы, апробирует сведения в межличностном общении. Однако в определенных условиях сознание человека оказывается беззащитным перед средствами массовой коммуникации. Это случается именно тогда, когда говорится о сферах общественной жизни, далеких от непосредственного опыта индивида. Покажем влияние телевидения на человека на двух примерах.

В публицистике, в научных статьях мы довольно часто встречаемся с мнением, что насилие на экране и насилие в жизни связаны напрямую как причина и следствие. В реальности эти связи имеют более сложный характер и подчиняются, по выражению статистиков, закону «нормального распределения»: одних насилие на экране отвращает от насилия в жизни, другие воспринимают его как руководство к действию. Указанная противоречивость воздействия телевидения на человека хорошо проявляется в описаниях того, как освещалась вьетнамская война на американском телеэкране. Первоначально было запланировано серией передач вызвать у «простого американца» сочувствие к парням, воюющим во Вьетнаме, создать благоприятное общественное мнение об этой войне. Но для нации, давно не видевшей своими глазами ужасов настоящей войны, почти постоянное их присутствие рядом с семейным очагом оказалось катализатором антивоенных настроений. Постепенно сквозь ежедневную порцию военного кошмара проступил вопрос: а за что, собственно, умирают наши парни? В отношении значительного числа зрителей к вьетнамской хронике произошел перелом⁶. Об этом явлении интересно рассуждает известный фотомастер В. Генде-Роте: «Несколько лет назад мы с американским режиссером Милошем Форманом разговаривали о фотографии, ее общественном значении. И он сказал тогда, что огромную роль в развитии

⁵ См.: Левада Ю. А. Лекции по социологии. М., 1969. Вып. 2. С. 10—13.

⁶ См.: Туровская М. Телевидение и оно // Иностран. лит. 1973. № 4. С. 248.

пацифистских, антивоенных настроений в американском обществе во время вьетнамской войны сыграли как раз средства визуальные: кинохроника, телевидение и особенно документальные фотографии. Такие, скажем, как известные всему миру кадры: расстрел вьетнамского патриота, или полыхающие соломенные хижины, или люди, обожженные напалмом, и, что особенно сильно потрясло американцев, они увидели, как их мальчики плачут на войне. «Если бы, — сказал тогда Форман, — советские средства массовой информации печатали правдивые фотоматериалы о вашей афганской войне, то война эта давно бы кончилась»⁷.

Второй пример касается телемостов СССР—США. Когда представители широких общественных слоев получили возможность непосредственного общения, зрители сразу положительно оценили такое обогащение своего жизненного опыта. «Я отказался от взгляда на них как на врагов» — это мнение является самым важным результатом упомянутых телепередач.

Объективный, систематический анализ передач советского и американского телевидения снабдит исследователей точным знанием деятельности редакций и отдельных журналистов, позволит нашим странам лучше узнать друг друга.

А. М. МАЙДАНОВА
Уральский университет

СЛОВО О ПОНЯТИИ И СЛОВЕ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Наше время — это время переоценки ценностей. Отсюда острая общественная потребность в новой информации, в новых подходах к решению старых, давно назревших проблем. И самыми оперативными поставщиками актуальных фактов, идей и вопросов являются печать, радио и телевидение.

Углубленное изучение исторического опыта, как собственного, так и зарубежного, связано с притоком новых и с переосмыслением известных понятий. Поскольку понятия обозначены словами, эти процессы затрагивают и язык: появляются новые слова, изменяются значения существующих слов. В сложившихся условиях мы становимся очень чуткими к слову. Вдруг обнаруживаем неожиданный смысл в строке «Интернационала», и тогда газета сообщает нам, что до 40-х годов звучала эта строка отнюдь не столь кровожадно: «Весь мир насилья мы разроем». Автор комментирует: «Согласитесь, что здесь не только прекрасная рифма, но и смысл иной, не злобещий: он вселяет надежду. Диалектика борьбы со старым, отжившим — в том, что из его очищенных элементов мы можем построить новый мир. А вот после разрушения — материала для

⁷ Генде-Роте В. Свой ракурс // Сов. культура. 1990. 4 авг.

нового строительства может и не остаться» (АиФ. 1989. № 39. С. 3). Или вдруг мы присматриваемся к привычному термину «национально-русское двуязычие» и соглашаемся с Г. В. Старовойтовой: «Как будто русские — это уже не национальность» (За тяжелое машиностроение. 1989. 20 сент.).

Мы видим, что переоценка слов возникает потому, что мы на-прямую соотносим их содержание с реалиями сегодняшнего дня, наполняем их актуальным идеологическим смыслом¹. Как отметил один из исследователей языковой прагматики, «через наше использование языка мы создаем и демонстрируем свой собственный портрет»². То обстоятельство, что мы сегодня часто обращаемся к обсуждению слова, рисует наш коллективный портрет — портрет общества, пробудившегося к активной политической жизни. Мы рассмотрим, как слово о слове или понятии участвует в публицистической аргументации, выступая как тезис или аргумент доказатель-ства. Вначале обратимся к операции определения понятий.

Обычная сегодня функция названной логической операции — введение предмета речи (субъекта главного тезиса). Публикация «Неуставщина» (АиФ. 1989. № 44. С. 7) начинается с определе-ния термина:

«— Владимир Михайлович, объясните, пожалуйста, что подразу-мевается под неуставными взаимоотношениями, или «дедовщиной»?

— Скажу сразу, что однозначного определения пока нет. Я как военный психолог подразумеваю под неуставными взаимоотноше-ниями в широком смысле распространение (и существование) в армейских коллективах безнравственных, а по мере обострения — и противоправных посягательств (моральное и физическое давлe-ние) отдельных военнослужащих или групп на личность и права сослуживцев».

Интервью посвящено анализу этого явления, которое вначале получает четкое определение, а затем рассматриваются этапы его развития и пути преодоления. Определение, как уже было сказано, использовано для введения предмета речи, а частично и главного тезиса. Если сформулировать главный тезис полностью («неустав-щина — безнравственное и противоправное явление, отражающее сложное положение дел в нашем обществе и для своего устранения требующее изменения этого положения»), то мы увидим, что субъ-ект и первый предикат его выражены с помощью определения поня-тия. Кроме того, дефиниция выполняет в данном тексте и еще одну функцию. Определение дает специалист, преподаватель Военной академии им. В. И. Ленина. Собеседники не раз отмечают в раз-говоре, что на протяжении существования этого явления (с 20-х годов) о нем не спешили ставить в известность общество. И на

¹ См.: Крючкова Т. Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. М., 1989. С. 96.

² Блэк Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и модели-рование социального взаимодействия. М., 1987. С. 114.

этом фоне определение выступает как еще одно подтверждение того, что явление перестало замалчиваться, его наличие, его суть, его масштабы представлены читателю четко и открыто. Таким образом, прием «слово о слове» использован как средство убеждающего воздействия на читателя.

Нередки тексты или их относительно законченные части (главы), которые целиком посвящены определению понятия. В том же номере «Аргументов и фактов» первая глава публикации «К социальной гармонии» называется «О социализме» (С. 1). Вся она построена как рассуждение, ведущее к определению: «Социализм — это общество интеллигентных людей. Не просто рабочих, крестьян и интеллигенции, а прекрасно обученных и воспитанных интеллигентных граждан, труд которых независимо от рода занятий высоко механизирован и является преимущественно умственным, требующим постоянно новых знаний». Определение дано как вывод из ряда посылок и опровержений иных толкований данного понятия. В частности, к нему ведет такая цепочка суждений, заканчивающаяся вопросом:

«В рабовладельческом обществе основу производительных сил составил труд рабов, в феодальном (аграрном) — крестьян, в капиталистическом (индустриальном) — рабочих. А в социалистическом (постиндустриальном)?»

Затем на вопрос дается ответ, который отрицательно оценивается автором, после чего вводится указанное определение. Публикация эта и в других своих главах использует определения понятий. Так, во второй главе «О собственности» (С. 1—2) разводятся понятия «собственник», «владелец», «распорядитель» и «пользователь», а в четвертой «О государстве» (С. 2) дифференцируются понятия «государственная и общественная собственность». Все определения входят в систему аргументации как тезисы, затем некоторые из них используются как аргументы. Так, на базе понятий «собственник», «владелец», «распорядитель» и «пользователь» раскрывается сущность понятий «рынок» и «государство». На примере этой публикации видно, что мы уже стали отвыкать от затверженных формулировок, которые, не меняясь, кочевали из одной работы в другую, независимо от их тематики. Сегодня газеты и журналы дают нам возможность почувствовать диалектическую гибкость понятий, их способность актуализировать в одной ситуации одни признаки явления, а в другой — другие.

Определение понятия может выполнять аргументирующую функцию. В статье О. Мариничевой «До основания. А зачем?» (Комс. правда. 1989. 30 сент.) защищается понятие «идеал», а определение показывает, почему его надо защищать и сохранять:

«Нам нужно было это чувство, мы без него задыхались. Это было чувство всеобщности, породненности с человечеством, нравственное планетарное сознание, выход в которое давал коммунистический идеал с его идеей помощи и ближним и дальним — в масш-

табе всего человечества. Идеал — как духовная, нравственная сила, а не просто конкретная модель социально-политического устройства... Идеалы — понятие более глубокое, тонкое и сложное, чем идеологические схемы и формы управления государством. Они не вырастают в одночасье одни взамен других, они по природе своей, в отличие от политических доктрин, беззащитны, как беззащитны вера, надежда, любовь...?»

Кроме определения понятия, в аргументации сегодня активно участвуют метаязыковые характеристики, т. е. суждения о слове или языковом выражении. Пишущие обсуждают употребление, происхождение, окраску слова, вообще его жизнь в современных текстах. Метаязыковые характеристики могут быть мимолетными, выполняющими функцию мелкой детали в системе аргументации. Вот одно предложение из интервью М. Лукиной с Н. Эйдельманом «Строим дом сверху...» (Собеседник. 1989. № 45. С. 13): «Для того парламент и создан (от французского слова «говорить»), чтобы разные политические силы нашли общий язык». Тезис «Цель парламента в том, чтобы разные политические силы нашли общий язык» доказывается в интервью рядом фактологических аргументов (оценка выступлений Собчака, Гаер), и в этом ряду есть крошечный, но яркий «аргументик» — этимология слова «парламент», — который толкает нас к мысли: «Вот и пусть говорят, пусть узнают друг друга как можно глубже».

В статье А. Боссарт «А я остаюсь с тобою...» (Огонек. 1989. № 44. С. 30) метаязыковая характеристика использована для введения тезиса:

«Сотни тысяч отщепенцев — можно ли считать такое сочетание нормой русского языка? Наверное, можно. Русский язык гибок. Терпел же он такую норму, как «миллионы врагов народа». Это мой язык. И это мой народ, послушно владеющий своим терпеливым языком, пути которого так тяжело рвать».

В метаязыковой форме высказывается суждение о ненормальности, о сомнительности такой «нормы». Через несколько строк тезис получит прямую формулировку: «Когда сотни тысяч людей, пусть мы условно назвали их отщепенцами, идут на это — начинается шевелиться тревога: неладно в нашем королевстве».

Порой появляются целые публикации, посвященные слову. В статье «Нет слов?» (Известия. 1989. 2 окт.) В. Выжutowич критикует ораторов за употребление отживших штампов:

«Читаю газетный отчет о работе сентябрьского Пленума ЦК КПСС. Один оратор: «С большим удовлетворением воспринято трудящимися нашей республики...» Другой: «Трудящиеся... с удовлетворением восприняли...» Третий: «Мы всем сердцем восприняли...» Все тут уже подержанное, все из старого словаря. Да и упорная склонность выступать «от имени трудящихся», а не от

своего собственного, лишает речь живой интонации, в конечном счете отвращает».

Как отмечает и сам автор, «язык коварен. Он выдает истинные побуждения ума». За этими «языковыми» картинками пишущий усматривает упорство старого мышления, нежелание отказаться от догм прошлого, от бесконечных софистических упражнений, замедливших трезвый анализ реального положения дел.

Особую группу составляют тексты, в которых затрагивается язык наших законов. Метаязыковые характеристики в них — результат профессионального чтения юридических документов, обнаружившего в слове Закона (или его проекта) неясность, двусмысленность. Метаязыковая характеристика становится аргументом тезиса, в котором заключено требование изменения формулировки. Так, в беседе с корреспондентом «Огонька» академик В. А. Тихонов критикует сочетание «бессрочное пользование» (Огонек. 1989. № 36. С. 2):

«Двусмысленное определение — без установления срока землю можно в любой момент отобрать. Мы предлагаем вернуть старый термин «вечное владение».

Статья А. Ваксберга «Термины, которые решают все...» (Лит. газ. 1989. 27 сент. С. 10) целиком посвящена нашей политической и юридической терминологии. Он критикует «каучуковые формулировки» наших документов, например, термин «давление на суд»:

«Если термин «давление на суд» употребляется в публицистике — печатной или устной, — он понятен и правомерен. Став формулировкой закона, он обращается в свою противоположность, ибо лишен конкретного, точного и для всех очевидного — правового содержания. Произвольно толковать его можно сколько угодно. То, что для одних не более чем изложение точки зрения (автора или печатного органа), зеркало общественного мнения или даже просто полемическая позиция, для другого — давление и вмешательство. Спорить о том, кто прав, можно до бесконечности: никакого юридического (не путать с моральным!) критерия нет».

Как видим, читателю очень ярко показывается разница функционирования слова в двух сферах общения, в двух типах текстов. Метафора хороша там, где кипят страсти, защищаются и опровергаются моральные оценки. Юристу требуется четкое определение: «считать давлением на суд действие, преследующее такую-то цель, осуществляемое такими-то средствами, ставящее суд в такое-то положение». Если четкого определения нет, слово нетерминологично и не может быть использовано в законе. Статья учит читателя вдумываться в юридические и политические тексты, чувствовать слово.

Так, автор указывает на опасность названия «Закон о печати» и предлагает формулировку «Закон о свободе печати», которая могла бы оградить нас от запретительного крена.

Итак, наш материал показывает, что приемы обсуждения понятия и слова весьма популярны в сегодняшней публицистике. И связано это с нашей возросшей требовательностью к слову, которое перестает быть чем-то прямо противоположным делу. Об этом хорошо сказал А. Ваксберг в упомянутой статье: «Когда за словом ничего не стояло, когда официальный текст служил ширмой для неофициальных указаний, которые только и имели практическое значение, формулировки мало что значили». Теперь, когда положение постепенно меняется и мы начинаем видеть в слове «тоже дело», мы хотим, чтобы слово было четким, ясным, определенным. Чуткая и оперативная публицистика реализует эту общественную потребность.

С. И. СМЕТАНИНА
Уральский университет

СПЕЦИФИКА АРГУМЕНТАЦИИ В ФЕЛЬЕТОНЕ

Фельетон традиционно относят к художественно-публицистическим жанрам. Специфической, наиболее общей чертой этих жанров является «соединение отвлеченной обобщенности, логических рассуждений и доказательств (как в научном стиле) с художественно-образной конкретизацией (как в художественной речи)»¹. Обязательным элементом фельетона, кроме того, является присутствие в нем комического. Эстетическая сущность комического заключается в столкновении должного и сущего, когда последнее «отрицается, посрамляется, осуждается, разоблачается, отвергается, критикуется с позиций идеала»². Поэтому объектом описания в фельетоне становится такое явление окружающей действительности, которое противоречит каким-либо принятым в обществе нормам. Все изложение подчиняется доказательству негативной природы рассматриваемого явления.

По способу проведения доказательства современные газетные фельетоны делятся на две группы. В первой группе, наиболее многочисленной, доказательство прямое: автором формулируется тезис, который в ходе изложения доказывается с помощью других тезисов и аргументов. Так, в фельетоне Г. Спиридонова «Чай с огоньком» (Правда. 1989. 10 сент.) автор рассказывает о том, что в Вологде продукты, предназначенные для обеспечения свадеб и похорон, растаскиваются начальством всех рангов, степеней и

¹ Алексеев В. А. О некоторых особенностях публицистического функционального стиля // Проблемы журналистики. Л., 1973. Вып. 2. С. 11.

² Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л., 1971. С. 201.

видов. В качестве аргументов приводятся фамилии работников обкома партии, облисполкома, горпищеторга, приобретавших эти продукты. Доказательство исходного тезиса проводится с помощью следующих положений: разворовывание продуктов не останавливает милиция, так как сама замешана в этом деле; разворовывание продуктов усугубляется и без того огромным дефицитом; разворовывание покрывается специальным уничтожением продуктов. Каждое из этих положений подтверждается рядом фактологических аргументов: приводятся фамилии ответственных сотрудников РОВД и областной прокуратуры; описывается положение с обеспечением продовольственными товарами жителей города, когда часть продуктов распределяется по талонам; приводятся факты, когда продукты горят на складах. В итоге автор формулирует мысль о том, что такое положение дел выгодно только властям.

Прямое доказательство в фельетоне может строиться не только на фактологических аргументах в виде фамилий и цифр. Фактологические аргументы могут быть представлены и с помощью развернутого события, реального или воображаемого. Например, в фельетоне А. Казиханова «Урок хамствования» (Известия. 1989. 10 сент.) тезис о том, что хамство в нашей жизни еще остается безнаказанным, особенно если хам — ответственное лицо, доказывалось выразительным изложением действительного события, имевшего место в одной из махачкалинских школ. Начальник автоколонны А. Керимханов, требуя от классного руководителя своего сына В. Жуковой оградить мальчика от критики педагогов, грубо оскорбил ее. Коллектив автоколонны, куда из школы было послано письмо о хулиганском поведении папаша, встал на защиту своего начальника, который, кстати, «был широко известен в среде махачкалинских транспортников, — и именно грубостью, плавно переходящей в хамство».

Довольно часто авторы фельетонов обращаются и к воображаемому событию, ставя его в один ряд с реальным для наиболее выразительного проведения доказательства. Э. Пархомовский в фельетоне «Подавайтесь в неформалы!» (Известия. 1989. 4 сент.) мысль о том, что соответствующие ведомства плохо заботятся об эксплуатации телефонных колонок дорожной связи для вызова технической или медицинской помощи, доказывает введением аргумента — реального события (скопление водителей неисправных машин у одной из таких колонок). Изложение этого реального события перерастает в критику воображаемого события: рисуется проведение на месте происшествия несанкционированного митинга водителей и образование на нем Движения застрывших водителей. Причем, так как в истинности аргумента — первого события — не надо убеждать читателя, поскольку она подтверждается практикой нашей жизни, автор большую часть материала отводит изображению второго: воображаемые речи ораторов, лозунги, которые скандирует толпа пострадавших, выступления ответственных лиц. В форме

рассказа о митинге поданы сведения о других реальных событиях, подобных первому (скопление машин), а также и тезисы логической схемы.

При проведении прямого доказательства в фельетоне представление аргументов реального события может быть осложнено аналогией с воображаемым событием. При аналогии знание, полученное из рассмотрения какого-либо объекта, переносится на менее изученный объект, сходный с ним по существенным свойствам³. В фельетоне Е. Коровина «ЧП с ретушью» (Правда. 1989. 17 сент.) тезис о том, что органы прокуратуры тщательно скрывают имевшее место нарушение закона работниками милиции в отношении пострадавшей М. В. Жуковой, доказывается последовательным изложением происшедших событий. Одно из звеньев в цепи этих событий — письмо советника юстиции К. Козырева пострадавшей, в котором он маскирует незаконные действия работников милиции достаточно нейтральными фразами: «Легкие телесные повреждения без расстройства здоровья в виде кровоподтеков на правом плече и правом локте вам были причинены при принудительном помещении вас в комнату дежурной части РОВД». Чтобы показать читателю, что это, как и все остальное в деле Жуковой, лишь тщательная ретушь незаконных действий служителей Фемиды, автор сравнивает реальное письмо с предполагаемым, которое советник юстиции мог бы написать, если бы был лириком, тогда «вместо несколько суховатых фраз своего письма просто, по-житейски воскликнул: «Ах, как нас, галантных мужчин, обижает этот капризный слабый пол. Ему крутят руки, ставят синяки, а он вместо благодарности пишет жалобы!» Сопоставление этих двух писем еще раз убеждает читателя в истинности доказываемого тезиса.

Различаясь характером отношения содержания высказывания к действительности, реальные и вымышленные события обнаруживают сходство в своих задачах: они содержат оценку явления, критически осмысляемого в фельетоне.

Рассмотренные выше фельетоны, в основе которых лежит прямое доказательство тезиса и логизированный способ развертывания темы, делятся на две подгруппы по характеру носителя речи. В первой подгруппе носителем речи выступает журналист, который проводит исследование жизненного материала, позиция его в тексте является социально-ролевой. Для изложения тезисов и аргументов отбираются языковые средства с осложненным значением. Кроме называния объекта повествования, они содержат его негативную оценку. Вот номинационная цепочка лица из фельетона В. Васильца «Берегите шкуру» (Правда. 1989. 28 сент.) о И. Чобане, которого после безрезультатного лечения от алкоголизма в лечебно-

³ См.: Перельман Х., Олбрехт-Тытека А. Из книги «Новая риторика: Трактат об аргументации» // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 207—265.

трудовом профилактории взяли пастухом в совхоз: алкоголик — выпивоха — выпускник АТП — лихой охотник. Такие номинации придают всему изложению яркую оценочную окраску.

Оценка в фельетонах этой группы может быть выражена прямо или иронически. Ирония подразумевает позитивное изложение фактов, отрицательно оцениваемых автором. Так, в рассматриваемом фельетоне отрицательная оценка выражена прямо в речи автора: «Лоботрясы по очереди садились на мотоциклы и на скорости врезались в стадо». Оценочное слово «лоботрясы» употреблено автором по отношению к главному герою и его друзьям. Ирония возникает при передаче прямой речи: «У меня всё в порядке, — сказал Чобан. — И овцы сыты, и сено цело». Герой положительно оценивает свою работу пастухом, хотя именно против этого порядка (когда туши уничтоженных овец продаются налево, а шкуры предъявляются начальству для списания по графе «падеж») выступает автор.

Важно подчеркнуть, что оценка в фельетонах данной подгруппы формируется целым комплексом средств и главную роль в нем играют средства создания комического эффекта. Они помогают высмеять обсуждаемое явление, вскрыть его сущность, которая противоречит принятым в обществе нормам, но нами, к сожалению, часто воспринимается как нечто естественное и само собой разумеющееся. Хотя социально-ролевая позиция носителя речи существенно сокращает возможности использования изобразительно-выразительных средств языка в фельетонах этой группы, случаи обращения к ним все же отмечаются. К примеру, в рассмотренном ранее фельетоне А. Казиханова используется сквозной образ. Автор пишет о необходимости создания специальной науки — хамствоведения. Все доказательство в фельетоне заключается в композиционную рамку — рассказ об этой науке: «Оттого, что сталкиваемся мы с хамством ежедневно и ежечасно, таинственная загадочность этого феномена не становится яснее. Исследователей раздрают неодолимые противоречия... И хотя анатомия хамства — очень увлекательное занятие, но исследование конкретных случаев порою опаснее, чем путешествие в неведомые земли» — и финал: «И все же какой-то вклад в хамствоведение этот случай внес... Вот бы нашли в организме какой-нибудь аппендикс хамства. Чик-чирик — и все позади. Бывший хам работает, никого не оскорбляя. А отсеченный орган хамства отвозят туда, куда не ступала нога ни одного человека».

Для придания тексту большей наглядности автор создает окказионализм — хамствоведение, необычные словосочетания — аппендикс хамства, орган хамства, использует сравнение. Интересно отметить, что, так как сам сквозной образ построен на оценочном слове, весь этот образный ряд одновременно является и средством оценки.

В целом есть основание сказать, что обращение к образным ресурсам языка не является столь необходимым для фельетонов с

социально-ролевой позицией носителя речи. Видимо, это определяется индивидуальной манерой пишущего.

Вторая подгруппа фельетонов с прямым доказательством главного тезиса характеризуется конкретно-чувственной позицией повествователя. Например, в фельетоне «Подавайтесь в неформалы!» повествователь предстает как участник воображаемого события. Комический эффект возникает здесь во многом за счет действий повествователя. Например, изображено действие и дан такой его комментарий: «Я стукнул телефон кулаком. Это был лучший из отечественных способов ремонта сложной бытовой техники». Как видим, поведение повествователя является поводом для введения в текст иронической оценки.

Во второй группе фельетонов доказательство негативной природы рассматриваемого явления строится от противного. Тезис доказывается посредством опровержения некоторых других суждений, связанных с доказываемым⁴. Как в таком случае строится текст? В фельетоне Ю. Макарова «Исповедь очернителя» (Известия. 1989. 24 сент.) автор вступает в полемику с читателем, написавшим письмо в редакцию газеты «Советская Россия». Автор не согласен с тем, что высказывает его оппонент, и настойчиво отстаивает свою позицию, разбивая пункт за пунктом положение письма. Доказывается, таким образом, авторское суждение тезис о том, что наше тяжелое положение объясняется вовсе не гласностью и не газетными публикациями, так же как наше прошлое объясняется не происками врагов народа. Истинность этого положения обосновывается с помощью опровержения антитезиса, который представляет позицию читателя: наше тяжелое положение объясняется гласностью и той кампанией клеветы, которую организовали газеты, а ошибки прошлого обусловлены действиями врагов народа и мирового империализма. Как же осуществляется опровержение? Свое мнение автор письма подкрепляет ссылками на кинохронику прошлых лет, которая показывает неподдельный энтузиазм и ликование советских людей, на тот факт, что репрессиям подвергалось и ближайшее окружение Сталина. К аргументам письма журналист добавляет свои, развивая мысль оппонента и, казалось бы, соглашаясь с ним: если бы газеты не писали о Чернобыле и Фергане, инфляции и наркомании, об этом бы никто и не знал, «а того, о чем никто не слышал, считай, что и нету»; «если в кинотеатрах нет Абуладзе, в журнале — Рыбакова, в книжке — Дудинцева, в стране — Солженицына, то были ли репрессии?». Как видим, аргументы приводят к абсурду. Следовательно, абсурден и антитезис. Так доказан главный тезис текста.

В фельетонах, построенных с помощью доказательства от противного, аргументация также может строиться с помощью реального или воображаемого события, позиция носителя речи является конкретно-чувственной. Повествователь выступает здесь под мас-

⁴ Сов. энцикл. словарь. М., 1985. С. 635.

кой, разыгрывая перед читателем какую-нибудь неожиданную социальную роль. Как правило, роль эта несколько утрирована за счет преувеличения черт социальной характеристики. Например, в данном фельетоне повествователь выступает в роли очернителя. Образ этот автор заимствует из анализируемого письма: «В этой обстановке всесоюзного розыска врагов всего хорошего я решил сделать важное признание: «Это я». Это я вместе с себе подобными (да-да, существует целый заговор!)... уже пятый год в средствах массовой информации тенденциозно описываю нашу замечательную жизнь независимо от того, что есть или чего есть нечего».

Перед читателем разыгрывается комедия, цель которой — скомпрометировать повествователя, показать, что ему нельзя доверять, что все его доводы в поддержку письма алогичны, как и само письмо: «Талоны на мыло, очередь за водкой, торжественные награждения гречкой фронтовиков, на корню сгнивающие урожаи — это все не наших рук дело, а происки мирового империализма. Помните, Эйзенхауэр «временно» повысил нам цены на масло? А как Кеннеди приучал к хлебу из кукурузы? Картер ввел у нас уравниловку. Рейган — архитектор застоя. Теперь Буш затеял черт-те что с тетрадками». И нелепый вывод: «Надо запретить хотя бы на день выход всех газет и журналов и отключить от сети радио и телевидение. Уверяю вас, в этот день никто не услышит ни о новом росте цен, ни об очередной аварии на транспорте, ни даже идейно выдержанной сплетни о пьяных похождениях депутата Верховного Совета».

Фельетоны с доказательством от противного, ориентированные на художественно-публицистическое изложение, открыты для широкого использования в них разнообразных средств создания комического, включая и образные средства. В приведенных цитатах это и каламбур («...независимо от того, что есть или чего есть нечего»), и алогизмы, состоящие в нарушении закона достаточного основания, и перифраз («архитектор застоя»), и метонимия («если в кинотеатрах нет Абуладзе»). Традиционным приемом в таких фельетонах становится гипербола. К ней авторы обращаются как на отдельных этапах изложения, так и при создании всего текста. На такой развернутой гиперболе построен фельетон О. Жадана «Учу жить!» (Собеседник. 1985. № 43). В основе материала лежит тезис о том, что завод резиновой обуви «Рассвет» печатает миллионным тиражом совершенно бессмысленные памятки по уходу за галошами, разбазаривая тонны драгоценной бумаги. Тезис доказывается с помощью опровержения антитезиса: текстильщики и швейники, поскупившись выпустить подобным тиражом аналогичные памятки, конечно, сэкономят дефицитную бумагу, но их продукция подвергается при этом быстрому уничтожению, так как покупатель может и не знать, как с ней обращаться. Повествователь, проводящий доказательство, выступает под маской широкой души человека, который щедро раздает бесценные советы. Для до-

казательства нелепости антитезиса приводятся аргументы, абсурдность которых передается с помощью гиперболы: «При носке обуви следует исключить воздействие масел, бензина, кислот, щелочей и других агрессивных средств» ... Жаль, конечно, что на подобные советы поспешили текстильщики и швейники... И невольно встает перед внутренним взором картина глобального торжества «Рассвета». Вот идет по улице человек. Пальто на нем почти нет. Сожжено концентрированной серной кислотой... Брюки слегка намечаются после обработки щелочью и другими агрессивными средствами. Но зато ярче солнца горят его галоши, сохраненные благодаря отеческой заботе и предусмотрительности завода-изготовителя». На таких аргументах, раздувающих из мухи слона, построено все доказательство в фельетоне.

Оценка в фельетонах, где доказательство ведется от противного, чаще всего противоположна буквальному смыслу высказывания, ведь и формулируется она вымышленным персонажем, у которого, как понимает читатель из текста, не все в порядке по части логики и здравого смысла. Когда маска восклицает: «Сильная вещь! Просто за душу хватает!» (это о памятке по уходу за галошами), следуя условиям игры, читатель выносит этому шедевру совершенно иную оценку. Образно говоря, путем срывания маски доказывается истинность тезиса, корректируется оценка.

Итак, среди фельетонов, написанных сегодня, отчетливо выделяются две группы. Определяющим в таком разделении является способ проведения доказательства негативной природы рассматриваемого явления. Способ доказательства оказывает влияние на другие стороны изложения. В первой, наиболее многочисленной группе доказательство прямое. Фельетоны здесь могут иметь параллель с корреспонденцией по уровню обобщения фактов и по социально-ролевой позиции носителя речи, оценка дается с помощью средств комического, обращение к образным ресурсам языка минимальное.

Во второй группе фельетонов доказательство строится от противного. Очевидна ориентация на художественно-публицистическое изложение, так как обобщения делаются с помощью образов, позиция носителя речи конкретно-чувственная, привлекается широкий спектр средств создания комического эффекта и образные средства языка.

Существенное влияние на такое разделение внутри жанра, на приближение его к аналитическим материалам оказала наметившаяся в последнее время в печати тенденция к повышению ранга критикуемых явлений. Если раньше в материалах этого жанра критике подвергались лишь отдельные нерадивые работники, отдельные должностные лица⁵, то теперь показывается, что виновниками тех или иных нарушений являются министерства и ведомства, сложившаяся система распределения материальных благ, государственные

⁵ См.: Ильина Н. Добрый советский юмор //Огонек. 1989. № 52. С. 6—7.

институты. В новом фельетоне для передачи такого содержания на первое место выходит логика. Часто это делается в ущерб яркой литературной форме, свойственной художественно-публицистическим жанрам.

Таким образом, наблюдения за фельетонами последних лет позволяют сделать вывод о том, что сегодня в нашей прессе сложился новый тип фельетона и освоение техники современного фельетонного письма журналистами-практиками — вопрос не только культуры жанра, но и уровня критики в газетном выступлении.

И. В. ГУЩИНА
Тюменский университет

АРГУМЕНТАТИВНАЯ СТОРОНА ОДНОЙ ГАЗЕТНОЙ ДИСКУССИИ

Газета конца 80-х годов — это поле постоянных дискуссий по самым разным вопросам. Полемизируют друг с другом отдельные издания, сталкиваются противоположные мнения на одной газетной полосе, в ряде случаев редакция организует дискуссию, охватывающую значительный промежуток времени. Искусство ведения спора вновь поднялось в цене, недаром возрос интерес к работам по риторике, логике, стилистике, напомним хотя бы публикацию брошюры С. Поварнина «Спор. О теории и практике спора» в журнале «Вопросы философии» (1990. № 3). Поэтому представляется, что окажется бесполезным анализ аргументативной стороны одной неудачной дискуссии, которая была проведена газетой «Тюменский комсомолец» (ТК) в 1988 году.

В 1988 году тюменская писательская организация отметила 25 лет своего существования, в честь чего в печати появился ее отчет «От молодости к зрелости». «Тюменский комсомолец» публикует полемический отклик на этот отчет и называет его «От молодости к несостоятельности» (22 мая). Главный тезис отклика — «Тюменская писательская организация в творческом отношении является очень слабой, а отнюдь не зрелой». Аргументируется тезис так: «Она слаба, так как произведения ее членов читателям почти неизвестны, так как годы застоя приучили писателей к конъюнктуре, так как национальные поэты пишут слабые по содержанию стихи, так как молодая поэзия и проза порождены в основном нефтяным бумом и отражают его временность, неустойчивость, отчего похожи на туристов-романтиков». Опубликованная в этом же номере статья «Ностальгия по Джеку Лондону» добавляет еще один аргумент: «Писательская организация слаба, так как не имеет своей общественной позиции, это доказывается тем, что ее не видно на экологических митингах, она не участвует в защите исторических памятников Тюменского края».

Итак, введен предмет разговора «писательская организация Тюменской области», выделен его признак — слабость в творческом отношении, приведены аргументы: низкий художественный уровень произведений тюменских писателей, отсутствие у них общественной активности.

12 июня газета сообщает, что взялась вести дискуссию: «Мы выбрали для первой публикации письмо В. Жерновникова», «На дискуссию, начатую «ТК», откликнулись пока только представители литературных и околослитературных кругов». Это весьма ответственное заявление. Оно ставит перед редакцией такие задачи. Следует определить, какой предмет речи выделился в результате первых «обменов ударами», представить возможные направления обсуждения этого предмета, т. е. посмотреть, какие признаки предмета речи уже вычленены в выступлениях и какие еще могут привлечь внимание спорящих. Полезно для себя прикинуть возможные результаты спора. В данном случае, разумеется, нельзя было ожидать или требовать окончательного приговора: «Писательская организация слабая, и нечего тут споры разводить» или, наоборот, «Писательская организация замечательная, и обсуждений никаких не требуется». Но разговор о положении дел в организации, выделение положительного, констатация недостатков, формулирование задач развития союза — это вполне по силам газетной полемике.

Для достижения какого-то разумного результата в полемике подобного рода необходимо четко определить, какого типа аргументы могут использовать стороны, требование аргументов определенного характера должно быть непреложным. Ясно, что труд писателя, его общественную позицию можно оценить только по его произведениям. Поэтому редакция должна была твердо заявить о том, что деятельность писательской организации нужно характеризовать через анализ художественных произведений ее членов.

Ни ход, ни результаты полемики не удовлетворили ни участников ее, ни редакцию газеты? Почему? Учитывая, что описанные требования не были соблюдены, мы можем выделить следующие причины неудачи.

1. Оказался невыдержанным предмет речи. Он сохраняется, пусть и приблизительно, в семи откликах на первое выступление, а в четырех последних о писательской организации забыто: здесь писатели ругают журналистов, а журналисты — писателей, все вместе нападают то на «Огонек», то на «Наш современник», заканчивается все тем, что предметом речи становится сама дискуссия, оцениваемая как неудачная, что справедливо, конечно, но логики не спасает. О писательской организации говорится лишь в последнем абзаце заключительной публикации, причем ставятся те же вопросы, что и в начале дискуссии: «Творческий потенциал «самой молодой и самой дееспособной в российском союзе» писательской организации значителен. Но в чем же тогда дело, откуда этот «неуд», из которого С. Шумский не делает секрета? Где рычаг,

тормозящий развитие региональной литературы? Как писал поэт, «непознанное зло способно недобрый выбросить побег». А для того, чтобы его познать, нужно вступать в диалог, а не отсиживаться в тихой заводи зеркального озера и любоваться на свое отражение в воде, подобно Нарциссу. Только не уважающий себя и свое ремесло писатель ради удовлетворения личных амбиций решится на конфронтацию с читателем. Трудно понять писателя, безропотно жертвующего «сферой влияния», каковой является для него читательская масса. Для кого и для чего он в таком случае пишет? И кто ему судья?»

Все эти вопросы, безусловно, правильны, и призыв к диалогу справедлив. Но это хорошо для начала дискуссии, а мы видим ее конец. О чем же говорили спорящие на протяжении трех месяцев, какой еще диалог нужен? Кто мешал с фактами в руках доказать, что произведения тюменских писателей не отражают актуальных проблем, поэтому неинтересны читателю? Кто мешал защитникам организации, опять же с фактами в руках, показать, что повести, романы, пьесы, стихи глубоки по содержанию и совершенны по форме и поэтому близки читателю? Но ничего этого не было, потому что существует вторая причина неудачи полемики.

2. Невысокое качество аргументов. Уже говорилось о том, что для данной полемики требовался анализ художественных произведений: их тематики, художественных достоинств, общественной значимости. В этих условиях особенно весомы были бы такие аргументы, когда отмечается «долговременность» поднятых писателем и художественно решенных проблем, актуальность давно написанных произведений, острота вопросов, увиденных писателем в сегодняшней жизни. Но к анализу произведений обратились лишь трое выступавших. Двое других упоминают отдельные произведения. В остальных выступлениях литературная дискуссия обошлась без обращения к художественным текстам.

Газетное выступление, как известно, в типичных случаях невелико по объему, поэтому пишущий не может подробно проанализировать несколько произведений или все творчество писателя. Обычно он выбирает один или два текста, и убедительность выступления зависит от качества их анализа. Если суждения о произведении рядом с цитатами из него кажутся читателю справедливыми, он верит и остальным оценкам¹. Рассмотрим, каков анализ художественных произведений в тех немногих выступлениях, которые к нему обращаются, и какие выводы делаются авторами из этого анализа. Как уже было сказано, таких выступлений всего три.

Первое выступление — публикация «От молодости к несостоятельности», в которой анализируется стихотворение А. Тарханова. Для оценки качества анализа нам придется это произведение привести:

¹ См.: Золян С. Т. О семантике поэтической цитаты // Проблемы структурной лингвистики, 1985—1987. М., 1989.

ной земли» достаточно свежа, незатасканна. Поэтому следующее обобщение полемиста вызывает известное недоумение: «Подобных стихов в его, да и не только в его, поэтической копилке немало. Стыдно и за других поэтов, в чьих стихах режут ухо осточертевшие: «проволглый», различные «урманы», «по-над берегом», «подспудно», «кошунственно», «мужнины» и т. д.» Решительно ничего «стыдного» в перечисленных словах нет, да и как можно воевать со словами, вырванными из контекста. И если все остальные стихи критик толкует столь же странно, как стихотворение А. Тарханова, то вряд ли можно всецело доверять его общей оценке творчества тюменских поэтов. Разумеется, поэтические произведения требуют строгого рассмотрения, но не голословной же брани.

Вторая публикация—статья «И лошадь тех, буденновских кровей...» Собственно анализа произведений в ней нет, просто сказано, что стихи одного из тюменских поэтов насыщены штампами, и приводятся два отвечающих тезису отрывка (8 июля).

Только третье выступление — рецензия «Персиковый бред» (29 июля) — дает развернутый и аргументированный разбор художественного произведения (повести Н. Денисова «Пожароопасный период»). Никакого отношения к полемике рецензия сама по себе не имеет, однако автор, неожиданно для читателя, делает в конце таксе заключение: «В целом же — серая, даже «черная» вещь, конъюнктурная и корявая. Тут уж пусть лучше знают о нашей писательской организации понаслышке, чем будут судить о ней по таким вот «шедеврам». Вывод слишком широк, поскольку, если сегодня Н. Денисов написал плохую повесть, это не значит, что все тюменские писатели всегда писали и будут писать плохо. Так как анализ повести представляется убедительным, мы поверили бы рецензенту, если бы он сказал нам, что, допустим, в последние два года, к сожалению, на этом уровне выполнены все публикации тюменских авторов. Но он не взял на себя такую ответственность, а решил отделаться каким-то туманным намеком.

Итак, тезис «Писательская организация Тюменской области в творческом отношении очень слаба» решающих аргументов не получил. Однако радоваться здесь совершенно нечему, поскольку и антитезис «Писательская организация Тюменской области в творческом отношении сильна» тоже не доказывается. Более того, защитники этого тезиса даже попытки не делают обратиться к анализу художественных произведений. В первой публикации, защищающей данное суждение (12 июня), художественные произведения хотя бы упоминаются, в остальных нет и этого.

Чем же тогда оперируют спорящие? Почти весь массив обоснований сводится к аргументам личностного порядка. Так, одного из противников обвиняют в воровстве (14 авг.), другого упрекают в пристрастии к «нерусским» писателям (10 авг.). Эти, с позволения сказать, аргументы без лишних слов говорят об уровне дискуссии.

3. Третья причина неудачи дискуссии — бездействие редакции, ее организовавшей. Уже говорилось о том, что редакция выступала в связи с некоторыми публикациями со своими послесловиями. Но вместо того чтобы призвать спорящих к соблюдению правил ведения полемики (не нарушать единства предмета речи, использовать аргументы по существу вопроса), редакция в основном присоединялась то к одному, то к другому аргументу или занималась опровержением то одного, то другого факта, приведенного той или иной стороной. Например: «Редакция полностью присоединяется к словам В. Жерновникова о писателях И. Ермакове, А. Кукарском, Г. Сазонове. Но ведь в предыдущих статьях о них и речи не было. Так что какие-то упреки, противопоставления тут попросту непонятны» (12 июня). «Считаем необходимым остановиться на явных неточностях. С. Шумский ставит в заслугу местным писателям «совместное обращение за сохранение исторической архитектуры Троицкого монастыря», опубликованное в «Литературной России» 10 июня сего года. Это не так. Подборка в «ЛР» целиком и полностью подготовлена К. Тихомировым» (14 авг.). Поскольку качество аргументов невысоко, подтверждение или опровержение их редакцией несколько не сказывается на их убедительности.

В целом же надо сказать, что прямое отрицание мнения оппонента в газетной дискуссии абсолютно непродуктивно. В самом деле, первая публикация вынесла тюменской писательской организации обвинительный приговор, а вторая воспева ей хвалу. Что остается делать последующим выступающим? Только присоединяться к тому или другому мнению. Такая дискуссия непременно перерастает в брань по принципу «кто кого перекричит». А теперь представим, что первая публикация не была бы столь яростно отрицающей, а отметила бы хоть росток чего-то положительного в литературной жизни края. Наверное, тогда второму выступающему ни к чему было бы петь славу, он смог бы спокойно рассмотреть и плюсы и минусы в работе союза. Вот этой конструктивности разговора и должна была добиваться редакция, а не мелочиться, не обличать и не приветствовать частности.

Итак, рассмотренный материал показывает, что организованная газетная дискуссия требует жесткого контроля со стороны редакции. Контролировать нужно, конечно, не мнения, а технику спора: в споре должен сохраняться единый предмет речи, аргументы должны отвечать существу дела, не должно быть перехода на личности, необходимо стремление сторон к конструктивности дискуссии. У редакции есть средства для организации полноценного разговора: это и редактирование поступающих материалов, и публикация специально заказанных выступлений, и редакционные сообщения, в которых формулируются цели открывающейся дискуссии и оценки ее хода. Все должно быть направлено на то, чтобы читатель получил всестороннее обсуждение важной социальной проблемы, обсуждение конструктивное, деловое и полемически заостренное.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АВТОРА И АДРЕСАТА В УСЛОВИЯХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Каким представляет себе журналист будущего читателя и влияет ли это представление на построение текста? Всегда ли однородна и безлична массовая аудитория с точки зрения автора? Для ответа на эти и многие другие вопросы необходимо изучение взаимоотношений автора и адресата в условиях массовой коммуникации. Такое изучение представляется актуальным, так как отношения автора и читателя — фактор, влияющий на эффективность выступлений в прессе.

В самом общем виде взаимодействие автора и адресата любого высказывания описывается с помощью модели коммуникативного акта. В соответствии с аспектом изучения в эту модель включается разное число компонентов, которые могут обозначаться по-разному. Мы будем опираться в дальнейшем на модель коммуникативной ситуации, предложенную в рамках теории речевых актов (ТРА): «Наряду с такими компонентами, как говорящий, слушающий, высказывание, обстоятельства, без которых не обходится ни одна модель общения... модель речевого акта в ТРА включает в себя также цель и результат речевого акта»¹. Сначала мы остановимся на главных компонентах коммуникативного акта: отправителе, тексте, получателе.

Акт общения представляет собой системное образование, и текст — центральная подсистема коммуникации. Как указывает Е. В. Сидоров, «в тексте представлены все другие подсистемы коммуникации ... его существенные свойства формируются таким образом, чтобы представить те из важнейших свойств, характеристик других подсистем коммуникации, которые являются системно значимыми, т. е. работают в данной подсистеме на то, чтобы коммуникация в целом организовалась как социально целесообразная система»². Итак, в тексте наряду с коммуникативной деятельностью автора, отражается и коммуникативная деятельность адресата. «В знаковых последовательностях речевого произведения воплощаются... программы речемыслительных действий получателя, т. е. речь строится как *речь для другого*»³. В любом тексте автор так или иначе учитывает интересы адресата, отражает в своем произведении желаемую программу коммуникативных действий читателя или слушателя. Но степень учета интересов адресата бывает раз-

¹ Кобозева И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 13.

² Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М., 1987. С. 21.

³ Там же. С. 25—26.

личной. Если эта степень недостаточна для получателя сообщения, то особое значение приобретает возможность обратной связи — от слушающего к говорящему. Например, при устном непосредственном общении слушатель может заявить о своем непонимании или несогласии, задать уточняющие вопросы и т. п. Совсем в ином положении находится читатель в сфере массовой коммуникации, где общение автора и адресата всегда опосредованно. «Массовый адресат ... полностью лишен возможности принять участие в речи говорящего — он не может ни возразить, ни согласиться, ни прервать речь говорящего»⁴.

Автор, не имеющий обратной связи, получает большую свободу в построении текста и одновременно должен прилагать большие усилия для соблюдения интересов адресата. Это положение автор может использовать по-разному. Как указывает В. М. Сергеев, «ограничение на право задавать вопросы дает серьезнейшие преимущества той стороне в диалоге, которая защищена от вопросов, так как перед ней открываются широчайшие возможности манипулирования процессом понимания»⁵. Однако возможности манипулирования все же не безграничны: читатель, заподозрив фальшь, перестает доверять автору. В случае, когда автор без злого умысла пренебрегает теми вопросами, которые могут возникнуть у читателя, оставляет в тексте какие-то неясности, об эффективности коммуникативного акта тоже говорить не приходится, так как читатель остается неудовлетворенным.

Оптимальной является ситуация, когда автор постоянно помнит об адресате и по возможности предугадывает его реакцию — вопросы, возражения, сомнения. Языковые средства, выражающие в тексте установку на адресата, охватываются понятием «диалогичность речи». Диалогичность понимается как «наличие во всякой речи тех или иных признаков диалога, учет адресата в языковых особенностях высказывания»⁶. Обратим внимание на то, что данный признак характеризует как диалогические, так и монологические жанры, что и будет учтено в дальнейшем анализе материала. Не останавливаясь специально на языковых средствах, выражающих диалогичность, мы сосредоточим внимание на смысловой значимости отраженной в тексте установки на адресата. Предполагается, средства этого отражения коррелируют с некоторыми характеристиками аудитории, которой предназначается произведение, что и свидетельствует о невозможности считать безличность адресата в условиях массовой коммуникации абсолютной.

Прежде чем описывать различные модели текстового взаимодей-

⁴ Земская Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988. С. 15.

⁵ Сергеев В. М. Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 8.

⁶ Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986. С. 28.

ствия автора и адресата публицистического произведения, остановимся на характеристике целей речевого акта, которые манифестируются такими глаголами, как «утверждать», «заявлять», «сообщать», «извещать», «информировать» и др.⁷ Для реализации цели конструируется высказывание, при реализации которого различным слушающим отводятся различные роли, а именно роль участника, роль адресата или роль случайного слушающего⁸. Читатели, аналогичные случайным слушающим, не предусмотрены автором газетного текста в качестве участников речевого акта. Например, ученик начальной школы может прочесть статью о региональном хозрасчете, но за неясности, которые у школьника неизбежно возникнут, автор ответственности не несет, поскольку он на такого читателя не рассчитывал. Все остальные читатели могут квалифицироваться как участники речевого акта, но не все они являются также и адресатами, если понимать под адресатами «таких участников, по отношению к которым в высказывании употребляется или может быть употреблено обращение»⁹.

Указанные роли отчетливо видны на примере ряда газетных жанров. Так, в интервью или беседе адресатами являются собеседники, непосредственно общающиеся друг с другом, читатели же оказываются участниками речевого акта, «свидетелями» разговора. Это типичное положение дел, хотя на какое-то время читатель может становиться адресатом, если в тексте появляются фрагменты, прямо ориентированные на него. Например, в диалоге с корреспондентом «Известий» народный депутат СССР В. Вобликов время от времени обращается к читателям: «Порядок-то всем вместе придется наводить, и ваша поддержка нужна не только на выборах. Она потребуется в течение последующих пяти лет. Депутат силен поддержкой народа» (Известия. 1989. 7 дек.). Здесь нет прямого обращения к читателям, но использовано так называемое «указание адресатов через описание»¹⁰: из фразы о поддержке депутатов на выборах следует, что она адресована всем избирателям, а не только непосредственному собеседнику-журналисту, этот вывод подкрепляется и выражением «поддержка народа».

В рассматриваемом тексте есть пример обращения не ко всей читательской аудитории, а только к ее части: «Нужно готовиться к трудной борьбе, к парламентской борьбе... Мы должны обязательно до выборов в местные Советы принять хороший, демократический закон о статусе (депутата. — Э. Ч.)». Адресат данного высказывания вновь не назван прямо, но ясен из описания дел: «мы» означает здесь «автор высказывания и другие депутаты», которых

⁷ См.: Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18. С. 252—255.

⁸ См.: Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 282.

⁹ Там же. С. 282—283.

¹⁰ О формах обращения к адресату см.: Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б. Слушающие и речевой акт. С. 295—299.

он призывает к совместным действиям. Интервью опубликовано в «Известиях», поэтому очевидно, что только часть читательской аудитории принадлежит к депутатам, остальные читатели не являются адресатами процитированного фрагмента.

Интересно соотношение ролей в жанре открытого письма. Его автор всегда рассчитывает, что кроме непосредственного адресата с содержанием письма ознакомится и широкая читательская аудитория. Например, в «Письмах маршалу» (Огонек. 1989. № 1. С. 5) непосредственный адресат назван в многочисленных обращениях: «Не такого выступления в печати ждали мы от вас, товарищ Маршал Советского Союза... Почему вы ни словом не обмолвились о существовании у нас бесконтрольного промышленно-военного комплекса?.. Разрешите, товарищ маршал, с вами не согласиться по некоторым позициям». Но редакционная вводка говорит и еще о двух адресатах, на которые рассчитывали авторы писем: «После публикации... открытого письма Маршала Советского Союза С. Ф. Ахромеева мы получили конверт с тремя вложенными в него письмами. Авторы их — члены Ленинградского комитета социальной защиты военнослужащих, военнообязанных и членов их семей». Раз письма были направлены в редакцию журнала, ясно, что их создатели видели в журналистах своих адресатов. Будучи опубликованными, письма получили новую аудиторию, делящуюся на две части: людей, которых обсуждаемые проблемы касаются непосредственно (военнослужащие), и людей, интересующихся общими вопросами положения армии в нашем государстве.

То, что главная цель открытых писем — информирование широкой аудитории, подтверждается использованием этой особенности для создания комического эффекта. Фельетон А. Друзенко «Навязчивый сервис» (Известия. 1989. 18 дек.) представляет собой «письмо генеральному управляющему отеля «Фермонт» в Чикаго господину Вольфу Х. Лемкулу». Автор пишет письмо по возвращении из США, во время четырехчасового ожидания своего багажа в аэропорту Шереметьево, и иронически критикует американский сервис: «Номер в общем нормальный, две комнаты. Камин, правда, один... Присланная Вами корзина фруктов смотрелась изысканно. А вот калифорнийское шампанское, тоже приложенное к извинениям, было, пожалуй... хотя нет, вполне приличное было шампанское...». Автор даже дает советы, как поступать, если в отеле нет свободных номеров: «Подселить (надеюсь, это слово переводимо) людей в номера, раскладушки в холле поставить». Ясно, что господин Лемкул не может быть реальным адресатом подобных советов и претензий, он — квазиадресат¹¹. Ситуация, наблюдаемая в случае с открытым письмом, здесь доведена до крайности. Если непосредственный адресат открытого письма все-таки является реальным адресатом, от которого можно даже ждать ответа, то

¹¹ См.: Земская Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения. С. 15.

пародийный адресат — чистая форма, все содержание фельетона, обращено к читательской аудитории.

В целом и интервью, и открытое письмо можно охарактеризовать как жанры, в которых один речевой акт (обращение к широкой аудитории, ее информирование) осуществляется с помощью другого речевого акта (обращение к интервьюируемому, обращение к непосредственному адресату в открытом письме)¹².

Как показывает анализ материалов современной прессы, деление массовой аудитории на адресатов и участников речевого акта релевантно для значительной части текстов. В произведениях самых разных публицистических жанров встречаются обращения не только ко всей безличной аудитории сразу, но и к отдельным группам читателей. Так, в «актуальном репортаже» «Воркута-уголь» (Комс. правда. 1989. 3 нояб.), посвященном забастовкам шахтеров, автор, рассказав о ситуации в городе и о требованиях горняков улучшить снабжение, обращается непосредственно к шахтерам: «Негде взять, дорогие мои! Негде.» Такие экспрессивные обращения являются эмоциональными аргументами.

Особенно часто читательская аудитория дифференцируется в полемических выступлениях, и автор обращается то к одной группе своих читателей, то к другой. Нередки и персональные обращения к оппонентам. Например: «Будьте реалистом, Юрий Петрович... Ведь когда вы спускаетесь из заоблачных высот спекулятивных рассуждений о еврейском вопросе на грешную землю конкретных фактов, вы жалуетесь Генеральному секретарю на притеснения со стороны аппарата горкома партии и невнимание к вашим проблемам со стороны работников горкома. Неужели за спиной этих партийных инстанций стоит все та же рука сионистов? Если это действительно так... почему вы прямо не говорите об этом? Боитесь грома с партийных высот?» (Скоробогатский В. Поговорим начистоту // Урал. рабочий. 1989. 1 дек.). Во фрагменте хорошо видно, что высказывания автора имеют двух адресатов и соответственно две цели: возразить оппоненту и аргументировать свое мнение в глазах читателей газеты.

Разделение аудитории на участников и адресатов создает новые возможности для анализа иронических высказываний. «Лингвистический анализ иронии облегчается, если элементарную модель коммуникации... представить себе расширенной до элементарной модели иронии с помощью того, что к говорящему и слушающему будет добавлено еще и третье лицо. Языковые сообщения, исходящие от... говорящего, идут соответственно по двум различным направлениям. Они словно расщепляются: одна цепочка идет к слушателю, к которому обращаются, и говорит «да», в то время как вторая, сопровождающая цепочка информации идет к «присутствующим»

¹² См.: Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. С. 196; Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б. Слушающие и речевой акт. С. 277.

щему» при этом третьему лицу и говорит «нет». Эта информационная цепочка состоит из сигналов иронии»¹³. Если говорить об использовании иронических высказываний в условиях массовой коммуникации, скажем, в газетном фельетоне, то в роли третьих лиц, участников речевого акта, оказываются все читатели, а адресат, которому предназначено буквальное содержание написанного, обычно очень условен, практически невозможен как реальное лицо. Приведем в качестве примера фельетон В. Надеина «Не пощадили и старушку» (Известия. 1988. 27 дек.). Это рецензия на телевизионный фильм «Большая игра», изобилующий бессмысленными жестокостями и активно создающий «образ врага». Иронический пересказ содержания автор адресует тем, кто мог бы воспринять все «ужасы» телефильма всерьез: «Один мужик, солидный, в очках, сразу и не подумаешь, что бандюга, снял у бабули комнатку, чтобы застрелить двух наемных злодеев, которые должны были застрелить майора, который обещал убить президента... Короче, сделал мужик свое грязное дело, совсем уж собрался было уходить, но на пороге спохватился. Мать, мол, честная, да я же про старушку забыл... Она хоть и глухая, как пень, а все же свидетель против неоколонизма. В общем, уgomонил, подлец, и старушку. ... И чем больше располагает внешность врага тем вернее его подлая суть. Помните, этого коварного, из госдепа, который и заснуть без стакана молока, гад, не может? Помните, как шантажировал и совращал он симпатягу-министра?.. Кстати, помните, что было на министра в досье? Нечто ужасное: неточности в авансовом отчете о командировке, служебная халатность и мелкая аморалка. Все».

Сигналы иронии возникают за счет смещения несоизмеримых вещей: глухая старушка непосредственно связывается повествователем с неоколонизмом, стакан молока прямо соотнесен с госдепом, а симпатичная внешность — с вражеской сущностью. Создаваемый фельетонистом образ недалекого адресата, искренне верящего в примитивные схемы фильма, содержит иронию и по отношению к создателям картины, рассчитывавшим именно на такого зрителя.

В заключение обратимся к текстам, где деление аудитории на участников и адресатов отсутствует. Если никаких указаний на особую группу читателей нет, то мы имеем дело с обращением автора к нерасчлененной массовой аудитории. Однако нужно помнить, что чтение печатного произведения — процесс индивидуальный и потому автор общается как бы с каждым читателем в отдельности, каждый из них — самостоятельный, самоценный адресат, а не частица некоего бесформенного целого. Пишущий предусматривает возможные реакции адресата, например: «Нас упрекнули: опять о мертвых? И сошлутся на известное изречение: о мертвых или хорошо, или ничего. Однако так устроен человек — ему нужна правда. И о живых, и о мертвых» (Петрушов А., Усанов В. Лицо

¹³ Вайрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. С. 79—80.

и маска // Правда. 1989. 15 дек.). Здесь использован ответ на возможные возражения читателей. Часто вводятся вопросы, которые могли бы быть заданы адресатом. В том же тексте: «В чем тут дело? Почему люди молчали? Боялись... А что же министр? Щелоков не успокоился». С помощью метатекста читателю облегчается восприятие композиции текста. Приведем пример из той же статьи: «Мы прервем здесь на время запись воспоминаний о днях минувших. И прервем для того, чтобы поразмышлять вот о чем: о роли Комитета Партийного контроля в оздоровлении нашей партии. <...> Однако вернемся к застойным годам».

Итак, адресат, получатель сообщения, как необходимый компонент коммуникативного акта, представлен в любом тексте, влияет на его форму и содержание как в условиях устного, так и в условиях письменного общения. Многие черты устного диалога используются в публицистических произведениях для имитации контактной формы общения с читателем, в целях выразительности, повышения степени убедительности изложения. В публицистический текст часто включаются сигналы того, что массовая аудитория делится на группы в зависимости от коммуникативной роли, приписанной автором той или иной ее части. В ряде случаев такое членение существенно для жанров и стилистических приемов.

Г. К. ХАМЗИНА
Казанский университет

НЕКОТОРЫЕ СТИЛИСТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ КОНЦА 80-х ГОДОВ

Социальные процессы второй половины 80-х годов повлекли за собой серьезные изменения политического словаря, переосмысление многих понятий, что отразилось в лексике и фразеологии газетной публицистики этого периода. Грамматический, в частности синтаксический, уровень организации газетной информации также не остался безучастным к происходящим переменам, однако в этой области они, на наш взгляд, выразились не столько в возникновении новых явлений, сколько в активизации уже существовавших к тому времени тенденций. В связи с демократизацией печати и развитием плюрализма мнений возрастает стремление к аргументированности, фактографичности изложения, усиливается адресность информации, подчеркивается множественность ее источников. Автор часто отказывается от монополии на истину и берет на себя лишь функцию выявления, манифестации этой истины в мнениях различных людей через сопоставление, столкновение различных точек зрения. Выражая свое мнение, журналист нередко аргументирует его высказываниями читателей. Публикации все в большей степени отражают общественное мнение и лишь через него — официальную линию.

В конце 80-х годов активизируются диалогические жанры — интервью, беседа. Расширяется сфера использования диалога и диалогических приемов построения текста с целью достижения большей живости, полемичности изложения. Повышается степень адресации монологических текстов за счет непосредственных обращений к читателю, открытой ориентированности на собеседника. Отсюда проистекает стилистическое сближение изложения с устно-разговорной речью, что, в частности, сказывается на функционировании ряда синтаксических конструкций, характерных для разговорной речи, но приобретающих в газете специфические черты. К числу таких конструкций принадлежат и номинативы, связанные с контекстом рассуждения и входящие в арсенал средств, оформляющих публицистическую аргументацию. Названное явление синтаксиса будет непосредственным предметом анализа в нашей статье.

Мы рассмотрим номинативы двух типов, различающихся в зависимости от того, как представлена в них семантика бытийности.

Конструкции первого типа не включают в себя значение бытийности как основное. Они построены по формуле « $A N_1$?» и в форме риторического вопроса содержат категорическое утверждение какого-либо факта в качестве аргумента к выраженному ранее тезису. Поэтому такие конструкции и названы аргументативно-иллюстративными номинативами. Рассмотрим пример:

«О значении творческой среды для драматургов я уже сказал. Но ведь не меньше нужна она и театрам. Были времена, я их еще застал, — когда нужная среда существовала. При всех тягостных препонах прошлых лет, ее, хоть и полузадушенную, но берегли. Драматурги в те времена читали друг другу свои пьесы, в театрах режиссеры старались поставить именно то, что написано, а артистам важно было узнать, что скажет об их исполнении автор. И театр был для всех домом. <...> Что же теперь? Драматурги сетуют: не успеет кончиться спектакль, как актеры врассыпную. И шмыг в машину. Неужели неинтересно, что скажет им автор, как они играли сегодня в его пьесе? А режиссеры? Где те (тоже корифеи), которые допытывались, выпрашивали драматурга обо всех возможностях его текста? Нынешние режиссеры, особенно молодые, дебютанты, нередко рассматривают пьесу лишь как повод для реализации собственных амбиций, свободно прогуливаясь по тексту и переворачивая все с ног на голову. А критики? Увы, и они вложили свою лепту в дело изничтожения среды. После того, как в годы борьбы с космополитизмом отшвырнули от театров таких критиков, как Юзовский, Гурвич, Бояджиев, Малюгин, Борщаговский, способных с блеском анализировать спектакли, взвешивая труд театра и оценивая возможности пьесы, им на смену появились одописцы, которые если и позволяли себе критическое словцо, то лишь в адрес драматурга, и то если он не сановный. А иначе театр перестанет

звать на премьеры» (Алешин С. С чего театр начинается // Правда. 1989. 23 нояб.).

Высказывания «А режиссеры?», «А критики?» вводят аргументы, подтверждающие тезис о размывании профессионально-творческой среды, необходимой для нормальной работы театра. Общее суждение конкретизируется частными, в которых фиксируется, что такому размыванию содействует поведение режиссеров и критиков. Союз «а» в составе аргументативно-иллюстративных номинативов указывает на продолжение речи, т. е. подчеркивает множественность аргументов, наличие аргументативного ряда. В целом данная конструкция характеризуется яркой субъективной окрашенностью, выдающей пристрастность пишущего, его стремление убедить читателя в своей правоте. Рассмотренный тип конструкций свойствен выступлениям полемического характера.

Конструкции второго типа обладают метабытийной семантикой и принадлежат к классу языковых указаний на способы создания текста, продвижения информации в нем¹. В плане аргументации это номинативы с интонацией утверждения, сообщающие о введении аргумента к высказанному тезису. Связь с логической схемой текста обеспечивается здесь за счет лексического состава высказываний: они содержат в себе существительные типа «пример», «случай», «деталь», смысл которых раскрывается последующим контекстом:

«...Прятаться от службы сегодня практически безопасно. В Москве, к примеру, за нарушение закона о всеобщей воинской обязанности наказаны лишь три человека. Прокуроры отмахиваются от военных. Типичный пример: офицеры Октябрьского района передали прокурору района Н. Морозову список из 53 человек, уклоняющихся от службы. В возбуждении уголовных дел отказано. Причина? 28 человек и в прокуратуру не пришли, другие оправдались тем, что не знали закона» (Долгополов Н. Осенний призыв // Комс. правда. 1989. 28 нояб.);

«И обнажаются взгляду вещи, суть которых необходимо как-то осмыслить. Вот, скажем, такая деталь. Формально часть, о которой идет речь, как бы придана управлению строительства. Административно ему не подчиняется, но экономически зависит полностью. Удивляетесь? Зря. Подобный военизированный симбиоз пошел еще с тех времен. Со времен, «теперь почти былинных», когда каналы рыли каналаармейцы, и дешевле, чем рабсила, в государстве ничего не водилось» (Вишневский Б. Контингент // Комс. правда. 1989. 9 сент.).

Отметим полную зависимость рассматриваемых конструкций от контекста. Они существуют только в составе рассуждения, поскольку

¹ О метаязыке и метатексте см.: Вежибicka А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8.

ку не являются обозначением реальных событий, явлений, а используются как гносеологические характеристики вводимых ими суждений. В этом их отличие от бытийных номинативных предложений типа «Ночь», «Зима». Об особом статусе данных структур говорит характер настоящего времени в них. Если возможна цепочка «Ночь» — «Была ночь» — «Будет ночь», то цепочка «Типичный пример» — «Был типичный пример» отсутствует, так как настоящее время в последних структурах связано с деятельностью говорящего, с речеведением, а не с бытием предмета «пример». Поэтому и изменение времени возможно лишь в метатекстовых конструкциях типа «Ранее был приведен пример», «Ранее я привел пример», «Далее будет приведен пример», «Далее я приведу пример».

Не все имена существительные, употребляемые в рассматриваемых конструкциях, полностью подчинились их метабытийной семантике, как мы видим это в случае со словом «пример». Сравним:

«Преувеличил бы, коль стал бы утверждать, что уже удалось в корне изменить ситуацию. Но отдача от предпринимаемых партийными комитетами мер становится все ощутимей, и это, отмечаем, благотворно сказывается на настроениях людей. Немножко курьезный и в то же время поучительный случай. Месяца четыре назад встречался я с представителями одного движения. Около трех часов беседовали, и нашлось, к обоюдному удовлетворению, немало «точек соприкосновения». А недавно раздается телефонный звонок от них. Хотим, говорят, на райком пожаловаться. В чем, спрашиваю, дело? «Райкомовцы, — слышу в ответ, — перехватывают инициативу недозволёнными методами. Была у нас идея — создать свой клуб избирателей. Но они, плагиаторы, уже понастроили в районе более десятка подобных клубов. А у нас всего один». (Казьмин Ю., Логинов В. Не повторение пройденного // Правда. 1989. 27 нояб.).

В данном тексте можно использовать высказывание «Произошел такой немножко курьезный и в то же время поучительный случай». При этом ослабляется метатекстовая функция, существительное «случай» утрачивает синонимические отношения со словом «пример» (ср.: «Немножко курьезный и в то же время поучительный пример»), оно начинает употребляться в значении «происшествие, стечение обстоятельств», относя информацию к плану реальных событий.

Ядро номинативов с метабытийной семантикой составляют, таким образом, конструкции с наиболее отвлеченным, наиболее «метатекстовым» значением. Они получают специфический функционально-стилевой статус, закрепляясь за публицистическими текстами-рассуждениями. В целом можно констатировать, что совершенствование системы аргументации в газетных текстах приводит к активизации различных синтаксических конструкций, выполняющих функцию введения иллюстраций.

ЛОГИЧЕСКИЕ ПОГРЕШНОСТИ В ТЕКСТАХ ЖУРНАЛИСТОВ-АМЕРИКАНИСТОВ

В газетно-журнальной американистике сформировались два основных подхода к творчеству, две основные творческие установки, которые различаются по уровню обобщения, по типу мыслительной модели произведения и по его языковому оформлению. Типы творческих установок американистов можно обозначить как событийно-оценочный и концептуально-аналитический. Первый тип не предполагает диалектического, углубленного исследования действительности, в нем преобладает событийность, авторские оценки не поднимаются до уровня обобщенно-концептуального осмысления мира. Во втором типе установок на первый план выходит глубокий анализ определенного фактологического массива, а также формирование развернутой и обоснованной авторской концепции. В практике, конечно, не существует чистых событийно-оценочных или концептуально-аналитических установок. При анализе конкретных журналистских материалов правомерно говорить о доминировании того или иного типа, а не о его абсолютном господстве. Творческие установки можно рассматривать в контексте различных типов мышления: мифологического, метафизического и диалектического¹.

Мы покажем негативные проявления событийно-оценочной установки в контексте метафизических представлений о мире. Такими проявлениями можно считать логические погрешности в текстах ряда журналистов-американистов.

Логические погрешности — это нарушения правил операций с понятиями, ошибки в построении умозаключений, в доказательстве или опровержении тезиса.

Ошибки в определении понятий. Специфика журналистского текста во многом обусловлена тем, что в нем сочетаются строгая документальность содержания и образность языка. Определение любого понятия может быть оформлено с помощью языковых средств выразительности, которые не только называют существенные характеристики того или иного явления, но и выражают авторское отношение к нему.

Нечеткость представления читателю какого-либо понятия нередко возникает оттого, что текст перегружается яркими, образными наименованиями предмета разговора, характеризующими его односторонне, неполно и неглубоко. Например, американская правящая элита часто обозначается как «некоронованные короли Америки», «американские толстосумы», «короли бизнеса»; военно-промышленный комплекс США — как «фабриканты смерти», «неоколониаль-

¹ См.: Дзялошинский И. М. Журналистское мышление как развивающаяся система // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1989. № 6. С. 3—14.

ный держиморда», «ядерные баскетболисты», «ракетно-ядерная рать». При отсутствии анализа разных сторон явления у читателя создается искаженное представление о нем.

Такая же неточность возникает в силу многократного употребления языковой единицы и превращения ее в стереотип, информативность которого по существу сведена к нулю. Психолингвистические исследования этой проблемы показали, что часть общественно-политической лексики не осмысливается некоторыми группами читателей, а лишь эмоционально окрашивается в их сознании. Так, по результатам одного из экспериментов, не смогли сформулировать значение слов: «эскалация» — 53% опрошенных, «левые силы» — 51%, «курс акций» — 49%, «либерал» и «рсакционер» — 40%, «концерн» — 31%, «монополия» — 29%, «биржа» — 20%, «империализм» — 13%². Иногда, определяя предложенные исследователями слова, люди заменяли их языковое значение собственной оценкой-характеристикой: «либерал» — это что-то слащавое, «вояж» — это что-то круглое. Нередко давалась лишь общая оценка: «что-то плохое», «что-то хорошее». Хотя одной из главных причин такого понимания общественно-политической лексики считают недостаточный уровень образования, думается, не следует забывать и о роли средств массовой информации, часто употребляющих данные и другие подобные слова небрежно и неточно. Рассмотрим, как проявляется эта небрежность.

Журналист не обязан каждый раз заниматься толкованием смысла используемых им слов, но ему необходимо создавать такой контекст, который помог бы даже не очень образованному читателю однозначно и правильно воспринять лексическую единицу. Именно смысловые дефекты контекста — серьезная преграда для четкого понимания содержания слова читателем. Покажем это на двух примерах.

Слово «фаталист»: «Я бы сказал, что многие американцы — фаталисты до мозга костей либо притворяются фаталистами, хотя многим из них это мешает уразуметь суть явлений... Вера первых эмигрантов в провидение... сформировала в так называемом «среднем американце» удивительную, прямо-таки религиозную веру в Свой Шанс. ...Иногда это идет от нежелания разобраться в явлении, иногда от стремления это явление упростить, а порой от того, что не хочется верить в реальность происходящего»³. По контексту, фаталист — человек, который верит в свой шанс, в удачу. Языковое же значение этого слова: «человек, склонный к фатализму, верящий в предопределение, в фатум, в судьбу»⁴, что предполагает

² См.: Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984. С. 210—213.

³ Коротич В. Роман в письмах. М., 1983. С. 85—86. (Далее в тексте сокращенно: Коротич.)

⁴ Словарь иностранных слов. М., 1989. С. 533. (Далее в тексте сокращенно: СИС.)

пассивное отношение человека к миру. Между тем автор описывает активный, деятельный характер тех людей, которых он назвал фаталистами.

Слово «шовинизм»: «Флаги, флаги. Куда ни кинешь взгляд — везде флаги. Весь штат Белого дома носит их в петлицах пиджаков. В знак конфронтации или негоциации, господа? В Мэриленде «Американский легион» повелел установить флаги в каждой классной комнате каждой школы этого штата. Пусть дети впитывают шовинизм с молоком матери»⁵. По контексту, шовинизм — культ национального флага. Языковое значение: «крайний национализм, политика, состоящая из проповеди национальной исключительности, направленная на разжигание национальной вражды и ненависти» (СИС, 578).

К нечеткости понятия приводит определение его через отрицание, как, например, в следующем фрагменте: «... Столбовая дорога развития истории общества — не Пенсильвания-авеню в городе в десять квадратных миль, выкроенных из штатов Мэриленд и Виргиния на берегах безнадёжно обмелевшего Потомака»⁶. Здесь автор определяет прогресс как не парад в честь выборов очередного американского президента. Может возникнуть вопрос: а что же это такое? И он остается без ответа. Автор как бы предполагает изначальное знание аудиторией истинного значения этого слова.

В некоторых случаях журналисты определяют понятия на основе только одного признака, что бывает очень экспрессивно, но не всегда соответствует сущности изображаемого явления. Например, характеристика американского правительства как «правительства миллионеров, управляемого миллионерами для миллионеров» (Стуруа, Америка 80-х, 24), лишь частично соответствует действительности.

Ошибки в делении объема понятия. Рассмотрим фрагмент еще одной книги М. Стуруа об Америке: «Тюремный бизнес не просто источник существования бюрократов, он основа существования режима, строя. В Соединенных Штатах он направлен своим острием не против преступности, а против эксплуатируемых. Нездаром члены гангстерских синдикатов и «белые воротнички» составляют менее одного процента растущего тюремного населения Америки. «Ангола» не для Карлоса Марсело и Генри Форда. Она для таких, как Кокки»⁷.

Во-первых, в этом отрывке дается неточное авторское определение понятия тюремного бизнеса как основы существования строя,

⁵ Стуруа М. Г. Вид на Вашингтон из отеля «Уотергейт». М., 1984. С. 237—238. (Далее в тексте сокращенно: Стуруа. Вид на Вашингтон.)

⁶ Стуруа М. Г. Америка восьмидесятых: пять лет и пять минут. М., 1986. С. 27. (Далее в тексте сокращенно: Стуруа. Америка 80-х.)

⁷ Стуруа М. Г. С Потомака на Миссисипи: Несентиментальное путешествие по Америке. М., 1981. С. 54—55. (Далее в тексте сокращенно: Стуруа. С Потомака.)

хотя известно, что основой любого общественно-политического строя является экономический базис. Во-вторых, автор своеобразно делит объем понятия «заключенные» на эксплуатируемых и эксплуататоров. В-третьих, объем понятия «эксплуататоры» также поделен необычно — на «белые воротнички», «членов гангстерских синдикатов» и «крупных предпринимателей» (Генри Форд). Даже если допустить, что деление на эксплуататоров и эксплуатируемых имеет под собой определенную почву, то в делении объема понятия «эксплуататоры» мы находим ряд логических ошибок: а) неполное деление, так как понятие «эксплуататоры» описывается не только через указанные категории людей; б) деление не по одному основанию («белые воротнички» могут быть «членами гангстерских синдикатов» и наоборот, а также те и другие могут быть «эксплуатируемыми»); в) члены деления не исключают друг друга.

Софистические рассуждения. Метафизический тип мышления характеризуется односторонностью картины мира, сглаживанием его противоречий. Этот тип мышления проявляется в текстах как использование специфических приемов аргументации, которые включают в себя элементы софистики, эклектики и догматизма.

Примером софистического рассуждения, в котором ложные доводы выдаются за истинные, является следующий пассаж о научно-техническом потенциале Америки: «Бурное развитие техники, неразумно обгоняющей социальное созревание общества, еще больше обнажило моральное одряхление империализма. Роботы и автоматы вытесняют человека, война перестает быть продолжением политики иными средствами. И то, и другое таит в себе угрозу гибели цивилизации, угрозу вращению Земли вокруг своей оси и Солнца. Невольно задаешься вопросом: а не правы ли были боги, наказавшие Прометея за то, что он нарушил «график прогресса» простых смертных? Ведь ускорение вращения Земли не менее опасно, чем его остановка. В оправдание титана-торопыги можно сказать, что он не мог предвидеть появление в одном и том же столетии Эйнштейна и Уайбергера, Бора и Теллера. Чем больших успехов добивается империализм в области науки и техники, тем неуютнее чувствует себя на земле человек и человечество. Уже в одном этом сопряжении — приговор Истории строю отживающему. И сейчас главная задача состоит в том, чтобы мертвый не схватил, не увлек за собой живого» (Стуруа. Америка 80-х, 165).

Вот одно из авторских умозаключений:

Посылка 1. Империализм имеет развитую науку и технику.

Посылка 2. Империализм угрожает человечеству уничтожением.

Вывод. Развитие науки и техники при империализме угрожает человечеству уничтожением.

Мы видим, что из двух истинных посылок автор делает ложный вывод. Это происходит потому, что журналист распространяет правило «военно-промышленный комплекс несет в себе угрозу жизни

на Земле» на новый субъект, лишь частично совпадающий с субъектом указанного суждения, — «наука и техника при империализме». Логическая погрешность объясняется тем, что автор неправомерно заменяет часть целым во второй посылке (вместо «военно-промышленный комплекс США» — «империализм»), а далее, приписав империализму признак «угрожать человечеству», журналист распространяет его на все составляющие этого сложнейшего явления, в том числе и на науку и технику при империализме. Мы наблюдаем неправильный модус третьей фигуры аристотелевских силлогизмов. Неправильность умозаключения можно показать еще более наглядно, если условно заменить один признак империализма («иметь развитую науку и технику») на другой (допустим, «иметь высокий уровень жизни»). Тогда мы получим вывод: «Высокий уровень жизни при империализме угрожает человечеству».

В приведенном фрагменте есть еще одно неверное умозаключение.

Посылка 1. Роботы и автоматы вытесняют человека (происходит отчуждение человека от средств производства).

Посылка 2. Война перестает быть продолжением политики иными средствами (предположим, что речь идет о ядерной катастрофе и всеобщем уничтожении).

Вывод. И то и другое таит в себе угрозу гибели цивилизации и угрозу вращению Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца.

В первой посылке автор выделяет в значении термина «экономическое отчуждение» только те стороны, которые связаны с вытеснением человека из производственного цикла в результате замены его автоматами, и игнорирует положительную роль научно-технического прогресса — замену тяжелого ручного труда автоматикой. Далее введена истинная посылка — «ядерная война действительно угрожает цивилизации». Между первым и вторым явлением устанавливается сходство — негативная оценочность, и на этом основании роботам приписывается признак «угрожать человечеству и даже вращению Земли вокруг Солнца».

Аналогичные схемы рассуждений встречаются в текстах многих журналистов-американистов, и мы можем сделать вывод, что это не дефект мысли, а так называемые «штампы сознания», стереотипы, которые десятилетиями складывались в журналистике и превратились в некий ритуал, над содержанием коего мало кто задумывается. Зарождение этого «логического ритуала» мы наблюдаем еще в 30-х годах, в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова, которые так писали об Америке: «— Слишком много машин! Слишком много техники! Машины виновны в затруднениях, которые постигают страну».

И это говорили люди, которые сами производят всевозможные замечательные машины. Может быть, они предвидели уже момент, когда машина лишит работы не только рабочих, но и их самих, инженеров»; «Современная американская техника несравненно

выше американского социального устройства. И в то время как техника производит идеальные предметы, облегчающие жизнь, социальное устройство не дает американцу заработать денег на покупку этих предметов. ...Собственность для подавляющего большинства народа — это фикция. ...Достаточно человеку лишиться работы, и на другой день он начинает ясно понимать, что никакой он не собственник, а самый обыкновенный раб вроде негра, только белого цвета»⁸.

Элементы эклектики. Софистика как прием метафизического журналистского мышления тесно связана с эклектикой — соединением разнородных элементов в целях доказательства тезиса. Рассмотрим следующий фрагмент: «Но вряд ли это будет означать «новое начало». Недаром гранд-маршалом, то есть почетным командующим парадом, назначен единственный оставшийся в живых американский пятизвездный генерал Омар Брэдли, которому недавно исполнилось 87 лет, и недаром участникам парада предписана ускоренная формула прохождения — сто десять шагов в минуту. Да, к сожалению, новая администрация намерена продолжать старую политику гонки вооружений, причем во все нарастающем темпе) (Стуруа. Америка 80-х, 22).

Рассуждение это очень нечетко, направление причинно-следственных связей в нем можно истолковать двояко. Если последнее предложение считать выводом, тогда в тексте можно увидеть два таких умозаключения.

I. Посылка 1. Генерал Брэдли назначен гранд-маршалом военного парада по случаю вступления в права новой администрации США.

Посылка 2. Генерал Брэдли участвовал в гонке вооружений.

Вывод. Следовательно, новая администрация намерена продолжать гонку вооружений.

II. Посылка 1. Старая администрация вела политику гонки вооружений.

Посылка 2. Участники парада в честь новой администрации маршируют быстрее, чем при старой.

Вывод. Следовательно, новая администрация намерена ускорить гонку вооружений.

Если же учесть семантику наречия «недаром», то два предложения, этим наречием начинающиеся, должны излагать следствия явления, о котором сообщает последующее высказывание. Таким образом, причинно-следственные связи могут быть восприняты в обратном направлении.

I. Посылка 1. В честь новой администрации состоялся парад.

Посылка 2. Новая администрация намерена продолжать гонку вооружений.

Вывод. Поэтому гранд-маршалом парада назначен генерал Брэдли, участвовавший в гонке вооружений.

⁸ Ильф И., Петров Е. Собр. соч. М., 1961. Т. 4. С. 115, 129.

II. Посылка 1. В честь новой администрации состоялся парад.

Посылка 2. Новая администрация намерена ускорить гонку вооружений.

Вывод. Поэтому участникам парада предписано шагать быстрее, чем раньше.

И первый и второй варианты трактовки авторской мысли сходны в недостаточности аргументации. В каком бы порядке ни следовали суждения о продолжении гонки вооружений, назначении генерала гранд-маршалом парада и об ускорении шага, они не обуславливают друг друга. Недостаточность оснований выводов и разноплановость утверждений — результат эклектичности рассуждения.

Проявления догматичности мышления. Элементы софистики и эклектики в советской газетно-журнальной американистике имеют корни в догматическом видении мира. Догматизм как метод метафизического мышления проявляется в одностороннем отношении к истине, к реальному положению вещей, когда признается абсолютный момент знания о предмете и отбрасывается относительность знания.

Догматичность сказывается в ряде содержательных и формальных приемов организации текста.

1. Перенос оценок с части на целое. Например, черты, свойственные ограниченной группе молодежи, приписываются всей молодежи, которая, по мнению автора, «окончив школы и колледжи, вливается не в ряды строителей жизни, а пополняет армию безработных, преступников и наркоманов ... она, недоедавшая в годы учения, становится пушечным мясом, покинув школьные парты» (Стуруа. Америка 80-х, 37). Поступки отдельных людей, нищенское положение которых вынуждает их торговать своими органами (печенью или почками), преподносятся читателю как закономерность жизни всего американского общества: «Набожная администрация, которая расстреливает божий дар жизни в Ливане, Гренаде и Ливии, довела собственных людей до того, что они начинают пускать свою плоть с молотка»⁹. Качество американской кинематографической продукции определяется через оценку низкопробных коммерческих фильмов: «Залы на самом «великом белом пути» захвачены кинодельцами, делающими быстрые, потные доллары на целлулоидной похоти» (Симонов, 110).

2. Апелляция к авторитетам, когда доказательство авторской мысли целиком или частично подменяется цитированием или подражением известного, всеми признанного источника: «Ныне содружество социалистических стран — это могучий, здоровый организм, который играет огромную и благотворную роль в современном мире... Волны реакции разбиваются о непреступную стену,

⁹ Симонов В. А. Чем дышишь, Америка? М., 1987. С. 69. (Далее в тексте сокращенно: Симонов.)

сложенную из тех камней, о которых говорил М. И. Калинин в памятный декабрьский день 1922 года» (Стуруа. Америка 80-х, 172). Тезис В. И. Ленина о загнивании и обреченности империализма не обосновывается свежим эмпирическим материалом, а приводится как аргумент для авторского вывода: «Чем больших успехов добивается империализм в области науки и техники, тем не уютнее чувствует себя на земле человек и человечество. Уже в одном этом сопряжении — приговор Истории строю отживающему» (Стуруа. Америка 80-х, 165); «... Мечты о достижении военного превосходства никогда не покидали вашингтонских джентльменов, ибо эти мечты — ступеньки к их ультимативной мечте, ставшей идефиксом, к мечте о мировом господстве. А «мировое господство, — как предупреждал В. И. Ленин, — есть, говоря кратко, содержание империалистической политики, продолжением которой является империалистическая война» (Стуруа. Америка 80-х, 61); «Остановись, мгновенье, ты — ужасно!» — так расшифровывается истерия загнивающей буржуазии, пытающейся заковать планету в ядерные доспехи» (Стуруа. Америка 80-х, 164).

3. Сдвиг акцентов — освещение в событии лишь тех сторон, которые выгодно укладываются в рамки авторской концепции, умолчание о других аспектах сложного явления, бессистемность освещения социальных явлений. Так, во внешней политике США особо выделялись моменты угрозы, насилия, гонки вооружений: «Империализм никак не может расстаться с иллюзией достижения военного превосходства над нами, чтобы поставить нас на колени, а в случае отказа — уничтожить» (Стуруа. Америка 80-х, 173); «Под дипломатическим цилиндром Вашингтона всегда скрывался стальной шлем, под фраком — латы» (Стуруа. Америка 80-х, 199). Экономика США иногда изображалась как находящаяся на грани полного краха: «... За обозримый исторический период, независимо от того, кто приходил в Белый дом — демократ или республиканец, экономическое положение Соединенных Штатов не только не улучшалось, но, наоборот, последовательно ухудшалось» (Стуруа. Америка 80-х, 29). Классовое расслоение американского общества показано через резкую поляризацию: «В мире капитала «сладкая жизнь» немногих оплачена тем, что большинство общества возвращается несолоно хлебавши с пира всеобщего благоденствия» (Стуруа. Америка 80-х, 186). Меценатство и благотворительность миллионеров представлялась часто только как погоня за наживой или обман государства: «Доллар намагничивается, притягивая за океан то, что здесь никогда создать не могли» (Коротич, 53); «Американские толстосумы, увлекающиеся филантропией, весьма дорого обходятся налогоплательщикам. Их подношения что дары данайцев. ... Вот почему казначейство и бюджетное бюро неизменно содержатся, когда очередной король нефти или печатного станка одаряет страну своей милостью и щедростью» (Стуруа. Вид на Вашингтон, 53 — 54).

4. Домысливание целей и мотивов поступков людей или деятельности отдельных социальных групп, государственных институтов, не подтвержденное документами и другими достоверными сведениями. Например, цель деятельности высших эшелонов власти США обозначается так: «Элита мыслит, как бы укрепить свое положение на горбе народа» (Симонов, 35); «Авиационная армада монополий кружит, словно ястребиная стая, над столицей Соединенных Штатов, кружит круглосуточно, зорко наблюдая за тем, как идут дела в вашингтонских коридорах власти, готовая незамедлительно спикировать, если что не так» (Стуруа. Америка 80-х, 35). Антисоветская пропаганда объясняется незнанием законов общественного развития: «Время можно ускорять и замедлять. Единственное, что невозможно сделать, так это обратить его вспять. Этот закон непреложен и в физике, и в политике. Но, к сожалению, в вашингтонской администрации нет гераклитов, а Потомак, на котором стоит столица Соединенных Штатов, мало напоминает мифологическую Лету. Иначе разве сидели бы у его берегов в ожидании «краха социализма» безграмотные, хотя и дипломированные пифий?» (Стуруа. Америка 80-х, 170).

5. Использование стереотипных номинаций с яркой негативной оценочностью, например: консерваторы — «ястребы», «ястребиная стая»; буржуазия — «хищники»; общество США — «общество насилия».

6. Декларативность, обличительный тон публикаций, безапелляционность оценок.

Рассмотренные логические погрешности возникали главным образом вследствие установки журналистов на тенденциозный отбор фактов. Эклектичность отбора, догматичность в установлении связей между отобранными фактами, прикрытые стереотипными, но броскими сравнениями и метафорами, давали своеобразную видимость аналитичности того или иного журналистского исследования, имитировали диалектическое изучение жизненных противоречий.

Метафизический подход к отражению действительности в творчестве американистов за последние годы существенно сдал свои позиции, уступая место диалектическому видению мира во всей его сложности и неоднозначности. Диалектика становится ядром нового политического мышления, главные методологические характеристики которого — «беспощадный реализм, самоанализ и самокритика, восприимчивость ко всему новому»¹⁰ — приобретают характер творческого кредо у большинства советских журналистов-американистов.

¹⁰ Бовин А. Е. Новое мышление — новая политика // Открывая новые страны... Международные вопросы: события и люди. М., 1989. С. 420.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
Корконосенко С. Г.	Пресса и управленческое решение 7
Олешко В. Ф.	От руководства к сотрудничеству (Молодежная газета и учредитель: стиль взаимоотношений) 16
Попова М. Ф.	О типологических признаках и принципах современного советского детского журнала 26
Мясникова М. А.	Журналы 80-х (Опыт работы внештатных редколлегий) 41
Быченко С. Н.	Неформальная пресса как явление журналистики 53
Ефимова Н. В.	Самосознание новых социальных субъектов в массовых информационных процессах (Опыт исследования альтернативной прессы БССР) 62
Зыков В. Ф.	Пропагандистская статья: кризис и возрождение жанра 72
Шестакова О. В.	Роль прессы в формировании исторического сознания 79
Кулиничев В. Г., Тулупов В. В.	О некоторых традициях 20-х годов в современной печати 88
Федотова А. Н.	Анализ содержания телепередач как составная часть комплексного сравнительного исследования советского и американского телевидения 95
Майданова А. М.	Слово о понятии и слове в публицистической аргументации 102
Сметанина С. И.	Специфика аргументации в фельетоне 107
Гущина И. В.	Аргументативная сторона одной газетной дискуссии 114
Чепкина Э. В.	Взаимодействие автора и адресата в условиях массовой коммуникации 120
Хамзина Г. К.	Некоторые стилистико-синтаксические тенденции развития газетной публицистики конца 80-х годов 126
Нестерова О. А.	Логические погрешности в текстах журналистов-американцев 130

**ЖУРНАЛИСТИКА КОНЦА 80-х:
СМЕНА ПРИОРИТЕТОВ**

Редакторы Т. С. Непряхина, Ю. А. Варва
Технический редактор Э. А. Максимова
Корректор В. П. Живаева

Темплан 1991, поз. 2127

Сдано в набор 09.12.91 Подписано в печать 28.12.91 Формат 60 х 90 1/16.
Печать высокая. Гарнитура Светлана. Уч.-изд. л. 8,75. Усл. печ. л. 8,75.
Тираж 600 экз. Заказ 633. Цена 4 руб.

Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет
им. А. М. Горького. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Типолаборатория УрГУ. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.